

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ
БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

1-485172

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1982

Проблемы теории и практики борьбы с преступностью: Сб. статей. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.— 9 л.— 1 р. 40 к. 500 экз. 1203100000.

Сборник включает статьи научных работников юридических факультетов Алтайского, Кемеровского, Красноярского, Томского государственных университетов, практических работников правоохранительных органов.

В статьях рассматриваются актуальные вопросы криминологии, уголовного права и процесса, исправительно-трудового права и криминалистики, вопросы практической организации борьбы с преступностью, совершенствования деятельности правоохранительных органов.

Сборник может быть использован студентами, аспирантами, преподавателями высших юридических заведений, а также работниками правоохранительных органов.

Рецензент — проф. А. Л. Ременсон

Редакторы: проф. А. Л. Ременсон, проф. В. Д. Филимонов, доц. Н. Т. Бедерников, доц. М. К. Свиридов

П $\frac{1203100000}{177(012) - 82}$ 45—82

© Издательство Томского университета, 1982 г.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПРАВЛЕНИЯ И ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

А. Л. РЕМЕНСОН

1. Руководствуясь действующим законодательством, следует считать, что в исправлении и перевоспитании нуждаются не все осужденные, а лишь те, кому судом назначена мера уголовного наказания, разумеется, за исключением смертной казни.

Осужденные без назначения наказания (ч. II ст. 43 Основ уголовного законодательства) в исправлении и перевоспитании не нуждаются, так как они признаются лицами, не являющимися общественно опасными, что указывается в самом приговоре.

В соответствии со ст. 20 Основ уголовного законодательства суд, назначая любое наказание, имеет в виду необходимость достижения всех целей наказания, в том числе и исправления и перевоспитания осужденного. Это относится и к условному осуждению, хотя в этом случае исправление и перевоспитание осуществляется не только путем назначения наказания, но и путем угрозы приведения его в исполнение в случае несоблюдения определенных условий, а также посредством воздействия коллектива или отдельного лица, на которых могут быть возложены специальные обязанности по наблюдению за осужденным и проведению с ним воспитательной работы.

Закон прямо говорит о том, что эти специальные обязанности возлагаются на коллектив или определенное лицо для **перевоспитания и исправления** виновного.

Задача исправления и перевоспитания стоит и в отношении лиц, которые осуждены к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Такие лица также характеризуются определенной степенью общественной опасности.

Мы не разделяем мнения Ю. Д. Блувштейна¹ о том, что личность преступника существует лишь в случае, когда свойства личности играли существенную роль в этиологии совершенного им преступления, носили устойчивый характер.

Нам кажется, что предлагаемый Ю. Д. Блувштейном вариант, когда личные качества субъекта преступления не играют сколько-либо заметной роли в генезисе преступления, попросту невозможен, ибо при таком походе снимается проблема уголовно-правовой вины личности в совершении преступления, а сама личность по существу рассматривается как игрушка в руках внешней ситуации.

По советскому уголовному закону преступлением может считаться только деяние, совершенное под контролем сознания субъекта. Контроль этого сознания имеет свои основания в определенных чертах личности.

Даже в случае неустойчивости этих черт мы имеем дело с общественной опасностью личности, так как именно эта неустойчивость свидетельствует о том, что личность в той или иной мере опасна и, следовательно, нуждается в определенном воздействии на нее, то есть должна подвергаться исправлению и перевоспитанию.

2. Исправление и перевоспитание является не только задачей наказания. Эта цель стоит также: а) перед принудительными мерами воспитательного характера, применяемыми к несовершеннолетним преступникам; б) перед мерами общественного воздействия, применяемыми товарищеским судом, которому в силу ст. 51 УК РСФСР переданы материалы дела; в) перед коллективами, которым лицо, совершившее преступление, передано на поруки (ст. 52 УК РСФСР); г) перед коллективами и определенными лицами, на перевоспитание которым передан условно осужденный; д) перед мерами административного воздействия, применяемыми на основании ст. 50¹ УК РСФСР; е) перед комиссиями по делам несовершеннолетних, инспекциями по делам несовершеннолетних — в случаях применения ст. 46¹ УК РСФСР; ж) перед мерами исправительно-трудового воз-

¹ См.: Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника. — Советское государство и право, 1979, № 8, с. 82 и далее.

действия, применяемыми в процессе исполнения наказания.

3. Стоит ли задача исправления и перевоспитания после отбытия наказания? Это вопрос можно ставить лишь в отношении лиц, имеющих судимость после отбытия наказания. Если судимости нет, ни о какой задаче исправления и перевоспитания не может быть и речи. Для этого нет юридических оснований.

Конечно, в чисто педагогическом смысле можно говорить о необходимости исправления и перевоспитания лица, не совершившего преступления или совершившего преступление в прошлом, если все правовые последствия преступления и наказания уже отпали.

Об исправлении и перевоспитании таких лиц в правовом смысле можно говорить лишь применительно к административному праву и, может быть, применительно к трудовому праву (например, исправление прогульщика).

Но в уголовно-правовом аспекте в отношении таких лиц об исправлении и перевоспитании как исправлении и перевоспитании **преступника** говорить нельзя, здесь преступника нет. Иначе обстоит дело в отношении лиц, имеющих судимость. Здесь такая постановка вопроса возможна. Этот вопрос должен решаться дифференцированно. Нельзя говорить о задаче исправления и перевоспитания в отношении лиц условно-досрочно освобожденных, так как они признаны судом лицами, которые доказали свое исправление. В отношении таких лиц может стоять только задача закрепления результатов исправления и перевоспитания. Однако из этого правила есть исключения.

Если условно-досрочно освобожденный, который был судим к лишению свободы за тяжкое преступление либо более двух раз к лишению свободы за любое умышленное преступление, после освобождения систематически нарушает общественный порядок и правила социалистического общежития и продолжает, несмотря на предупреждение органов милиции, вести антиобщественный образ жизни, то за ним устанавливается административный надзор.

Из анализа норм Положения об административном надзоре следует, что одна из целей его применения есть цель исправления и перевоспитания.

Сравнительный анализ законодательства об условно-досрочном освобождении и об административном надзоре показывает парадоксальность действующего закона: когда речь идет об установлении административного надзора в отношении условно-досрочно освобожденного, исправлению подлежит лицо, в отношении которого никем не отменен вывод суда о том, что это лицо доказало свое исправление.

Из этого положения, видимо, должен следовать один вывод — определение об условно-досрочном освобождении нуждается в отмене. Но в этом случае отпадает и надобность в административном надзоре, так как отмена условно-досрочного освобождения означает, что будет приводиться в исполнение неотбытая часть наказания.

Безусловно, нуждаются в исправлении и перевоспитании те осужденные, которые в период отбывания наказания своим поведением засвидетельствовали, что они упорно не желают встать на путь исправления. В отношении части из этих лиц (судимых к лишению свободы за тяжкие и более двух раз за умышленные преступления) законодатель допускает установление административного надзора.

Таким образом, в отношении этих лиц **неисправление** должно быть юридически удостоверено заключением администрации ИТУ и наблюдательной комиссией и постановлением компетентного органа внутренних дел, санкционированного прокурором. Установление административного надзора за этими же лицами возможно и при другом варианте — в местах заключения они вели себя более или менее положительно, однако после освобождения их поведение стало антиобщественным, что также должно быть установлено в предусмотренном законом порядке.

Другими словами, законодательно цель исправления в отношении отбывших наказание ставится лишь при наличии определенной системы фактов антиобщественного поведения во время отбывания наказания или после него, проверенных и установленных в законном порядке.

Презумпция неисправленности и вытекающая из нее обязательная постановка цели исправления по действующему закону носит исключительный характер и распространяется только на особо опасных рецидивистов, от-

бывших лишение свободы. В литературе (А. С. Бондаренко) высказываются обоснованные возражения против такого решения вопроса. В отношении всех остальных судимых лиц, видимо, следует исходить из того, что они презюмируются исправившимися и в отношении их возможно ставить не цель исправления, а цель закрепления результатов исправления. Нормативно такая цель закреплена, однако, лишь в отношении условно-досрочно освобожденных (ст. 105 ИТК РСФСР).

Таким образом, мы имеем уже по крайней мере два пробела в законе:

1. Отсутствие постановки задачи исправления и перевоспитания в отношении большинства категорий отбывших наказание судимых лиц, если в период отбывания наказания или после него они доказали свое неисправление. Такая задача, как мы видим, ставится только в отношении лишь некоторых категорий лиц, осужденных к лишению свободы.

2. Задача закрепления исправления поставлена лишь в отношении условно-досрочно освобожденных.

УК РСФСР в ч. 9 ст. 57 указывает, что досрочное снятие судимости возможно по суду, если после отбытия лишения свободы лицо доказало свое исправление честным трудом, примерным поведением. При анализе этой нормы возникает ряд вопросов:

1. Почему эта норма относится только к тем, кто отбывал лишение свободы?

Возникает парадоксальная ситуация: более опасный преступник имеет право на досрочное снятие судимости, а менее опасный, который отбывал наказание, не связанное с лишением свободы, такого права не имеет, как бы хорошо он себя ни вел.

2. Поскольку под действие указанной нормы попадают и условно-досрочно освобожденные, то встает вопрос, почему один и тот же факт — исправление — должен доказываться дважды? Один раз в момент условно-досрочного освобождения, а другой раз — при снятии судимости?

Видимо, право на досрочное снятие судимости должно распространяться на всех судимых, а основанием его реализации должно быть то, что лицо после отбытия наказания **подтвердило** свое исправление честным трудом и примерным поведением.

Таким образом, в отличие от некоторых авторов (например, В. В. Ераксина и Л. Ф. Помчалова)², мы считаем что:

1. Лицо, отбывшее наказание, должно презумироваться исправившимся.

2. Эта презумпция является **опровержимой** и в случае ее опровержения должна быть законодательно определена необходимость **исправления** этих лиц;

3. Во всех остальных случаях должна быть законодательно определена цель **закрепления** исправления.

Исходя из этого, законом должен быть определен круг органов и лиц, на которые следует возложить достижение этих целей, определены средства достижения этих целей, средства, обеспечивающие деятельность по **закреплению** исправления, а в необходимых случаях и по **исправлению** судимых лиц.

По вопросу о том, в каком нормативном акте должны содержаться эти нормы, есть разные точки зрения. С. И. Зельдов³ считает, что должен быть самостоятельный комплексный акт, В. И. Гуськов⁴ полагает, что эти нормы должны быть составной частью закона о профилактике.

С нашей точки зрения, эти нормы должны быть составной (законодательной) частью Основ исправительно-трудовых кодексов. К. Лютов прав, когда пишет, что хотя работа с освобожденными выходит за пределы уголовно-исполнительного права, она представляет продолжение начатого при исполнении наказания карательного-воспитательного процесса и поэтому должна регулироваться в уголовно-исполнительном законодательстве.

По такому пути пошло не только Болгарское законодательство, но и законодательство ГДР в отношении освобожденных из учреждений для исполнения наказания. Это обстоятельство получило отражение в самом наименовании закона ГДР, который так и называется: «Об

² См.: Ераксин В. В., Помчапов Л. Ф. Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве. М.: Изд. МГУ, 1963.

³ См.: Зельдов С. И. О правовом статусе судимых лиц.— Советское государство и право, 1979, № 6.

⁴ См.: Лютов К. Предмет и основные принципы закона об исполнении наказаний.— В сб.: Новое уголовное законодательство зарубежных стран социалистической Европы. М.: Юрид. литература, 1974.

исполнении наказания в виде лишения свободы и включения лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в общественную жизнь». Опыт ГДР в этом отношении весьма интересен.

Закон ГДР определяет обязанности по работе с освобожденными, возлагая эти обязанности на исполкомы, руководство предприятий и учреждений. Привлекаются к этой работе общественные организации, бывшие сослуживцы освобожденного, коллективы трудящихся. Определено место суда в этой работе. Определены обязанности органов трудоустройства, профтехобуча, народного образования. Установлена обязательная отчетность исполкомов перед Советами о работе с освобожденными. Координация всей работы возложена на органы внутренних дел.

Интересно, что закон предусматривает меры воздействия на освобожденного в случае его неправильного поведения. В этом случае суд возлагает на коллектив (с его согласия) обязанность помочь освобожденному включиться в общественную жизнь (и прежде всего в трудовой процесс) и принять участие в его перевоспитании (ст. 47 УК ГДР). Но, кроме того, суду дано право: 1) указать место работы; 2) обязать не менять место работы; 3) не останавливаться в определенной местности; 4) строго соблюдать в местах своего пребывания предписания государственных органов.

Мне кажется, что этот опыт заслуживает внимания в следующих отношениях:

1. Хотя государственные органы, предприятия, учреждения, их руководители, трудовые коллективы наделены такими общими обязанностями и правами, которые позволяют им сейчас вести определенную работу по воспитательно-профилактическому воздействию на своих членов, все же есть необходимость конкретизировать эти обязанности по отношению к судимым лицам.

Практически это значит, что целесообразно нормативно закрепить:

а) указание на цели судимости, одной из которых является закрепление результатов исправления осужденных;

б) указание на то, что судимые должны находиться на соответствующем учете;

в) обязанность соответствующих органов передавать

информацию о наличии судимости у того или иного лица в отделы кадров по месту его работы и в общественные пункты охраны порядка по месту жительства;

г) указание на то, что коллективы и общественные организации по месту работы и месту жительства судимых лиц должны быть наделены правом наблюдения за их поведением. Содержание этого права должно быть конкретизировано;

д) обязанность администрации, коллективов и общественных организаций по месту работы и месту жительства вести воспитательную работу с судимыми лицами с учетом характера и опасности совершенного преступления, вида и срока наказания, а также учетом рекомендаций органа, исполнявшего наказание;

е) оказание судимым необходимой помощи в закреплении результатов исправления, в приобщении к честному трудовому образу жизни;

ж) право судимых ходатайствовать в соответствии с законом о досрочном снятии судимости. При этом возможность досрочного снятия судимости должна быть закреплена в отношении всех категорий судимых лиц;

з) возможность в необходимых случаях ставить перед судом по месту жительства вопрос о принятии к данному лицу специальных мер обеспечения должного поведения.

2. В случае, если судимый уклоняется от воспитательного воздействия, ведет антиобщественный образ жизни, предоставить право суду по ходатайству соответствующих органов вызывать это лицо и возлагать на него определенные обязанности и запреты: 1) поступить на работу или учебу; 2) обязать поступить на работу на одно из предприятий (учреждений, организаций), указанных в перечне, определенном судом. Этот перечень должен определяться исходя из интересов исправления и перевоспитания судимого лица с учетом законных интересов судимого и его семьи; 3) запретить увольнение с места работы без разрешения суда; 4) запретить злоупотребление спиртными напитками; 5) разрешить для контроля за поведением вход в помещение, где проживает судимое лицо; 6) возложить обязанность отчитываться о своем поведении перед коллективом, перед профилактическим органом; 7) назначить общественного воспитателя.

Одновременно следует предоставить суду право на-

лагать на данное лицо за нарушение установленных обязанностей (запретов) определенные взыскания: выговор, штраф, предостережение, а в отношении определенной категории лиц в случае безуспешности других мер устанавливать за этим лицом административный надзор.

Вопросы о законодательном изменении сроков погашения судимости в отношении некоторых категорий осужденных, а также о возможности продления срока судимости в судебном порядке следует обсудить особо.

Представляется, что совершенствование законодательства в рассматриваемых направлениях будет способствовать улучшению борьбы с рецидивом и создаст новые возможности для дальнейшей гуманизации практики применения уголовных наказаний.

ЦЕЛИ, НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВЕТСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В. В. ТИРСКИЙ, Ш. Ш. ХАМИТОВ

1. В Постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»¹ названы следующие цели партии в области формирования коммунистического сознания людей: воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности социалистической Родине, делу коммунизма, коммунистического отношения к труду и общественной собственности, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры.

В ст. 30 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик определены задачи политико-воспитательной работы с осужденными: воспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, бережного отношения к социалистической собственности, повышение сознательности и культурного уровня, развитие полезной инициативы осужденных.

Политико-воспитательная работа (в дальнейшем ПВР) с осужденными является составной частью идеологической, политико-воспитательной работы, проводимой в стране в целом, но имеет особенности, предопределенные спецификой объекта воздействия и условиями ее осуществления.

В ст. 7 Основ исправительно-трудового законодательства ПВР названа среди основных средств исправления осужденных и выступает, таким образом, средством перестройки сознания и будущего поведения лиц, совершив-

¹ См.: Правда, 1979, 6 мая.

ших преступления. Задачи ПВР, как нам кажется, скромнее, чем задачи политико-воспитательной работы в стране в целом. Главная задача — подготовить осужденных к честной трудовой жизни после отбытия ими наказания, привить элементарные навыки соблюдения правил человеческого общежития. Эта задача минимальная, но и она достигается не только ПВР, а и другими средствами совместно с ПВР (режим, труд, обучение). В то же время ПВР можно рассматривать и как предпосылку более эффективного воздействия на осужденных всех иных средств. Каждое из иных средств может выступать, в свою очередь, в качестве предпосылки эффективности ПВР. Эффективность каждого из средств влияет на эффективность карательно-воспитательного процесса исправительно-трудового учреждения (в дальнейшем ИТУ) в целом.

В определенном смысле ПВР с осужденными является наиболее сложной и важной работой в деле воспитания нового человека, в строительстве коммунизма, где нет места преступлениям. Преступление есть наиболее ярко выраженное конфликтное отношение личности с обществом и переделка сознания такой личности, несомненно, представляет значительные трудности. В то же время ПВР с осужденными является частью идеологической и воспитательной работы, проводимой в стране партией и нашим правительством, выходит за рамки задачи только исправления осужденных. По содержанию ПВР соответствует общей идеологической и воспитательной работе, и, следовательно, по мере возможности выполняет общие задачи.

Однако ПВР с осужденными имеет ярко выраженные конкретные специфические черты, вытекающие из специфики объекта воздействия, например, организация досуга осужденных, организация художественной самодеятельности, физкультурно-спортивной работы и т. п., что выходит за пределы обычной идеологической работы, проводимой в обычных условиях различными общественными организациями, а в местах лишения свободы — администрацией ИТУ.

Формы проведения ПВР менее разнообразны, чем в обычной идеологической и воспитательной работе. Эти ограничения обусловлены режимными требованиями, которые вытекают из необходимости изоляции осужден-

ных. Так, осужденные не могут посещать театры, выставки, публичные лекции, любые кинофильмы и т. п. Администрация ИТУ объективно ограничена в выборе форм идейно-воспитательного воздействия на осужденных. В данном случае наглядно проявляется одно из противоречий меры наказания и меры воспитательного воздействия: чем суровей мера наказания, тем более ограничен, как правило, диапазон меры сугубо воспитательного воздействия.

Таким образом, если сравнить задачи ПВР с задачами воспитательной работы, поставленными в Программе КПСС и названном постановлении ЦК КПСС, то надо отметить, что задачи ПВР значительно скромнее. Ограничены и формы ПВР в силу требований режима. Однако ПВР в ИТУ является частью осуществляемой в социалистическом обществе идейно-воспитательной работы и проводится на основе общих принципов коммунистического воспитания.

2. В ст. 44 Исправительно-трудового кодекса перечислены следующие формы ПВР среди осужденных: трудовое соревнование; разъяснение советского законодательства, агитационная и пропагандистская работа; культурно-массовая и физкультурно-спортивная работа; индивидуальная работа. Названные в законе формы и элементы ПВР среди осужденных выделены по содержанию работы, и правильней называть их не формами, а направлениями ПВР.

Процесс исправления осуществляется в ИТУ в коллективе и через коллектив. Имеется в виду не только коллектив сотрудников различных ИТУ, где каждый есть воспитатель, но и коллектив осужденных. В ст. 45 и 46 ИТК РСФСР предусматривается создание в ИТУ самодеятельных организаций осужденных. Работа этих организаций регулируется ведомственными нормативными актами. Самодеятельные организации осужденных создаются в целях развития навыков коллективизма у осужденных и поощрения их полезной инициативы. В самодеятельных организациях создаются секции, охватывающие различные стороны деятельности ИТУ (режим, труд, обучение, быт, питание, и др.). Создание самодеятельных организаций осужденных, по нашему мнению, не является абсолютно обязательным, хотя предусмотрено законом. Самодеятельные организации осужденных выражают интересы осужденных и должны создаваться

там, где сформирован коллектив осужденных. В противном случае они окажутся чуждыми основной массе осужденных, не будут выражать (отражать) их интересы, станут обособленными, изолированными от массы осужденных органами либо даже противостоящими осужденным, что чревато нежелательными конфликтами среди осужденных. При правильном подборе состава и руководстве самодеятельные организации осужденных, как показывает практика, становятся важным средством исправления осужденных, способствуют формированию нужного мнения осужденных, формируют принципиальное отношение к нарушителям режима содержания, способствуют вовлечению осужденных в трудовую деятельность и обучение.

Неумелое руководство самодеятельными организациями, наделение секций несвойственными им правами, предоставление членам самодеятельных организаций необоснованных привилегий может привести и фактически приводит к недовольству осужденных самодеятельными организациями, а иногда и к острым конфликтам. Чаще всего это касается секции внутреннего порядка. Интересно, что сами члены самодеятельных организаций, получившие необоснованные привилегии, со временем привыкают к ним, считают такое положение вполне естественным. Так, в одном из изученных нами ИТУ осужденным, принимавшим участие в дежурствах, организуемых секцией внутреннего порядка, разрешалось дополнительно расходовать деньги на покупку товаров в ларьке. Осужденные к этому привыкли и считали подобную практику вполне нормальной. Ликвидация такой незаконной практики вызывала недоумение среди осужденных, хотя незаконность ее и вредные последствия в плане перевоспитания осужденных очевидны.

Мы не поддерживаем высказанное на страницах специальной юридической печати мнение о ликвидации секций внутреннего порядка, но считаем необходимым обобщать и постоянно совершенствовать их работу. Работа со всеми самодеятельными организациями осужденных является творческой и сложной, где требуются поиски новых и новых форм воздействия на осужденных. Ликвидация той или иной секции не уменьшит необходимого объективно существующего объема работы самодеятельных организаций осужденных и приведет

лишь к переложению функций ликвидированной секции на оставшиеся или вновь созданные, то есть к перераспределению функций. От оправдавших себя на практике форм воспитательной работы среди осужденных нет смысла отказываться. Но новые формы и способы развития полезной инициативы осужденных искать нужно. Проблемной лабораторией по борьбе с рецидивной преступностью Томского университета под общим научным руководством профессора А. Л. Ременсона проводится, в частности, эксперимент по созданию ИТУ совета бригадиров и совета мастеров с целью развития производственной активности осужденных. Обе формы представляются жизненно реальными, полезными для развития у осужденных навыков управления производством, дают положительные результаты.

Важной составной частью производственно-массовой работы является организация трудового соревнования поэтому в ст. 44 ИТК РСФСР следует записать в качестве направления ПВР не трудовое соревнование, а производственно-массовую работу с организацией трудового соревнования. Трудовое соревнование призвано содействовать более лучшей организации коллективов осужденных, повышению их трудовой и общественной активности.

Правовое воспитание осужденных является неотъемлемой частью ПВР с осужденными, а разъяснение советского законодательства названо среди основных направлений ПВР. Изучение законов преступниками должно способствовать воспитанию у них уважения к законам, к правилам социалистического общежития.

Воспитание правосознания и правовой культуры должно приводить к осознанию вредности совершенного преступления, правомерности назначенного наказания.

Правовое воспитание осуществляется в разных формах: проведение лекций, занятий, докладов, бесед; организация стенной печати и наглядной агитации, вечеров вопросов и ответов; просмотр и обсуждение кинофильмов, читка газет и журналов, юридические консультации, выступления юристов и др.

Важным направлением ПВР с осужденными является агитационная пропагандистская работа. Именно в ходе этой работы у осужденных формируется коммуни-

стическое мировоззрение, разъясняются основные актуальные вопросы внешней и внутренней политики и др. Эта работа налагает определенные обязанности на администрацию ИТУ. Лица, ведущие агитационно-пропагандистскую работу, должны обладать высоким мастерством, умело работать с людьми, направляя их на выполнение стоящих перед страной задач. «Искусство всякого пропагандиста и агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно более наглядной и тверже запечатляемой»².

Основной формой агитационной и пропагандистской работы являются политические занятия осужденных, проводимые систематически по специальным программам, а также политинформации, лекции, доклады, беседы, стенная печать и др. При всех имеющихся недостатках (не всегда высокое качество политзанятий, недостаточная увязка информации о состоянии дел в стране и мире с состоянием дел в ИТК и поведением отдельных осужденных, срывы занятий, недостаточная самоподготовка осужденных к занятиям, пропуски занятий осужденными, осужденные не ведут конспектов занятий, резкое различие в общеобразовательном уровне осужденных, и др.) агитационная пропагандистская работа, по свидетельству самих осужденных, многое им дает — расширяет политический кругозор, помогает глубже осознать свое место в жизни. Эффективность этого направления ПВР во многом зависит не только от того, как она проводится, но и от того, кто ее проводит, насколько высок ее уровень.

Устранение отмеченных нами недостатков может способствовать повышению эффективности ПВР среди осужденных. В частности, представляется целесообразным проведение политических занятий для осужденных раздельно в зависимости от уровня образования, по разным программам и в несколько иных формах. Так, среди имеющих высокий уровень образования осужденных возможно привлечение их самих к проведению занятий в качестве докладчиков как в своей группе, так и в группах осужденных, имеющих невысокий уровень

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 21.

образования. Возможно создание группы политинформаторов среди осужденных. В любом случае необходима специальная подготовка политинформаторов и пропагандистов как из числа осужденных, так и из числа работников ИТУ.

Культурно-воспитательная работа с осужденными проводится в различных формах. Сравнительно невысокий культурный уровень осужденных обязывает вести работу постоянно и целеустремленно. Можно и нужно привлекать самих осужденных в качестве исполнителей к таким формам культурно-воспитательной работы, как художественная самодеятельность. Тематические вечера немыслимы без выступления перед аудиторией самих осужденных, но основную роль в организации этой работы играет все-таки администрация ИТУ. Развивая социальную положительную активность осужденных, администрация ИТУ должна придавать ей определенную направленность и контролировать, не полагаясь только на инициативу осужденных. Так, организуя художественную самодеятельность, администрация ИТУ должна заботиться об идейном содержании репертуара, о его злободневности, о соответствии задачам, стоящим перед ИТУ.

Важной формой культурно-воспитательной работы является библиотечная работа. Администрация ИТУ играет большую роль в комплектовании библиотечного фонда, в составлении списков рекомендуемых для прочтения книг, в обсуждении прочитанного, т. е. в организации постоянного и целеустремленного воздействия на развитие читательских вкусов осужденных, на развитие уважения к книге.

Формы ПВР среди осужденных должны и могут постоянно совершенствоваться по мере развития общества. Поиск наиболее эффективных форм ПВР — требование времени. Так, в частности, умелое использование (по времени и содержанию) телепередач в ИТУ может дать и дает положительные результаты. Воспитательное значение средств массовой информации общеизвестно. Применительно к осужденным это воздействие при соответствующем контроле со стороны администрации ИТУ может оказаться еще сильнее, поскольку осужденные к лишению свободы часто воспринимают информацию более обостренно, чем свободные граждане.

Физкультурно-спортивная работа с осужденными позволяет администрации ИТУ организовать досуг осужденных, способствует воспитанию у осужденных дисциплины, коллективизма, чувства дружбы, развивает активность и инициативу, укрепляет здоровье осужденных. Пренебрежительное отношение к организации физкультурно-спортивной работы противоречит общему направлению на гармоническое развитие личности при социализме, программному положению КПСС о том, что физкультура и спорт прочно войдут в повседневный быт людей³. Не случайно в ведомственных нормативных актах установлена обязанность начальника и политорганов ИТУ по созданию спортивных секций, ежедневных спортивных мероприятий, спортивных соревнований по отдельным видам спорта в отрядах и проведению спартакиад ИТУ в летний период.

В практику ИТУ входит такая форма, как проведение дней отряда. Дни отряда предусмотрено проводить, как правило, в выходные и праздничные дни. Основные задачи дней отряда — всемерное развитие активности и инициативы осужденных, комплексная целенаправленная организация свободного времени осужденных. При проведении дней отряда осуществляется целый комплекс политико-воспитательных мероприятий по всем направлениям ПВР.

С 1972 года в практику ИТУ прочно вошел ежедневный политчас. Проведение политчаса предполагает комплексное целенаправленное **систематическое** воздействие на осужденных. Во время политчаса предусматривается проведение политзанятий, политинформаций, докладов, диспутов, бесед и т. п., то есть формы реализации политчаса разнообразны.

Основные направления ПВР находятся в тесной взаимосвязи. Так, агитационно-пропагандистская, лекционная работа пронизывает все направления ПВР.

Особое место в системе ПВР занимает стенная печать. Содержательная и хорошо оформленная стенная газета способна оказывать большое влияние на осужденных. Недооценка этого влияния может привести к негативным последствиям.

МВД СССР уделяет внимание стенной печати осуж-

³ См.: Программа КПСС. Политиздат, М., 1973, с. 121.

денных, но не может, естественно, в ведомственных нормативных актах урегулировать все вопросы, касающиеся этого вопроса. Большую роль в повышении качества стенной печати осужденных может сыграть У(О)ИТУ УВД крайоблисполкомов и администрация ИТУ. Так, например, ОИТУ Томского облисполкома в 1979 году провел смотр стенных газет осужденных, в результате которого удалось выявить и устранить ряд существенных недостатков в организации стенных газет осужденных, в их содержании и оформлении⁴.

ПВР должна реализовываться дифференцированно с учетом возраста, образования, квалификации, характера преступлений и других свойств личности осужденных, поэтому особое значение приобретает индивидуальная воспитательная работа с осужденными, которая может повышать эффективность всех политико-воспитательных мероприятий. Взаимосвязь индивидуальной работы с различными массовыми мероприятиями способствует более успешному выполнению задачи исправления осужденных.

Индивидуальная работа есть единый процесс изучения особенностей личности осужденного, выбор и применение наиболее продуктивных средств и методов воздействия на него. С другой стороны, при проведении индивидуальной работы осужденные полнее раскрываются, что дает возможность более эффективно осуществлять их перевоспитание. Индивидуальная работа должна планироваться как применительно к каждому отдельному осужденному, так и в целом, применительно к выполняемой функции. В настоящее время индивидуальная работа с осужденными далека от желаемого и возможного уровня, в ней недостает четкой системы, целеустремленности и творческого подхода. Это положение можно объяснить перегрузкой несвойственными им функциями непосредственных воспитателей осужденных — начальников отрядов, недостаточной педагогической подготовкой воспитателей, сложившимся мнением об отсутствии у осужденных каких-либо поло-

⁴ Нужно отметить положительную инициативу ОИТУ УВД Томского облисполкома, который в 1979 году разработал Положение о смотре стенной газеты, о смотре комнат ПВР, библиотек и клубов. В Положениях отражены организационные требования к самим смотрам, предусмотрены меры поощрения победителей.

жительных свойств личности, нежеланием глубоко и всесторонне изучать личность осужденного и др. Мы видим два основных направления по реальному повышению эффективности ПВР в настоящее время: 1) улучшение качественного состава исполнителей ПВР; 2) четкое нормативное урегулирование функций всех работников ИТУ. Каждое из направлений заслуживает самостоятельного исследования и поэтому в настоящей статье нами не рассматривается.

О ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ ОСУЖДЕННЫМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

А. В. УСС

Успех борьбы с посягательствами против личности, равно как и с другими правонарушениями, совершаемыми осужденными, во многом зависит от их правильной юридической квалификации и выбора мер воздействия, соответствующих тяжести содеянного и личности виновного.

Посягательства против личности влекут за собой последствия в виде смерти, телесных повреждений различной степени тяжести, физической боли. Каждое из указанных последствий отнесено законодателем к числу элементов объективной стороны составов преступлений. Однако в исправительно-трудовых учреждениях широко распространена практика привлечения лиц, совершивших насильственные действия, не повлекшие тяжкого вреда для здоровья (побои, нанесение легких телесных повреждений), не к уголовной, а к дисциплинарной ответственности. В связи с этим возникает необходимость остановиться на проблеме о соотношении дисциплинарной и иных видов ответственности осужденных к лишению свободы.

Правонарушения, совершаемые осужденными, выражаются в неисполнении общегражданских либо специальных обязанностей, возложенных на осужденных как на субъектов исправительно-трудовых отношений. Возможность применения мер дисциплинарной ответственности за правонарушения второй группы (т. е. за неисполнение специальных обязанностей) в литературе не оспаривается. По вопросу о допустимости наложения дисциплинарных взысканий за неисполнение осужденными общегражданских обязанностей высказаны различные точки зрения. Одни авторы считают, что все право-

нарушения, не достигающие степени общественной опасности преступления, в условиях исправительно-трудового учреждения являются дисциплинарными проступками и, следовательно, лица, их совершившие, могут подвергаться дисциплинарному воздействию. Другие полагают, что дисциплинарный проступок образует неисполнение лишь тех общегражданских обязанностей, которые непосредственно регламентированы Правилами внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений.

Представляется, что осуществлять противопоставление: либо дисциплинарный проступок, либо «общегражданское» правонарушение (административное гражданско-правовое и т. п.) — не всегда целесообразно. Противоправные деяния, совершаемые осужденными, иногда причиняют вред общественным отношениям, регулируемым в общем порядке и одновременно наносят ущерб нормальной деятельности исправительно-трудового учреждения, т. е. представляют собой идеальную совокупность дисциплинарного проступка и соответствующего «общегражданского» правонарушения. Если применить этот подход для классификации правонарушений, совершаемых осужденными, все их можно разделить на следующие группы:

1. Нарушение требований специальной правовой нормы — дисциплинарный проступок (исключение составляют деяния, предусмотренные ст. 77¹ и ст. 188 УК РСФСР).

2. Нарушение требований «общегражданской» правовой нормы, не причиняющее ущерба нормальной деятельности исправительно-трудового учреждения — административное, гражданско-правовое, иное «общегражданское» правонарушение.

3. Нарушение требований «общегражданской» правовой нормы, причиняющее ущерб нормальной деятельности исправительно-трудового учреждения — идеальная совокупность дисциплинарного и соответствующего «общегражданского» правонарушения.

Соответственно этому различаются и возможные варианты ответственности осужденных:

в первом случае применяется только дисциплинарная ответственность (а в указанных двух ситуациях уголовная);

во втором — только «общегражданская» ответственность;

в третьем возникает конкуренция дисциплинарной и иных видов ответственности.

Выбор конкретного вида ответственности в случае конкуренции на практике определяется такими обстоятельствами, как сравнительная ценность основного и дополнительного объектов, соотношение карательной мощи санкций, предусмотренных за посягательства на основной и дополнительный объект, способ преодоления причиненного вреда, наличие фактической возможности реализовать тот или иной вид ответственности в условиях исправительно-трудового учреждения, потребности исправления и перевоспитания осужденных.

Так, например, при идеальной совокупности преступления и дисциплинарного проступка (мужеложство, совершенное осужденным) применяется уголовная ответственность, поскольку ее карательная мощь поглощает дисциплинарное воздействие. Если имеет место идеальная совокупность административного и дисциплинарного проступка (мелкое хулиганство, совершенное в исправительно-трудовом учреждении), реализуются меры дисциплинарного воздействия, так как они вполне сопоставимы с мерами административного воздействия, предусмотренными за совершение данного деяния и, в то же время, применение к осужденным административной ответственности за мелкое хулиганство сопряжено со значительными трудностями организационного плана.

В некоторых случаях идеальная совокупность дисциплинарного проступка и иного правонарушения может влечь за собой ответственность, вытекающую из посягательства и на основной, и на дополнительный объект. Так, если осужденный повреждает (уничтожает) государственное имущество в небольших размерах, возникают основания для реализации гражданско-правовой ответственности. В то же время, если существует необходимость оказания дополнительного дисциплинирующего воздействия на правонарушителя, к нему могут быть применены меры взыскания, предусмотренные исправительно-трудовым законодательством.

Посягательства против личности представляют собой типичную разновидность идеальной совокупности

преступления и дисциплинарного проступка. В соответствии с общим правилом (при конкуренции уголовной и дисциплинарной ответственности реализуется первая) осужденные, совершающие такого рода деяния, должны подвергаться уголовному наказанию по статьям, предусматривающим ответственность за посягательства против личности. Если посягательство против личности причиняет ущерб иным объектам, охраняемым уголовным законодательством, возникает еще один вид конкуренции — конкуренция уголовно-правовых норм¹, в результате чего создаются предпосылки для квалификации содеянного по иным статьям уголовного кодекса (ст. 77¹, 206 УК РСФСР и др.).

Применение мер дисциплинарного воздействия за посягательства против личности возможно лишь в одном случае — когда противоправное действие выражается в нанесении легких телесных повреждений либо побоев (ст. 112 УК РСФСР) и не содержит в себе признаков иного преступления. Как известно, дела о преступлениях, предусмотренных данной статьей, относятся к числу дел так называемого «частного обвинения», особенность которых состоит в том, что они возбуждаются лишь по жалобе потерпевшего. В тех ситуациях, когда для реализации уголовной ответственности возникает процессуальное препятствие (жалоба потерпевшего отсутствует), правонарушитель может быть подвергнут дисциплинарному воздействию, поскольку закон не связывает возможность применения последнего с волеизъявлением потерпевшего. Вместе с тем не следует забывать, что нанесение побоев и легких телесных повреждений объективно остается преступлением независимо от наличия или отсутствия соответствующей жалобы². Деяние, предусмотренное уголовным законодательством, будучи совершенным, становится событием прошлого, которое не может «появляться», равно как и исчезать в зависимости от особенностей последующего

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972, с. 258—264.

² Мысль о том, что в делах частного обвинения подача жалобы является лишь условием реализации уголовной ответственности, которое не влияет на наличие или отсутствие состава преступления, высказывалась еще А. Н. Трайниным. — См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957, с. 340.

поведения участвовавших в нем лиц. Именно поэтому запрещение возбуждать соответствующие уголовные дела не является абсолютным.

Уголовно-процессуальное законодательство (ч. 3 ст. 27 УПК РСФСР) наделяет прокурора правом возбуждать по своей инициативе дела частного обвинения в тех случаях, когда потерпевший в силу беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по иным причинам подобного плана не может защищать свои законные права и интересы.

В среде осужденных боязнь преследований и мести (т. е. обстоятельства, аналогичные тем, о которых говорится в ст. 27 УПК РСФСР) является достаточно распространенным мотивом отказа подавать соответствующие жалобы. Однако на практике уголовные дела по ст. 112 УК РСФСР в исправительно-трудовых учреждениях как по жалобам потерпевших, так и по инициативе правоохранительных органов возбуждаются очень редко. Более того, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 года «Об устранении недостатков в судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в местах заключения» судебным органам официально предписывалось не принимать к своему производству дела о нанесении побоев и легких телесных повреждений. Это постановление отменено более двадцати лет назад, но рекомендации подобного плана все еще можно встретить в литературе. Так, авторы Комментария к УПК РСФСР указывают, что лицо, отбывающее наказание в местах лишения свободы, может обратиться в суд с заявлением о привлечении к уголовной ответственности другого осужденного за совершение преступления, предусмотренного ст. 112 УК РСФСР, однако такие материалы целесообразно направлять для рассмотрения администрации исправительно-трудовых учреждений. Если заинтересованное лицо не будет согласно с постановлением судьи о направлении дела для рассмотрения администрации (отмечается далее), оно, как представляется, вправе обжаловать его в вышестоящий суд³.

Вполне очевидно, что следование подобным рекомен-

³ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1976, с. 45.

дациям не только не нацеливает правоохранительные органы на проявление активности в возбуждении уголовных дел рассматриваемой категории, но и фактически создает дополнительные трудности для защиты потерпевшим из числа осужденных своих законных прав и интересов. Этому способствует также и не совсем верный подход к оценке деятельности исправительно-трудовых учреждений, в соответствии с которым всякое совершенное в колонии преступление рассматривается как упущение, недоработка администрации. Не случайно поэтому в исправительно-трудовых учреждениях иногда действует весьма своеобразный «принцип» привлечения осужденных к уголовной ответственности: уголовное дело возбуждается не тогда, когда его можно и нужно возбудить, а лишь тогда, когда не возбудить его уже невозможно. Реализация этого «принципа» применительно к побоям и нанесению легких телесных повреждений означает, что осужденные, их совершившие, как правило, привлекаются к дисциплинарной ответственности, а вопрос о целесообразности возбуждения уголовного дела даже не обсуждается.

Такое положение дел, по-видимому, нельзя признать нормальным. Преступления, предусмотренные ст. 112 УК РСФСР, совершаемые лицами, уже имеющими судимость и посягающие на дополнительный объект — нормальную деятельность исправительно-трудовых учреждений, более общественно опасны и, следовательно, должны чаще, нежели в условиях свободного общежития, влечь за собой уголовную ответственность. Превращение мер дисциплинарного воздействия в фактически единственный инструмент реагирования на деяния, являющиеся преступными, во-первых, уменьшает степень правовой защищенности осужденных со стороны других лишенных свободы и, во-вторых, противоречит смыслу советского законодательства, предусматривающего, как известно, возможность более жесткого правового воздействия на лиц, отбывающих уголовное наказание.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А. С. БОНДАРЕНКО

До сего времени в деятельности органов милиции встречаются различного рода ошибки и недостатки по применению законодательства об административном надзоре, в результате чего снижается эффективность этой меры в деле борьбы с рецидивной преступностью, в исправлении и перевоспитании лиц, состоящих под надзором.

Изучение практики показывает, что работники милиции не всегда устанавливают надзор в отношении лиц, попадающих под действие закона. Это приводит к тому, что нередко вне надзора остаются лица, склонные к преступной деятельности, не исправившиеся в местах лишения свободы и представляющие для общества повышенную опасность.

Работникам милиции, осуществляющим административный надзор, следует иметь в виду, что в случае совершения лицом нового преступления неустановление за ним надзора (при наличии оснований) является одним из условий, способствующих совершению преступления. На это обстоятельство прямо указывает Пленум Верховного Суда СССР, требуя от судов выносить частные определения в адрес работников милиции, не принявших мер к установлению надзора (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 6, с. 22).

Ознакомление с практикой свидетельствует, что в некоторых случаях административный надзор устанавливался необоснованно, с нарушением соответствующего законодательства. Иногда при установлении надзора за лицами, судимыми более двух раз к лишению свободы за любые умышленные преступления, учитывались снятые и погашенные судимости. Это противоречит за-

кону. При установлении надзора за вышеуказанной категорией лиц необходимо, чтобы судимости, дающие основания для установления надзора, не были сняты или погашены. При этом следует иметь в виду, что учитывается не любая судимость, а только за умышленные преступления, за которые лицо осуждалось к лишению свободы. Условное осуждение, судимости за неосторожные преступления, случаи, когда исправительные работы заменялись лишением свободы, при решении вопроса об установлении надзора не учитываются.

Необоснованное установление надзора иногда связано с ошибками, допускаемыми администрацией ИТУ и наблюдательными комиссиями при вынесении заключений о необходимости установления надзора. Согласно Положению в заключении должны быть указаны данные о поведении лица в ИТУ, свидетельствующие об упорном нежелании исправиться. Заключение служит правовым основанием для принятия решения об установлении надзора. Однако значение заключений, как нам представляется, двоякое. С одной стороны, заключение, как об этом говорит закон, является основанием для применения надзора, с другой — оно для органов милиции не является обязательным и носит рекомендательный характер. Заключение не предreshает вопрос об установлении надзора, оно лишь обязывает орган милиции рассмотреть этот вопрос. Заключение лишь тогда служит доказательством необходимости установления надзора, когда в нем содержатся данные, неопровержимо свидетельствующие об упорном нежелании лица встать на путь исправления.

Администрация ИТУ и наблюдательные комиссии в основном правильно решают вопросы, связанные с вынесением заключений о необходимости установления надзора. Под надзор, как правило, рекомендуются лица, действительно представляющие опасность для общества, доказавшие своим поведением упорное нежелание исправиться. Но имеются и такие лица, в отношении которых выносить заключение о необходимости установления надзора не следовало. Так, при выборочном изучении поведения осужденных, в отношении которых были вынесены заключения, оказалось, что 2% из них вообще не имели каких-либо замечаний во время отбывания наказания, и основанием для выводов о необходимости уста-

новления надзора послужило лишь их пассивное поведение в ИТУ. Но пассивное поведение может явиться основанием для выводов в том, что лицо не исправилось, но не может служить доказательством необходимости установления за ним надзора. Из числа неисправившихся лиц под надзор должны поступать лишь наиболее опасные правонарушители, упорно не желающие исправиться в местах лишения свободы. Еще 3% лиц допускали нарушения установленного режима лишь в первое время пребывания в местах лишения свободы, что также не всегда свидетельствует о необходимости установления надзора. Еще в отношении 3% лиц заключения были вынесены лишь потому, что они допускали нарушение режима незлостного характера: заправляли койки не по установленному образцу, вступали в пререкание с администрацией, курили в неположенном месте и т. п. Такого характера нарушения также не могут сами по себе служить основанием для установления надзора.

До сего времени встречаются заключения, в которых вывод о необходимости установления надзора обосновывается довольно общими формулировками и не указывается на то, в каких конкретно действиях выразилось упорное нежелание лица исправиться.

Все это, безусловно, снижает значение заключений, затрудняет решение органами милиции вопроса об установлении надзора по этому основанию.

Велико значение заключений в принятии обоснованных решений об установлении надзора. Но роль заключений не должна этим ограничиваться. В большинстве случаев в момент установления надзора заключение администрации ИТУ и наблюдательной комиссии является единственным источником сведений о личности. Между тем уже в этот момент работники милиции должны избрать средства воздействия на поднадзорного с учетом всех его особенностей. Заключение, таким образом, способствует индивидуализации средств и методов воздействия на поднадзорных, правильному выбору ограничений.

В связи с этим сведения, содержащиеся в заключениях, не могут ограничиваться только тем объемом, который необходим для решения вопроса об установлении надзора. Заключение должно являться итоговой харак-

теристикой на осужденного с выводами администрации о возможном характере его будущего поведения. Оно должно указывать на перспективы дальнейшего развития личности, на условия, которые бы способствовали закреплению результатов исправительно-трудового воздействия.

Иногда работники милиции встречаются с фактами, когда после прекращения административного надзора лицо начинает вести антиобщественный образ жизни и возникает необходимость в повторном применении к нему этой меры. Прямо вопрос о возможности установления надзора повторно в законе не урегулирован. И тем не менее повторное установление надзора не противоречит закону и при наличии других оснований вполне допустимо. Повторное применение этой меры может иметь место, если с момента освобождения лица из мест лишения свободы не прошло трех лет и если при этом не снята и не погашена судимость. Установление надзора в этом случае может иметь место только по материалам органов милиции, свидетельствующим об антиобщественном поведении лица, ранее состоявшего под надзором. По этой причине при повторном установлении надзора даже за особо опасным рецидивистом требуется санкция прокурора, поскольку в этом случае основанием для применения надзора явился не факт признания лица особо опасным рецидивистом, а его антиобщественный образ жизни после прекращения надзора.

Установление надзора связывается законодателем с соблюдением ряда условий. Такими условиями являются, в частности, достижение лицом совершеннолетия, признание лица особо опасным рецидивистом, осуждение к лишению свободы за тяжкое или более двух раз за любое умышленное преступление, наличие неснятой и непогашенной судимости и т. д. Все эти условия хорошо известны работникам милиции и обычно соблюдаются ими. Однако кроме названных условий установление надзора связывается законодателем с определенным видом освобождения из мест лишения свободы. Причем значение этого обстоятельства для различных категорий освобожденных неодинаково. Так, за особо опасным рецидивистом административный надзор по общему правилу может устанавливаться независимо от вида освобождения из ИТУ: по отбытию срока, условно (ст. 44²

Основ), в результате амнистии без снятия судимости. Из этого правила, как нам представляется, может быть лишь два исключения. Первое — освобождение особо опасного рецидивиста в результате амнистии со снятием судимости, второе — освобождение вследствие заболевания душевной болезнью или иным неизлечимым недугом. В первом случае надзор не может быть установлен ввиду снятия с лица судимости, о чем прямо говорит закон (п. «в» ст. 13 Положения), во втором — болезнь. Болезнь, препятствующая исполнению наказания, безусловно, препятствует и осуществлению административного надзора. Нельзя исправить и перевоспитать лицо, заболевшее душевной болезнью и вследствие этого не могущее отдавать отчета в своих действиях или руководить ими.

В отношении лиц, судимых к лишению свободы за тяжкие преступления, административный надзор может быть установлен только после отбытия ими наказания или условно-досрочного освобождения. Освобождение этих лиц по другим основаниям исключает установление за ними надзора. Такое решение вытекает из п. «в» ст. 2 Положения об административном надзоре.

И, наконец, следует остановиться еще на одном вопросе, связанном с установлением надзора, решение которого на практике не отличается единообразием. Имеется в виду вопрос о возможности установления надзора за лицами, которые ранее были судимы за тяжкие преступления, а затем за преступления, не являющиеся тяжкими, если они во время отбытия наказания или после освобождения своим поведением показывают упорное нежелание исправиться. При такой ситуации должно быть следующее решение.

Если новое (не тяжкое) преступление совершено до погашения или снятия судимости за ранее совершенное тяжкое преступление, то согласно п. 4 ст. 57 УК РСФСР оно прерывает течение срока, погашающего судимость за первое преступление. В данном случае надзор может быть установлен, но лишь при условии, что с момента освобождения за первое (тяжкое) преступление не прошло трех лет (ст. 5 Положения). Совершение нового преступления прерывает лишь течение срока, погашающего судимость за первое преступление, и не влияет на трехлетний ограничительный срок, установленный ст. 5

Положения, течение которого ничем не может быть прервано.

На практике случаи установления надзора спустя три года после освобождения лица из мест лишения свободы имеют место. Высказываются на этот счет ошибочные взгляды и в литературе. И. В. Шмаров, автор соответствующей главы в учебнике «Советское исправительно-трудовое право», на вопрос: «может ли быть установлен административный надзор в отношении лица, освобожденного из ИТУ после отбытия наказания за преступление, не являющееся тяжким, если с момента его освобождения от наказания за первое (тяжкое) преступление прошло более трех лет?», отвечает, что в «данном случае надзор может быть установлен»¹. Этот взгляд не соответствует ст. 5 Положения и п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения административного надзора» от 5 июля 1974 г., где прямо указано, что «надзор может быть применен в течение трех лет со дня освобождения лица из мест лишения свободы, где оно отбывало наказание за преступление, дающее основание для установления надзора»².

¹ Советское исправительно-трудовое право. М.: Юридическая литература, 1977, с. 303.

² Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 4, с. 12.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ БЕЗ КОНВОЯ ЛИЦ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

(Практика применения и вопросы дальнейшего
совершенствования правового регулирования)

Ю. К. ЯКИМОВИЧ

По вопросу о правовой природе института передвижения без конвоя лиц, лишенных свободы, (расконвоирования) не существует единого мнения. Многие авторы относят институт расконвоирования к элементам прогрессивной системы и в связи с этим полагают необходимым значительно расширить применение расконвоирования. Основанием расконвоирования, по их мнению, должна быть не производственная необходимость, а достижение осужденным определенной степени исправления¹. Имеется и другая точка зрения. Согласно ей расконвоирование не является элементом прогрессивной системы и должно применяться именно в исключительных случаях².

Нам представляется, что в настоящее время нет необходимости и возможностей для более широкого применения института расконвоирования, значительного увеличения числа расконвоированных осужденных. В исправительно-трудовых колониях (ИТК)-поселениях, а также на стройках народного хозяйства существует больше возможностей для решения задачи постепенного приспособления лиц, лишенных свободы, к условиям жизни на свободе. Возможность быть переведенным в ИТК-поселение или освободиться условно с направлением на стройки народного хозяйства стимулирует осужденных стремиться к исправлению и перевоспитанию в значительно большей степени, чем расконвоирование, и

¹ Так считают Г. А. Аванесов, Ф. Т. Кузнецов, А. С. Михлин, В. И. Гуськов.

² Подобного мнения придерживаются О. И. Бажанов, В. З. Фетисов.

для большинства осужденных наступает по отбытии $\frac{1}{3}$ части срока наказания.

Применение указанных институтов признается в целом эффективным, и поэтому нецелесообразно ограничивать переводы в ИТК-поселения, условное освобождение с обязательным привлечением к труду, что имело бы место при более или менее значительном расширении применения расконвоирования.

Применение расконвоирования к более широкому, чем это предусмотрено действующим законодательством, числу осужденных, в том числе и к осужденным за опасные преступления, кроме вышеуказанных последствий, вызвало бы неблагоприятный общественный резонанс.

Значительное увеличение числа расконвоированных осужденных³ поставило бы сложные организационные вопросы. Прежде всего вопросы организации труда. По-видимому, необходимо было бы организовывать специальные участки, цеха или даже предприятия за территорией ИТК. Подобное разделение производственного процесса в ИТК вряд ли экономически обосновано и реально осуществимо с учетом того обстоятельства, что далеко еще не все осужденные заняты на собственном производстве даже в пределах существующих производственных зон.

Если же под расконвоированием понимать институт проживания осужденных вне пределов колонии с предоставлением им права работать по трудовым соглашениям на предприятиях, в учреждениях и организациях, как это предлагается в литературе⁴, не ясно, в чем будет отличаться указанный институт от существующего в настоящее время института условного освобождения с обязательным привлечением к труду? Вряд ли целесообразно параллельное существование двух весьма схожих институтов. Создание же взамен в целом себя оправдавшего института условного с обязательным привлечением к труду освобождения выше рассмотренного института проживания осужденных вне пределов колонии также представляется нам необоснованным.

³ Имеются в виду прежде всего ИТК, расположенные не в отдаленных местностях.

⁴ См.: Елеонский В. А. Отношение осужденных к наказанию. Рязань, 1976, с. 109.

Нельзя и не учитывать того важного обстоятельства, что значительное увеличение числа расконвоированных осужденных приведет к серьезным трудностям в осуществлении контроля за ними со стороны администрации ИТК и контролерской службы. И дело здесь не только в том, что часть из расконвоированных осужденных сами могут не устоять перед соблазнами, но и, как это правильно отмечается в литературе, что не менее опасно, не все смогут противостоять давлению остальной массы осужденных, их требованиям и просьбам пронести деньги, продукты, спиртные напитки, отправить письма и т. п.⁵

Если же расконвоированных осужденных, при их значительной численности, на ночь изолировать в локальной, охраняемой от остальной территории ИТК зоне, то по существу мы будем иметь не одно, а два исправительно-трудовых учреждения.

В любом случае значительное увеличение расконвоирования исправляющихся осужденных приведет к дестабилизации коллективов осужденных. Значительная часть исправляющихся осужденных или вовсе перейдут в другие отряды, или, в лучшем случае (если расконвоирование не будет связано с переводом в другой отряд), большую часть времени будут находиться вне своего отряда. Нарушатся принципы стабильности коллектива осужденных, перевоспитания в коллективе и через коллектив.

Среди практических работников немного сторонников более широкого применения института расконвоирования. Только 28,8% проанкетированных нами работников ИТК⁶ считают, что можно было бы и больше, чем сейчас, количество осужденных расконвоировать. Причем 70% из их числа связывают возможность увеличения числа расконвоированных с производственной необходимостью.

Напротив, ряд работников ИТК считают возможным даже сократить численность расконвоированных осуж-

⁵ См.: Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных. Дис... докт. юрид. наук. Томск, 1965, с. 930—931.

⁶ Всего было проанкетировано 104 работника ИТК, главным образом начальников отрядов.

денных путем переноса ряда хозяйственных объектов в пределы охраняемой территории ИТК.

Основанием расконвоирования по действующему законодательству является производственная необходимость («в исключительных случаях... если это необходимо, по характеру выполняемой осужденным работы», — так сказано в законе — ст. 38 Основ исправительно-трудового законодательства, ст. 31 ИТК РСФСР). Хотя расконвоирован может быть только осужденный, твердо вставший на путь исправления, то есть требуется, чтобы произошли определенные положительные изменения в личности осужденного, эти изменения выступают не как основание расконвоирования, а наряду со сроком⁷ как необходимое для этого условие.

Отсюда мы делаем вывод, что расконвоирование не является в полном смысле этого слова таким же, как и другие, элементом прогрессивной системы. Изменение же оснований расконвоирования и, как следствие этого, значительное расширение применения расконвоирования и увеличение числа расконвоированных представляется нам в настоящее время не необходимым и даже невозможным, о чем мы уже говорили.

Однако все это отнюдь не значит, что расконвоирование вообще не имеет никакого отношения к прогрессивной системе. Конечно, назначение института расконвоирования прежде всего в решении определенных хозяйственных задач. Однако наряду с этим возможность расконвоирования в определенной степени стимулирует осужденных стремиться к исправлению и перевоспитанию, приспособливает расконвоированных к жизни на свободе и служит своеобразной проверкой готовности их к жизни на свободе. Так, например, на вопрос «Стремились ли Вы к тому, чтобы Вас расконвоировали?» 74,6% опрошенных нами расконвоированных осужденных ответили положительно. А на вопрос «Побуждала ли Вас возможность расконвоирования лучше себя вести, добросовестнее относиться к труду?» положительно ответили 46,6% опрошенных расконвоированных осужденных.

⁷ Имеется в виду установленная законом минимальная часть срока, которую требуется отбыть осужденному, чтобы ему могло быть предоставлено право передвижения без конвоя.

Таким образом, расконвоирование объективно способствует решению задач, стоящих перед прогрессивной системой. Применение расконвоирования так же, как и других элементов прогрессивной системы, возможно только при достижении определенной степени исправления осужденного. Вот почему мы считаем, что расконвоирование является хотя и не основным, не обязательным, но факультативным элементом прогрессивной системы.

Вместе с тем с точки зрения решения задач, стоящих перед прогрессивной системой, по нашему мнению, в институт расконвоирования следовало бы внести некоторые изменения. Так, расконвоирован может быть только осужденный, твердо вставший на путь исправления. Такое же требование предъявляется и к осужденному, переводимому в ИТК-поселение. А условное освобождение с привлечением освобожденного к обязательному труду применяется к осужденным, если их дальнейшее исправление и перевоспитание возможно без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ними надзора, то есть здесь требуется даже меньшая степень исправленности осужденного. Представляется, что при условном освобождении⁸, переводе в ИТК-поселение степень исправления осужденного должна быть выше, чем при расконвоировании. Расконвоировать осужденных, следовательно, можно было бы при условии, что они встали на путь исправления.

Мы также полагаем возможным несколько снизить часть срока наказания, по отбытии которой осужденный мог бы быть расконвоирован, с тем, чтобы этот срок не был таким же, как и для перевода в ИТК-поселение, условного освобождения, что в большинстве случаев имеет место в настоящее время⁹. По нашему мнению, применять расконвоирование можно было бы по отбытии одного года лишения свободы, но не менее $\frac{1}{4}$, а для определенных категорий осужденных — не менее $\frac{1}{3}$ части срока наказания.

Следовало бы также закрепить правило, согласно ко-

⁸ Здесь и дальше имеется в виду институт условного освобождения с обязательным привлечением к труду.

⁹ 97,6% расконвоированных осужденных из числа изученных нами могли бы быть переведены в ИТК-поселения или условно освобождены по отбытии $\frac{1}{3}$ части срока наказания.

торому право передвижения без конвоя или сопровождения могло бы предоставить только осужденным, переведенным на улучшенные условия содержания¹⁰.

Администрация ИТК сталкивается с определенными трудностями при подборе осужденных для расконвоирования. Не удивительно, что не всегда выполняется условие, чтобы расконвоируемый осужденный твердо встал на путь исправления¹¹. Так, 44,8% расконвоируемых осужденных до расконвоирования не имели поощрений; 26,7% — имели взыскания, причем 6,2% — неснятые и непогашенные взыскания; 4,8% до расконвоирования имели только взыскания; 20,9% не состояли в самодеятельных организациях осужденных. Однако по сложившемуся у нас убеждению, в целом администрация ИТК правильно осуществляет подбор осужденных для расконвоирования. Так, из 1087 расконвоировавшихся осужденных в ИТК, в которых мы проводили исследование (за период с 1977 по 1980 годы)¹², 29,8% были освобождены условно-досрочно; 22,6% — условно; 2,0% — переведены в ИТК-поселение. Таким образом, более 50% расконвоировавшихся осужденных не только оправдали оказанное им доверие, но и дальнейшими успехами приблизили свободу или заслужили ее досрочно.

Вместе с тем 33,4% расконвоировавшихся осужденных были затем законвоированы за **нарушения режима содержания**, что составляет абсолютное большинство (88,4%) числа законвоированных. Однако оказалось, что из 369¹³ законвоированных осужденных 12,4% были затем освобождены условно-досрочно, 38% — условно, 5,1% — переведены в колонии-поселения (всего 55,5%, остальные освободились по отбытии срока наказания).

¹⁰ Что предполагает, конечно, снижение части срока, по отбытии которой осужденный мог бы быть переведен на улучшенные условия содержания до $\frac{1}{4}$, а для некоторых категорий осужденных — до $\frac{1}{3}$.

¹¹ Существуют объективные причины этого. Достаточно сказать, что 97,6% расконвоированных осужденных могли бы освободиться условно или быть переведенными в ИТК-поселение по отбытии $\frac{1}{3}$ части срока наказания. Если же по отбытии $\frac{1}{3}$ части срока наказания осужденные твердо встали на путь исправления, их и нужно условно освобождать или переводить в ИТК-поселения, а не расконвоировать.

¹² На момент исследования они уже были освобождены из ИТК.

¹³ На момент исследования они уже были освобождены из ИТК.

Вместе с тем практически не встречаются случаи законвоирования более чем за одно нарушение режима содержания. Очевидно, и приведенные данные в какой-то степени доказывают это, по крайней мере в некоторых случаях, можно было бы и не применять сразу за первое нарушение (в зависимости от его характера и тяжести) расконвоированного осужденного такую меру воздействия, как законвоирование. При этом следовало бы также учитывать срок, в течение которого осужденный пользовался правом передвижения без конвоя, его поведение как в это время, так и до расконвоирования.

Осуществление указанных предложений, при сохранении существующего основания расконвоирования (производственная необходимость), по нашему мнению, облегчило бы подбор осужденных для расконвоирования, а также, что более важно, без ущерба в решении основной задачи расконвоирования сделало бы этот институт более соответствующим интересам прогрессивной системы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ЖЕНЩИН

Е. А. ЗАПЛАТИНА

Одним из принципиальных требований, предъявляемых к криминологическим исследованиям на современном этапе, является комплексный подход к исследованию социальных явлений и процессов (преступности, ее причин и условий, антикриминогенных факторов во всех сферах социальной жизни, процесса предупредительной деятельности и др.).

Необходимость комплексного подхода при осуществлении исследований социальных явлений и практики коммунистического строительства в очередной раз была подчеркнута ЦК КПСС в отчетном докладе XXV съезду партии¹.

Познание преступности как целостного и многоаспектного социального явления предполагает изучение ее структуры в целом и отдельных элементов, системы их взаимодействия.

«Чтобы действительно знать предмет,— указывал В. И. Ленин,— надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»².

В работах советских криминологов неоднократно отмечались существующие различия в мужской и женской преступности и необходимость выделения преступности женщин в качестве самостоятельного предмета криминологических исследований³.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 39, 40, 59.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

³ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968, с. 59; Коган В. М. Значение социально-демографических факторов для изучения причин преступности.— В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. М. Юридическая литература, 1975, вып. 22, с. 42—46; Серебрякова В. А. Социологические

В последние годы опубликован ряд интересных работ по вопросам женской преступности, авторы которых уделяют внимание рассмотрению специфики преступлений, совершаемых женщинами, факторов, приводящих к их совершению, некоторым аспектам профилактики женской преступности.

Однако следует отметить, что до последнего времени в криминологической литературе не получили достаточного освещения проблема рецидивной преступности женщин, вопросы предупреждения совершения женщинами повторных преступлений⁴.

В то же время актуальность указанной тематики очевидна. Речь идет прежде всего о выполнении женщиной важнейших социальных функций: матери, жены, хозяйки дома. Как отмечают социологи, значение общественной, так называемой социализирующей функции семьи, в последние десятилетия возрастает. Дело в том, что научно-техническая революция существенно усложняет сам процесс формирования личности, а значит требует больших усилий от тех, кто занимается воспитанием подрастающего поколения. В последние годы все чаще и определеннее пишут и о такой, неведомой ранее функции семьи, как «снятие деловой напряженности», функции «психологического убежища». Действительно, увеличение психологических нагрузок и ускорение производственных ритмов, по-видимому, дает основание для такого рода вывода. Но эту роль, как и все другие, может хорошо выполнять только здоровая семья, с благоприятной психологической атмосферой⁵.

При совершении женщиной преступления внутренний психологический климат семьи нарушается, а в случае осуждения женщины к отбыванию наказания в виде лишения свободы, как правило, семья распадается, что несет за собой ряд негативных последствий, самыми бо-

аспекты изучения женской преступности.— В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юридическая литература, 1979, вып. 30, с. 17—26 и др. работы; Голоднюк М. Н. Вопросы профилактики женской преступности.— Вестник Московского университета, 1980, № 2, серия 11, с. 22—29.

⁴ См., напр.: Серебрякова В. А. Указ работа, с. 19; Голоднюк М. Н. Указ работа, с. 25.

⁵ Федосеев П. Н. Семья в современном мире.— В сб.: Изменение положения женщин и семья. М.: Наука, 1977, с. 3.

лезненными из которых являются неполноценное воспитание детей в подобной семье, неблагоприятные условия нравственного формирования их личности. Необходимо иметь в виду, что при совершении рецидивных преступлений женщины значительно чаще осуждаются к наказаниям, связанным с лишением свободы, чем при определении наказания за первое преступление, что, на наш взгляд, можно объяснить вполне обоснованной гуманностью, которую проявляют суды, не считая во многих случаях целесообразным (учитывая, естественно, личность виновной, характер и степень тяжести общественно опасного посягательства) применять наказание, связанное с лишением свободы к женщинам, совершившим преступление впервые, в случаях, когда санкция соответствующей статьи уголовного кодекса предусматривает возможность альтернативного решения вопроса о виде наказания.

Нельзя забывать и о том, что специфика социальных ролей, выполняемых женщиной в обществе, как семейно-бытовой, так и производственной не может не накладывать свой отпечаток не только на первичную преступность женщины⁶, но и проявляется при совершении женщинами рецидивных преступлений, поскольку существенно сказывается на процессе ресоциализации женщины (особенно если учесть более частое осуждение к лишению свободы женщин, совершивших рецидивные преступления). Сюда, в частности, можно отнести более частый при осуждении женщины к лишению свободы, нежели осуждении мужчины к такому же виду наказания, распад семейных связей, что значительно затрудняет процесс социальной адаптации женщин после освобождения от наказания, особенно если учесть повышенную значимость для женщины именно семейно-бытовой роли в обществе⁷; более острое переживание женщиной в силу некоторых особенностей женской психологии⁸, в

⁶ См.: Серебрякова В. А. Указ. раб., с. 21.

⁷ Шимин Н. Д. Личность женщин и семья. Горький, 1972, с. 175.

⁸ Кон И. Мужественные женщины? Женственные мужчины? — Литературная газета, 1970, 1 янв., с. 12; Голоднюк М. Н. Некоторые вопросы преступности. — Вестник, МГУ, серия «Право», 1978, № 1, с. 13. Харчев А. Г., Голод С. И. Профессиональная работа с женщиной и семья. Л., 1971, с. 96. Бобренева Т. Г. По-

том числе высокой эмоциональной восприимчивости, большей подверженности процессам фрустрации и некоторых других, изоляции от общества; меньшую настойчивость женщин в преодолении жизненных трудностей, с которыми им неизбежно приходится сталкиваться после освобождения от наказания, и другие специфические моменты⁹.

Нужно отметить, что проведенное нами сравнительное исследование состояния женской и мужской преступности в одном из административно-территориальных районов Западно-Сибирского региона показало, что несмотря на значительное преобладание удельного веса мужчин в структуре преступности в целом по району, по некоторым видам преступлений доля женщин является довольно значительной. Это касается и рецидивной преступности. Специальный рецидив по ряду преступлений у женщин даже превышает аналогичный рецидив у мужчин. Здесь имеются в виду прежде всего преступления, связанные с приобретением материальных ценностей (хищение, присвоение, растрата, кража, взяточничество, обман покупателей и т. п.), что объясняется некоторой спецификой выполнения женщиной на современном этапе развития общества производственной функции, поскольку «сейчас женщины преимущественно работают в тех отраслях производства, где существуют наиболее благоприятные условия для свободного обращения материальных ценностей в свою собственность»¹⁰.

Хотелось бы обратить внимание на те трудности, которые встречаются в процессе исследования состояния, структуры, динамики, причин и условий, способствующих совершению женщинами рецидивных преступлений. Дело в том, что в современной отчетности судебных органов не выделены специально разделы, посвященные этим статистическим показателям. Выделение соответствующих разделов в отчетности судебных органов по-

литико-воспитательная работа среди женщин, условно освобожденных из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду и вопросы повышения ее эффективности.— В сб.: Вопросы гуманитарных наук в исследованиях молодых ученых. Томск, 1980, с. 85.

⁹ Кон И. Указ. раб., с. 12.

¹⁰ Серебрякова В. А. Криминологическая характеристика преступности.— В сб.: Вопросы борьбы с преступностью, М., 1971, вып. 14, с. 8.

служило бы, на наш взгляд, более эффективному исследованию указанных проблем. Углубленное изучение состояния, структуры, динамики, причин и условий, способствующих совершению женщинами рецидивных преступлений, является предпосылкой разработки научно обоснованных рекомендаций по предупреждению рецидивной преступности женщин.

Вопросам предотвращения преступности уделяется большое внимание в криминологической литературе (В. Н. Кудрявцев, Г. М. Миньковский, И. И. Карпец, В. К. Звирбуль, М. М. Бабаев, Ю. М. Антонян, В. М. Коглан и др.). Нужно отметить, что в разрешении многих аспектов проблемы предупреждения преступности не достигнуто единство мнений.

Это касается как самого понятия предупреждения преступности, так и видов и форм предупредительной деятельности. Авторы монографии «Теоретические основы предупреждения преступности» в принципе правильно разрешают дискуссию о различиях в терминологии по обозначению предупредительной деятельности¹¹, считая, что термины «предупреждение», «профилактика», «предотвращение» преступности применимы как взаимозаменяемые. Представляется справедливым и предложение для обозначения реально выделяемых уровней и типов соответствующих мероприятий использовать как наиболее целесообразную следующую терминологию: предупреждение (профилактика, предотвращение) преступности на общесоциально-криминологическом уровне. «На этой основе может быть развернут более детализированный комплекс понятий и терминов, фиксирующих различные классификации мероприятий обоих основных уровней как элементов «единой системы предупреждения преступности»¹².

Таким образом, при выдвижении всевозможных классификаций мер предупреждения преступности (по содержанию, по субъектам предупредительной деятельности, по правовой характеристике, по особенностям преступного поведения и др.)¹³ все предупредительные

¹¹ Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975, с. 102—114.

¹² Теоретические основы предупреждения преступности. М.: Юридическая литература, 1977, с. 42.

¹³ Там же, с. 42—44.

мероприятия должны осуществляться на двух основных уровнях профилактики преступности — общесоциальном и специально-криминологическом.

В связи с изложенным хотелось бы не согласиться с мнением, согласно которому общесоциальные мероприятия, осуществляемые в различных сферах в социально-экономической жизни, «попутно служат целям искоренения причин и условиям преступности, не входят в предмет криминологии, а их теоретическая разработка не является ее задачей»¹⁴.

Действительно, теоретическая разработка проблем подъема материального и культурного уровня жизни народа, соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, повышения идейного уровня и эффективности идеологической работы и других направлений коммунистического строительства в целом не является предметом криминологии. Но разработка научно обоснованных рекомендаций, позволяющих в процессе осуществления социально-экономических мероприятий без ущерба для последних наиболее оптимально решать цели устранения и нейтрализации причин и условий, способствующих совершению преступлений, является, на наш взгляд, непосредственной задачей криминологии, и предупреждение преступности на общесоциальном уровне непременно должно входить в ее предмет.

Предупреждение рецидивной преступности, на наш взгляд, также должно осуществляться как на специально-криминологическом, так и на общесоциальном уровне. Социальный контроль во всех сферах политической, экономической, идеологической жизни общества выступает как средство профилактики преступлений, отмечает К. Е. Игошев¹⁵. Объектами же социального контроля, как известно, являются и лица, освобожденные от наказания. Это лишь один из моментов, подтверждающих возможность и необходимость осуществления профилактики рецидива на общесоциальном уровне, т. е. учиты-

¹⁴ Комплексное изучение системы воздействия на преступность. (Методологические и теоретические основы). (Под ред. П. П. Осипова. ЛГУ, 1978, с. 55.

¹⁵ Игошев К. Е., Шмаров И. В. Социальные аспекты предупреждения правонарушений. М.: Юридическая литература, 1980, с. 3, 8, 32, 40, 51 и др.

вая всевозможные аспекты проблемы рецидивной преступности при осуществлении социального контроля — одного из неотъемлемых качеств социалистического образа жизни¹⁶. Необходимость изучения криминологией общесоциального уровня предупреждения преступности определяется также и неразрывным единством, которое присуще двум основным уровням предупреждения преступности.

Особый интерес представляют вопросы профилактики на общесоциальном уровне преступности женщин, в том числе и рецидивной. Одним из основных принципов социально-экономического строительства в нашей стране с первых лет Советской власти было предоставление женщинам юридического и фактического равноправия во всех областях политической, социальной и экономической жизни. В. И. Ленин в 1920 г. писал: «Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин»¹⁷. Достигнутые в нашей стране успехи в области обеспечения подлинного равноправия женщин закреплены в ст. 35 Конституции СССР: «Женщина и мужчина в СССР имеют равные права. Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин: созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством». Таким образом, Конституция СССР не только законодательно фиксирует равенство женщины с мужчиной, но и предусматривает ряд специфических мер, направленных на реальное обеспечение этого равенства, мер, необходимость которых вытекает из социальной значимости семейно-бытовых и в первую очередь материнских функций женщины, ее особой роли в воспитании детей и подростков.

Широкое вовлечение женщин в общественное производство и изменение их социального статуса не исключает существования ряда различий между положением

¹⁶ Указ. раб., с. 4.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 157—158.

мужчин и женщин, которые определяются исторически существующими социальными условиями, выражающимися в различной занятости мужчин и женщин на производстве, в уровне их квалификации, отношении к домашнему труду, воспитанию детей и т. д. Подобного рода социальные различия нередко бывают связаны с совершением женщинами антиобщественных поступков. Мероприятиям, направленным на устранение данных обстоятельств, принадлежит важнейшая роль в профилактике правонарушений среди женщин.

Проведенные социологами и экономистами исследования показывают, что, несмотря на все возрастающее использование женского труда, женщины продолжают играть в народном хозяйстве роль менее производительной, менее квалифицированной рабочей силы. Это находит свое выражение в значительном преобладании женщин в непроизводительной сфере, в высоком удельном весе женского труда в наименее механизированных работах, в более низкой разрядности их труда¹⁸.

Сокращение профессий малосодержательного труда является важным средством как общей, так и специальной профилактики женской преступности.

Социологи характеризуют неквалифицированный труд как одно из реальных препятствий развития личности рабочего. Профессии малоквалифицированного труда дают самую низкую удовлетворенность работой и имеют минимальное воспитательное воздействие, порождают чисто потребительское отношение к труду лишь как к средству заработка, недисциплинированность, безответственность, распушенность как качества личности, которые приводят к совершению преступлений и затрудняют перевоспитание осужденных¹⁹.

Проведенные нами исследования показали, что значительная часть женщин, осужденных за корыстные преступления, связанные с их производственной деятельностью, были заняты физически тяжелым трудом.

Высокая занятость женщин малоквалифицированным трудом, преобладание их в непроизводительной сфере оказывают влияние на оплату их труда.

¹⁸ Романов Г. А. О борьбе с бытовой преступностью. — Правоведение, 1973, № 4, с. 58—59.

¹⁹ Голоднюк М. Н. Вопросы профилактики женской преступности. Вестник МГУ, 1980, № 2, с. 28.

Претворение в жизнь принятой съездами КПСС широкой программы социальных мероприятий предусматривает более эффективное использование трудовых ресурсов, последовательное сокращение ручного неквалифицированного труда во всех отраслях народного хозяйства, комплексную механизацию и автоматизацию производства, обеспечение трудоемких процессов и участков высокопроизводительными машинами и т. д., направлено и на изменение характера женского труда. Важным средством устранения социального неравенства женщин в процессе производства является и повышение технической вооруженности непроизводительной сферы, включение всех ее отраслей в орбиту научно-технической революции, что повысит престижность этой области деятельности и сделает ее одинаково привлекательной для мужчин и для женщин.

Пути решения проблемы совершенствования положения женщин в семье лежат в двух сферах: психологической — преодоление стереотипа традиционного представления мужчин и женщин о их роли в семье и экономической — интенсивное развитие учреждений бытового обслуживания, которые бы освободили семью от значительной части домашних обязанностей²⁰.

Партия и правительство нашей страны уделяют большое внимание выполнению мероприятий, направленных на облегчение социально-бытовых забот женщин. Указывается, в частности, на необходимость дальнейшего строительства государственных и кооперативных учреждений культурно-бытового обслуживания, увеличения выпуска товаров массового потребления и расширения их ассортимента, роста числа видов и объема услуг, облегчающих и изменяющих структуру домашнего труда.

Дальнейший этап социально-экономического развития нашего общества явится новым шагом на пути осуществления фактического равенства мужчины и женщины. Этот процесс можно наблюдать уже в настоящее время на примерах большого числа передовых предприятий, создающих условия для гармонического сочетания женщиной профессиональных, общественно-политических и семейно-бытовых ролей.

²⁰ Харчев А. Г., Янкова З. Я. Некоторые методологические проблемы изучения положения женщины и семьи. — В сб. Изменение положения женщины и семьи. М., 1977, с. 12.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Ю. И. ЕВСТРАТОВ

В последнее время в юридической литературе все чаще отмечается, что повышение эффективности права, в частности, уголовного права и укрепление социалистического правопорядка определяется не только тем, как оно применяется, но и тем, как оно формируется. Выступая на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 2 марта 1979 г., Л. И. Брежнев отмечал: «Хорошая, продуманная система законов плюс их неукоснительное исполнение — это и есть законность, это и есть правопорядок, без которых невозможны социалистический образ жизни, социалистическая демократия»¹. Необходимость изучения правоформирующих факторов вытекает из требований Конституции СССР 1977 г. об укреплении правовой основы государственной и общественной жизни и осуществления «деятельности Советского государства, всех его органов на основе социалистической законности»².

Долгое время «пребывавшая в тени и не подвергавшаяся должному анализу» проблема формирования права на основе общественных отношений «выступает ключевым объектом науки о праве»³. Особое значение проблема формирования обоснованных законоположений имеет для советского уголовного права. Связанное с наиболее суровыми формами государственного принуждения, советское уголовное право должно адекватно отра-

¹ Брежнев Л. И. Во имя счастья советских людей. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 2 марта 1979 г. М., 1979, с. 5.

² Конституция СССР. М., 1977, с. 4, 9.

³ Советское государство и право. 1979, № 8, с. 62.

жать действительные потребности общественного развития, создавая тем самым гарантии справедливости и авторитета советского уголовного закона. Наметившаяся актуализация проблемы социальной обусловленности права, в частности, уголовного права, вселяет уверенность, что эмпирический подход к уголовному праву, посредством которого круг уголовно наказуемых деяний «на 9/10 определяется исторической традицией, предшествующей практикой»⁴, уходит в прошлое. Свидетельством этого является разрабатываемая «теория криминализации».

Под криминализацией понимается «законодательное отнесение деяния к числу уголовно наказуемых»⁵, а содержанием теории является «раскрытие способа, которым осуществляется «перелив» общественной потребности в норму уголовного права»⁶. Такое представление о понятии «криминализация» является в принципе верным, но требующим своей доработки, конкретизации. Дело в том, что советское уголовное законодательство формируется, развивается несколькими способами; соотношение которых с криминализацией недостаточно ясно. Например, можно ли говорить о криминализации в тех случаях, когда в уголовное законодательство вводится новая статья, предусматривающая деяние, которое до этого введения являлось элементом какого-либо состава, то есть уже содержалось в соответствующей статье уголовного закона?

Законом РСФСР от 25 июля 1962 г. в УК РСФСР была введена статья 152¹, предусматривающая ответственность за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов. Но это не значило, что до 1962 г. уголовной ответственности за «приписки» не существовало. Она предусматривалась статьями о должностных преступлениях. Далее, будет ли криминализация в случаях, когда вводится новое, ранее неизвестное закону квалифицирующее обстоятельство? Будет ли криминализация тогда, когда квалифицирующее обстоятельство лишь выделяется из соответствующей статьи уголовного

⁴ Злобин Г. А. и Келина С. Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний.— Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978, с. 109.

⁵ Злобин Г. А. и Келина С. Г. Указ. соч., с. 105.

⁶ Злобин Г. А. и Келина С. Г. Указ. соч., с. 106.

закона в самостоятельный ее признак? Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» было введено новое квалифицирующее обстоятельство — «изнасилование малолетней». Однако это не значит, что до 1980 г. ответственность за изнасилование малолетней отсутствовала. Наконец, будет ли криминализация в случаях, когда вводится совершенно новая для уголовного законодательства статья закона? Думается, что криминализация охватывает лишь случаи введения в уголовное законодательство новых, ранее не известных ему норм.

Если общественное развитие вызывает новый вид антиобщественного деяния, обладающего соответствующей степенью общественной опасности, распространенностью и другими признаками, составляющими основание для введения его в уголовное законодательство, то отнесение его к числу преступных будет означать криминализацию. Такой же вывод напрашивается и в отношении появляющихся отягчающих или смягчающих (квалифицирующих) обстоятельств: если эти вызываемые общественным развитием обстоятельства характеризуют новые стороны предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, которые ранее уголовным законом не охватывались, то их введение в уголовный закон означает криминализацию. Таким образом, криминализация означает не всякое изменение и дополнение уголовного закона, а лишь такое, которое сопряжено с увеличением границ деяний, именуемых преступными. Криминализация, равно как и декриминализация (исключение деяний из числа уголовно наказуемых), имеют большое социально-политическое, классовое значение, определяемое тенденциями общественного развития, в частности, увеличением или уменьшением совершаемых в обществе антиобщественных деяний, их характером и степенью опасности, политикой государства в борьбе с ними, а в буржуазном обществе еще и интересами господствующего класса, характером классовой борьбы и, следовательно, уяснение смысла, определение понятия «криминализация» должно осуществляться с учетом этого значения.

Не последнюю роль в криминализации имеют задачи, принципы и иные общие положения конституционно-

го и уголовного законодательства. Значение таких правовых положений, именуемых в теории права «исходными законодательными предписаниями», велико и, «как показывает практика правотворчества, с развитием и совершенствованием системы советского права роль исходных законодательных предписаний будет возрастать»⁷. Принимаемые после вступления в силу Конституции СССР законы есть прямое исполнение содержащихся в ней положений. На основе этих же положений в юридической литературе появляются предложения о совершенствовании советского уголовного законодательства⁸.

Понятие «криминализация» употребляется и для обозначения «разных по значению обстоятельств, приводящих в движение процесс криминализации... социальные (и иные) основания криминализации и криминализационный повод»⁹. В юридической литературе справедливо отмечается, что содержание уголовного права определяется различными обстоятельствами, но ведущими среди них являются те, которые выражают основания принятия закона, основания криминализации: «особо надо выделить связь криминологии с социологией уголовного права, то есть той частью уголовно-правовой науки, которая изучает социальную обоснованность и эффективность уголовного закона»¹⁰. Проблема социальной обоснованности уголовного закона, «оснований криминализации» составляет особую часть не только криминологии и социологии уголовного права, но и советской уголовной политики. Правда, не все криминологи связывают уголовную политику с проблемой обоснованности уголовного закона.

Существуют представления об уголовной политике как «системе мер, нацеленных на отрицательные, антиобщественные явления, применяемых в процессе борьбы с преступностью»¹¹. С таким понятием уголовной

⁷ Советское государство и право, 1979, № 8, с. 59.

⁸ Злобин Г. А. и Келина С. Г. Указ. соч., с. 106.

⁹ Кузнецов А. В. Совершенствование уголовно-правовых норм, охраняющих конституционные права личности.— Советское государство и право, 1980, № 5, с. 99.

¹⁰ Криминология. М., 1979, с. 5.

¹¹ Шуберт Л. Основные вопросы политики борьбы с преступностью.— Общественные науки за рубежом. 1979, № 6, серия 4, с. 50.

политики согласиться нельзя. Оно отражает важную, но лишь одну сторону деятельности государства — правоприменительную. Однако уголовная политика определяет не только правоприменительную деятельность государства, но и основные направления формирования законодательства, регламентирующего процесс борьбы с преступностью. Важнейшим аспектом уголовной политики является уголовно-правовая политика¹², прямо связанная с проблемой оснований формирования уголовного законодательства, оснований криминализации. «В отличие от уголовно-правовых исследований действующих норм и конкретных аспектов практики их применения, научные исследования в области уголовно-правовой политики призваны изучать и разрабатывать общие вопросы деятельности государства по созданию норм уголовного права, обусловленность и предпосылки соответствующих изменений и тенденций уголовно-правовой политики как части уголовной политики»¹³.

В этой связи мы определяем советскую уголовную политику как основанную на общесоциальной политике деятельность КПСС и Советского государства по определению основных направлений в области формирования и применения права, в области борьбы с преступностью в целом. Самостоятельное значение уголовной политики как правоформирующего фактора состоит в том, что «недостаток информации о целесообразности содержания будущего закона, условиях и последствиях его действия может быть восполнен соображениями и выводами, основывающимися на общих принципах уголовной политики как части общесоциальной политики»¹⁴.

Таким образом, о какой бы области, относящейся к проблеме борьбы с преступностью, мы не говорили (теории уголовного права, социологии уголовного права, криминологии, уголовной политике), вопрос оснований криминализации остается важным, потому что построение уголовного законодательства на основе дей-

¹² Ковалев И. И. Соотношение уголовной политики и уголовного права.— Советское государство и право. 1979, № 12, с. 66.

¹³ Гальперин И. М., Курляндский В. И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения.— Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975, с. 14.

¹⁴ Гришанин П. Ф. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. М., 1978, с. 17.

ствительной общественной потребности исключает при прочих учтенных условиях несовершенство закона, вызванное недостатками его формирования. Но что такое основание криминализации? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо определиться в понятии «основание», поскольку действующее законодательство, юридическая литература и правоприменительная практика широко применяют эту категорию¹⁵. Однако это отнюдь не означает, что ее содержание и смысл достаточно ясны. Отождествление категории «основание» («основа») с иными категориями, придание им самых различных, порой далеко не близких значений, характерно не только для юридической, но и для философской литературы. Категория «основание» употребляется в значении «сущности», «субстрата», «причины», «совокупности условий», даже в смысле «мотива» и т. д. Это объясняется, во-первых, богатством содержания категории «основание», во-вторых, недостаточным уровнем ее разработки и, в-третьих, отсутствием четких отграничительных признаков между указанными категориями. Среди философов нет единого понимания категории «основание». Одни отмечают, что «основание» — это то, из чего познание должно объяснить существование вещи¹⁶, другие под основанием понимают «внутреннюю определенность действительности, имеющую свои предпосылки в себе самой и с необходимостью порождающую следствие — конкретное многообразие явлений»¹⁷, наконец, предполагается различать «основу — базовый источник сущности и сущностных отношений объекта» и «основание — форму осмысления основы»¹⁸. Единство среди философов наблюдается в признании того, что «основание» выступает как фундаментальное, определяющее, главное

¹⁵ Изучая тенденции развития советского правоведения последних лет в сфере разработки методологических проблем, можно условно обозначить 2 направления: «а) применение законов и категорий диалектики к познанию правовой действительности». (Керимов Д. А. Диалектика и практика правового строительства. М., 1979, с. 6).

¹⁶ Парнюк М. А. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. 1972, с. 209.

¹⁷ Карпачев В. Г. Становление категории основания в философии нового времени, 1974, с. 15.

¹⁸ Билялов А. К. Диалектика категорий «основа» и «обоснование». Алма-Ата, 1978, с. 7.

отношение вещи, явлений, от которого решающим образом зависят все другие отношения, что основание — лишь то, что способно производить, обосновывать что-то иное, обоснованное. Вещь, явление, будучи основанием в одних отношениях, в других приобретает значение обоснованного¹⁹.

Сущность, многосторонность категории «основание» выражается в ее разновидности — абсолютном и определенном²⁰, а в определенном основании выделяются внутреннее и внешнее, формальное, реальное и полное основания. Назначение полного основания состоит в том, что оно характеризует всю полноту имеющихся отношений, связей, свойств обоснованного, как главных, так и неглавных, и лишь оно обладает производительной способностью, обуславливанием. Неполное основание лишь в возможности, а не в действительности обосновывает сущее. Чтобы познать вещь во всей ее полноте, надо найти полное основание, все стороны его сущности. Недостаточная разработанность категории «основание» в философии имеет отражение и в юридической литературе, где представления об основаниях законоположений, основаниях криминализации существенно различаются. Предпринимаются попытки найти основания формирования права «в конечном счете», под которыми единодушно признаются материальные условия жизни людей, экономический базис, экономическая основа и т. п., и «ближайшие» основания²¹, сводимые к объективной необходимости, потребности, социальным ценностям, государственной воле, политическим и моральным факторам и т. д. «Советской наукой недостаточно разработан вопрос о конкретных проявлениях влияния

¹⁹ В БСЭ «Основание» рассматривается как «главное, на чем зиждется, базируется, строится что-либо». Например, социалистическая собственность на средства производства — это экономическая основа советского строя». БСЭ, изд. 2, т. 31, с. 295.

²⁰ К. Маркс анализировал «базис» как определенное основание, именуя его «реальным», «материальным», «естественным», «историческим», «экономическим», «техническим». В этой связи можно предположить, что «правовые основы государственной и общественной жизни» развитого социализма являются разновидностью определенного основания.

²¹ Спиридонов Ш. Социальное развитие и право. Л., 1973, с. 20.

базиса на социалистическое право»²². Это обуславливает различные представления, в частности, о связи экономики и права. Существует мнение, что если формирование правовых норм, регулирующих товарно-денежные отношения, хозяйственные связи, испытывает «прямое влияние базиса», то в области уголовного права это влияние «значительно слабее», что «объясняется предметом, методом, особенностями генезиса уголовного права в системе социалистического права»²³. Не анализируя специально вопрос об экономической обусловленности уголовного закона, заметим, что экономическое влияние на уголовный закон не всегда и не для всех его положений проявляется «значительно слабее».

Представляется, что в первые годы Советской власти, когда многие мероприятия нашего государства были направлены на закрепление и развитие нового социалистического способа производства и нередко обеспечивались и уголовно-правовыми средствами, связь между экономикой и уголовным правом была не столь слабой, какой она, возможно, является сегодня. В целом же заметим, что вопрос об экономической обусловленности уголовного права, о связи экономики и уголовного закона может быть решен на основе предварительного уяснения сути понятия «экономическая обусловленность», видов этой обусловленности и т. п., с обязательным учетом особенностей функций советского уголовного права, соотношения их с функциями иных отраслей права.

Среди некоторых криминологов проблема оснований криминализации иногда сводится к проблеме «определения критериев отнесения определенных групп правонарушений к области преступных и уголовно наказуемых»²⁴. Таковыми критериями называются «способность деяний причинять вред», «соответствующая степень их общественной опасности» (которую П. А. Фефелов рассматривает решающим фактором криминализации), совокупность обстоятельств объективного и субъективного

²² Мамутов В. К.— Советское государство и право, 1979, № 7, с. 70.

²³ Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство. Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975, с. 52.

²⁴ Гальперин И. М., Курляндский В. И. Указ. соч., с. 17.

характера, определяющих отнесение деяния к числу уголовно наказуемых», «распространенность общественно опасных деяний», «общие личностные признаки субъектов деяний» и т. д. Отсутствие в этом вопросе какой-либо системы объясняется тем, что «юридическая наука в настоящее время не располагает рекомендациями, которые исчерпывающе раскрывают оптимальные критерии для принятия уголовных законов»²⁵. Разработка таких оптимальных критериев — дело настоящего и будущего советской науки, дело, которое требует сочетания философских, социологических, социально-психологических исследований, использования исторического, сравнительно-правового анализа.

Особое значение принадлежит «приведению советского уголовного законодательства в точное соответствие с криминологической характеристикой преступности в СССР, ее структурой и динамикой. Более того, анализ состояния, структуры и динамики преступности должен стать одним из принципов построения уголовного законодательства»²⁶. Вместе с тем поиски критериев отнесения деяний к числу уголовно наказуемых не исключают, а, напротив, предполагают и выделение оснований формирования уголовного закона, оснований криминализации.

Рассматривая при этом соотношение понятий «основания криминализации» и «критерии криминализации», мы приходим к выводу, что взаимоисключения между ними нет. Если общественная опасность деяния (именуемая в литературе критерием криминализации) составляет, по нашему мнению, основание криминализации, то некоторые иные моменты (распространенность деяния, вред, причиняемый деяниями такого рода, и другие) действительно являются критериями, но критериями определения общественной опасности деяния и соответствующей ее степени, а не критериями криминализации. Критериями криминализации они являются постольку, поскольку характеризуют, определяют ту степень общественной опасности деяния, которая является

²⁵ Проблемы методологии и методики правоведения. М., 1974, с. 20—21; Гальперин И. М. Указ. соч., с. 56.

²⁶ Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград. 1973, с. 21—22.

основанием криминализации. Что же касается таких моментов, как соответствие криминализации моральному состоянию общества, безуспешность борьбы с общественно опасными деяниями неуголовно-правовыми средствами, учет ближних и отдаленных последствий криминализации и других, то они больше относятся к условиям криминализации. Сами авторы, выделяющие критерии криминализации, отмечают, что некоторые из них не всегда участвуют в формировании конкретных уголовных законов. Но это отнюдь не означает, что среди них нет таких, которые бы действовали в любом отдельном случае криминализации. Явления общественной жизни, составляющие в единстве необходимость принятия уголовного закона и действующие в каждом отдельном случае его формирования, мы и относим к основаниям криминализации. Такой вывод не противоречит существующему в юридической литературе определению понятия основания криминализации.

Так, Г. А. Злобин и С. Г. Келина под основаниями криминализации понимают «процессы, происходящие в материальной и духовной жизни общества, развитие которых определяет объективную необходимость (действительную общественную потребность) создания или упразднения уголовно-правовой нормы»²⁷. Определение такое не вносит четкости в представление об основаниях криминализации, ибо оно настолько абстрактно, что способно охватить основания не только правовых положений, но и неправовых. Кроме того, оно как научный инструмент не дает гарантий от принятия необоснованных законов, ибо их существование тоже можно оправдать необходимостью. Смысл же всей теории криминализации и такой важнейшей ее части, как основания криминализации, состоит еще и в предотвращении принятия законов, не соответствующих действительности и интересам общества. Это предотвращение может исходить как от органов государства, так и от общественного мнения, значение и роль которого в условиях развитого социализма, в том числе и в деле формирования законов будут все более возрастать. Об этом прямо говорится в Конституции СССР²⁸. Но для того, чтобы об-

²⁷ Злобин Г. А. и Келина С. Г. Там же, с. 110.

²⁸ Конституция СССР, М., 1977, ст. ст. 8, 9.

ественное мнение было реальным, его нужно обеспечить ясным пониманием главного вопроса формирования законов, уголовных законов — почему они принимаются, на каком основании.

Таким образом, речь идет об определении, отражающем специфику криминализации. Одновременно необходимо определить и так называемое «ближнее основание» криминализации, непосредственно обуславливающее принятие и содержание уголовно-правовой нормы. Однако его установление невозможно без четкого представления о структуре, иерархии оснований в целом, которые могут быть представлены следующим образом. Как государственная и общественная жизнь, так и правовые явления покоятся «на сложном, многоосновном фундаменте», «основу основ» которого составляет экономический базис (основа) общественных явлений, «сердцевиной» которого является способ производства. Основа экономической системы с необходимостью вызывает существование социальной основы СССР, которую составляет нерушимый союз рабочих, крестьян, интеллигенции. Из социальной основы вырастает политическая основа — Советы народных депутатов, а последняя предопределяет наличие основы правовой.

Экономическая, социальная, политическая и правовая основы предусматриваются Конституцией СССР и образуют своеобразную структуру оснований криминализации. Юридическая основа («правовые основы государственной и общественной жизни»), определяясь воздействием экономической, социальной и политической основ, остается относительно самостоятельной, то есть выступает юридическим источником (основой) права, советского уголовного права. Именно это обстоятельство объясняет нередкое появление в юридической литературе после вступления в силу новой Конституции СССР ряда предложений о дополнении и совершенствовании действующего уголовного законодательства, вытекающих из требований Конституции²⁹. Применяя категорию «полного основания» в теории криминализации, можно с учетом вышеизложенного сделать предвари-

²⁹ Кузнецов А. В. Совершенствование уголовно-правовых норм, охраняющих конституционные права личности. — Советское государство и право. 1980, № 5.

тельный вывод, что «полное основание криминализации» выражается в единстве социального (включающего экономическое основание) и правового оснований. Что же касается «ближнего основания криминализации», то оно, по нашему мнению, выражается в соответствующей степени общественной опасности деяний.

Такой вывод о содержании «ближнего основания» криминализации возможен еще и потому, что между ним (основанием криминализации) и основанием уголовной ответственности должна проявляться существенная связь. Эта связь выражается в таком обстоятельстве, определяющем в известной мере и криминализацию, и уголовную ответственность, как общественная опасность деяния. Так, в ст. 1 УК РСФСР, где определяются его задачи по охране советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств, отмечается, что «для осуществления этой задачи УК РСФСР определяет, какие общественно опасные деяния являются преступными...». Следовательно, законодатель посредством УК определяет преступный характер лишь общественно-опасных деяний, причем не всех, а только обладающих соответствующей степенью этой опасности. Особенностью уголовного права является то, что «оно регламентирует общественные отношения, связанные с совершением лишь деяний, ...повышенной общественной опасности»³⁰. Общественная опасность — объективное свойство деяния, порождаемого складывающимися общественными отношениями и существующее независимо от воли законодателя, является определяющим обстоятельством (основанием), обязывающим государство устанавливать правовые, в том числе и уголовно-правовые меры борьбы с ним. Государство, законодатель не выдумывают законы, а «право само по себе ничего не дает, а только санкционирует существующие отношения»³¹. Уголовное право, в этой связи, выступает как форма отражения, закрепления одной из объективно существующих сторон общественной жизни. Практически все

³⁰ Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967, с. 23.

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 208.

авторы, характеризующие обстоятельства (факторы, критерии) криминализации, называют среди таковых общественную опасность деяний. Так, Н. Ф. Кузнецова отмечает, что «признание деяний преступлениями происходит по двум главным основаниям: во-первых, исходя из общественной опасности деяния, и, во-вторых, из целесообразности установления за него именно уголовного наказания»³². Признание же общественной опасности деяния решающим фактором криминализации некоторыми авторами оспаривается в связи с тем, что «если преступление — это деяние, характеризующееся сравнительно высокой степенью общественной опасности, то отсюда еще не следует, что всякое такое деяние может и (или) должно признаваться законодателем преступлением», что значение общественной опасности как критерия «гипертрофируется и рассматривается вне связи с другими социальными и юридическими моментами, влияющими на издание уголовного закона»³³. Нет, конечно, сомнений, что принятие уголовного закона определяется множеством социальных и юридических моментов (хотя и неясно, что конкретно имеет в виду автор под этими моментами), однако это не исключает, а, напротив, обязывает нахождение в этом многообразии главных, решающих обстоятельств, выражающих социальную природу преступлений и составляющих основание для любого случая формирования закона. Этим основанием является общественная опасность деяния.

Подводя итоги, отметим: понятие «основания криминализации» является сложным, многоосновным, сочетающим в себе несколько уровней оснований, как отдаленных от уголовного права, и в этом случае говорят об основаниях криминализации «в конечном счете» (способ производства, материальные отношения), так и непосредственно определяющих нормы уголовного права, и в этом случае говорят о «ближнем основании» криминализации (соответствующая степень общественной опасности). Между основаниями криминализации «в конечном счете» и «ближними основаниями» относительно самостоятельными выступают социальные и политические основания.

³² Кузнецова Н. Ф. Указ соч., с. 15.

³³ Гальперин И. М. Указ. соч., с. 53.

О СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ

В. А. УТКИН

I. Для советского уголовного и исправительно-трудового права в настоящее время характерно усиление внимания к уголовно-правовым мерам, не связанным с лишением свободы. Отраженные в Конституции СССР и материалах XXVI съезда КПСС закономерности развитого социалистического общества (дальнейшее развертывание социалистической демократии, все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни) в сфере исправления и перевоспитания правонарушителей проявляются и как стремление к использованию широкого комплекса средств нравственного, правового, идеологического воздействия не только со стороны государства, но и общественных организаций, трудовых коллективов. Поэтому расширение предмета советского исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) законодательства сопровождается совершенствованием нормативных и организационных основ такого воспитательного воздействия¹.

II. Согласно ст. 5 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 5 ИТК РСФСР) приговоры судов к лишению свободы, ссылке, высылке и исправительным работам исполняются исправительно-трудовыми учреждениями и органами МВД СССР.

¹ См. например: Ременсон А. Л. Пути дальнейшего сокращения применения лишения свободы.— В кн.: Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета. Томск, 1976, с. 190.

В отличие от системы исправительно-трудовых учреждений, государственные органы, призванные вести работу с осужденными, не отбывающими лишение свободы, и судимыми лицами, еще не составляют целостной совокупности и не имеют единого общепринятого наименования. Исправительно-трудовым законодательством многие из них определяются как «органы внутренних дел (ст. ст. 78¹—74⁴ ИТК РСФСР)», либо как «органы, исполняющие приговоры к ссылке, высылке, исправительным работам (ст. ст. 2, 5, 9, 10 ИТК)», наконец, как «органы, ведающие исполнением данного вида наказания (ст. ст. 80, 81, 87, 93, 94 ИТК)». Закон о прокуратуре СССР именует их «органами, исполняющими приговоры судов в отношении лиц, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы (ст. 44 Закона)»².

При исправительных работах это инспекции исправительных работ; при условном осуждении и условном освобождении с обязательным привлечением к труду — спецкомендатуры; комендатуры при ссылке; при осуждении несовершеннолетних с отсрочкой исполнения приговора — инспекции по делам несовершеннолетних³. Воспитательно-профилактическая работа с лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, находится в компетенции профилактической службы уголовного розыска органов внутренних дел. Учет условно осужденных и общий контроль за их поведением призван осуществлять суд, вынесший приговор (ч. VII ст. 44 УК РСФСР). Наблюдение за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, организуется исполкомами местных Советов народных депутатов (ст. 106 ИТК)⁴.

² Ведомости Верховного Совета СССР, 1979, № 49, ст. 843.

³ Вопрос об органах, исполняющих высылку, является дискуссионным. Мы присоединяемся к мнению Л. Г. Крахмальника, что это наказание исполняется как органом внутренних дел по месту осуждения, так и органом внутренних дел по месту нахождения высланного. (См.: Крахмальник Л. Г. Кодификация исправительно-трудового законодательства. М., 1978, с. 169). Но поскольку место осуждения не всегда совпадает с местом, в котором высланному запрещается проживать, в это число следует включить и орган внутренних дел в месте, запрещенном для проживания.

⁴ В данном случае мы не входим в обсуждение вопроса об органах, исполняющих принудительные меры медицинского и воспитательного характера.

Важным шагом к формированию единой системы специализированных воспитательно-профилактических органов явилось создание в 1977 г. в МВД СССР Главного управления по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы. Последнее организационно объединило органы, исполняющие условное осуждение и освобождение с обязательным привлечением к труду, ссылке, исправительные работы. Думается, однако, что с этим формирование системы таких органов не завершено.

III. Существуют объективные основания к тому, чтобы в системе исправительно-трудовых учреждений и специализированных воспитательно-профилактических органов последние существовали в качестве подсистемы, проникнутой едиными организационно-методическими принципами:

1. Указанные выше уголовно-правовые меры (и в определенном смысле судимость) преследуют цель исправления и перевоспитания;

2. Во всех подобных случаях воспитательно-профилактическому воздействию подлежит лицо, виновное в совершении преступления, в отношении которого полностью или в части сохраняет силу приговор суда;

3. Во всех случаях осужденный (судимый) не входит в структуру данного органа (в отличие от ИТУ);

4. Исправление и перевоспитание виновного протекает в условиях свободной жизни и, как правило, лишено противоречий, характерных для исполнения лишения свободы⁵. В подавляющем большинстве случаев осужденный не исключается из трудового коллектива, общественной организации и т. п.;

5. Это, в свою очередь, предполагает максимальное использование сил советской общественности, трудовых коллективов, общественных организаций в воспитательно-профилактической деятельности.

Поэтому если для ИТУ одной из важнейших задач является непосредственное исправление и перевоспитание осужденных, то в деятельности рассматриваемых органов во главу угла, видимо, должно быть поставлено главным образом управление исправлением и перевоспитанием, которое в первую очередь должно осу-

⁵ Некоторые исключения существуют при условном осуждении и условном освобождении с обязательным привлечением к труду.

ществляться силами советской общественности, трудовых коллективов⁶.

IV. Всякое социальное управление должно быть гибким, оперативным, по возможности централизованным, последовательным, систематическим, максимально приближенным к жизни, способным к постоянному совершенствованию на основе опыта, проникнутым единым духом⁷. Специальными психолого-педагогическими требованиями являются воспитательная целесообразность, способность непосредственного контакта с управляемой общностью и т. п. Очевидно, эти требования должны получить известное закрепление и в правовых нормах, определять юридический статус органа управления исправлением и перевоспитанием. Речь идет о правовых возможностях быстрого и качественного получения информации, способности быстро и адекватно реагировать правовыми средствами, о правовых формах закрепления и распространения передового опыта.

Представляется, что не все из органов, на которые в настоящее время возложены воспитательно-профилактические функции, в равной мере обладают необходимыми для этого свойствами. Прежде всего это относится к судебным органам. В соответствии со ст. 44 (ч. VII) УК суд, вынесший приговор, осуществляет учет условно осужденных и общий контроль за их поведением. В литературе, посвященной условному осуждению, отмечается, что в этом находит свое проявление воспитательная функция суда в условиях социалистического общества⁸.

Действительно, воспитательную роль суда трудно переоценить. Ее неоднократно подчеркивал В. И. Ленин⁹. Вся деятельность судебных органов должна осуществляться в соответствии с поставленными партией задачами по искоренению правонарушений, воспитанию ком-

⁶ Управление в данном случае понимается не в административно-правовом смысле (поскольку трудовые коллективы, общественные организации не находятся в таком подчинении), а в более широком — социальном.

⁷ См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом, М., 1973 и др....

⁸ См. например: Ломако В. А. Применение условного осуждения. Харьков, 1976, с. 95—97.

⁹ См.: Ленинский сборник XXXVI, с. 37.

мунистической сознательности граждан, укреплению правопорядка и законности¹⁰.

В то же время воспитательные возможности суда определяются прежде всего тем, что это — орган социалистического правосудия (ст. 151 Конституции СССР). В уголовном судопроизводстве суд призван не только правильно квалифицировать деяние, назначить справедливое наказание, но и «до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение», чтобы общественность и сам осужденный вынесли из суда «уроки общественной морали и практической политики»¹¹. Основные начала и принципы судебной деятельности подчинены главным образом такому способу оказания воспитательного воздействия¹².

По отношению к правосудию учет условно осужденных и контроль за их поведением — своего рода исполнительная деятельность. По нашему мнению, характер суда как органа правосудия, его состав, структура, полномочия и порядок деятельности не в полной мере соответствуют выполнению этой функции. Такие черты, как коллегиальность, сменяемость, строго регламентированный процессуальный порядок деятельности, не рассчитаны на непосредственную воспитательно-профилактическую работу с осужденными. В попытках найти решение проблемы Верховный Суд СССР ориентирует нижестоящие суды на широкое привлечение к этому народных заседателей¹³. Отмечаются такие формы воспитательно-профилактической деятельности, как советы народных заседателей, индивидуальное шефство и т. п.¹⁴. Не отрицая важности привлечения общественности к исправлению и перевоспитанию условно осужден-

¹⁰ См.: О повышении уровня правосудия в свете решений XXV съезда КПСС. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1976 г. — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977 гг. Часть I. М., 1978, с. 50.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 407—408.

¹² См.: Цикл статей о повышении воспитательного значения правосудия в журнале «Социалистическая законность» в конце 1979 — начале 1980 г.

¹³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., часть II, с. 112.

¹⁴ См.: Саркисова Э. А. Воспитательная роль условного осуждения. Минск, 1971, с. 73—76 и др.

ных, все же приходится признать, что эта практика не вполне соответствует смыслу ст. 44 УК, которая возлагает такие обязанности не на какие-либо общественные органы при суде, а на суд. Появление подобных общественных образований и их успешное функционирование служит, на наш взгляд, убедительным доказательством того, что суд как таковой к проведению непосредственной воспитательно-профилактической работы объективно неспособен. Не случайно за более чем двадцатилетний период существования нормы части VII ст. 44 УК анализ практики работы суда в области учета условно осужденных и контроля за их поведением обычно сводится к отдельным примерам участия общественности в этом деле¹⁵.

В условиях отсутствия единого специализированного воспитательно-профилактического органа существование нормы ч. VII ст. 44 УК было оправдано и помогло накопить соответствующий опыт. С формированием же системы таких органов в ней вряд ли есть необходимость.

Думается, что система воспитательно-профилактических органов должна функционировать в структуре МВД СССР. Это обеспечит необходимую преемственность между различными службами исправления и перевоспитания, упростит ряд организационных вопросов. В настоящее время большинство таких органов уже находится в системе МВД СССР.

V. Деятельность специализированных воспитательно-профилактических органов, видимо, должна во всяком случае включать в себя следующие направления.

1. Постоянный и систематизированный учет лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, условно осужденных, осужденных с отсрочкой исполнения приговора, условно-досрочно освобожденных, условно осужденных и условно освобожденных с обязательным привлечением к труду, судимых (среди них особо — лиц, подвергнутых административному надзору). Ведение личных воспитательно-профилактических

¹⁵ См.: Кыдыралиева С. Деятельность советской общественности и суда по перевоспитанию и исправлению условно осужденных. Фрунзе, 1965; Ломако В. А. Условное осуждение. Харьков, 1972 и др.

дел этих лиц, сбор информации, необходимой для их успешного исправления и перевоспитания.

2. Информирование трудовых коллективов, общественных организаций по месту жительства о таких лицах с постановкой вопроса об оказании на них необходимого воспитательного воздействия.

Оказание методической и организационной помощи трудовым коллективам, общественным организациям, представителям трудящихся в воспитательной работе с осужденными (судимыми), внесение рекомендаций, проведение соответствующих консультаций по этим вопросам.

Обобщение, анализ и распространение передового опыта трудовых коллективов, общественных организаций и т. д.

Привлечение общественности к исправлению и перевоспитанию, профилактической работе в специальных формах: по типу общественных инспекторов инспекций исправительных работ; общественных воспитателей несовершеннолетних; созданием специализированных отрядов добровольных народных дружин, оперативных комсомольских отрядов, и организационно-методическим руководством ими, созданием специализированных отделений Советов профилактики на предприятиях, в учреждениях и организациях.

3. Контроль за выполнением администрацией, трудовыми коллективами, общественными организациями взятых или возложенных обязанностей воспитательного характера, имеющих юридическое значение. Недопущение какого бы то ни было злоупотребления предоставленными им правами.

4. Общий контроль за поведением осужденных (судимых), за выполнением ими обязанностей воспитательно-предупредительного характера, если таковые будут установлены для них судом или непосредственно законом.

5. Надзор (в случае установления для ряда категорий правил, сходных с административным надзором, или административного надзора).

6. При необходимости непосредственные воспитательные мероприятия, индивидуальную воспитательную работу с отдельными лицами.

7. Оказание им непосредственной помощи в трудовом, бытовом устройстве, приобретении специальности, образовании.

8. В случае, если решение ряда вопросов поставлено или будет поставлено в зависимость от воспитательно-профилактического органа, разрешать эти вопросы (давать разрешение на увольнение, перемену места работы или жительства и т. п.).

9. Применение специальных мер ответственности к осужденным (судимым), уклоняющимся от общественно полезного труда, ведущим антиобщественный образ жизни, избегающим общественного воздействия, не выполняющим возложенные обязанности воспитательно-предупредительного характера.

10. Подготовку совместных с трудовыми коллективами, общественными организациями ходатайств об условно-досрочном освобождении, замене наказания более мягким, сокращении испытательного срока, срока судимости и т. п.; об изменении установленного судом объема обязанностей воспитательного характера; об установлении дополнительных правоограничений (запретов), если такая возможность будет предусмотрена законом; об отмене отсрочки исполнения приговора, условного осуждения, условно-досрочного освобождения.

VI. В связи с этим целесообразно предоставить воспитательно-профилактическим органам право:

знакомиться с материалами уголовных дел, личных дел осужденных (судимых) в отделах кадров предприятий, учреждений, организаций;

посещать осужденных (судимых) в установленное время по месту их работы и жительства;

вызывать их при необходимости для беседы, дачи объяснений, в случаях уклонения от явки прибегать к их приводу;

ставить перед руководителями предприятий, учреждений, организаций, вышестоящими органами вопрос о трудоустройстве осужденных (судимых), о необходимости оказания на них воспитательного воздействия, об изменении условий их труда и т. д.;

вносить совместные с общественными организациями и трудовыми коллективами представления в судебные органы о сокращении испытательного срока (при условном осуждении), досрочном освобождении от исполне-

ния наказания (при отсрочке исполнения приговора), об условно-досрочном освобождении, о замене наказания более мягким, снятии судимости, об изменении круга возложенных судом воспитательных обязанностей или порядка их выполнения, отмене условного осуждения, условно-досрочного освобождения или отсрочки, установлении административного («исправительного») надзора, о привлечении к уголовной ответственности за злостное уклонение от соблюдения установленных правил надзора или невыполнение возложенных обязанностей (если такой надзор и ответственность будут установлены);

вносить представления в вышестоящий по отношению к трудовому коллективу, администрации, общественной организации орган об усилении контроля за выполнением ими воспитательных обязанностей;

применять установленные меры воздействия к осужденным (судимым), нарушающим установленный для них режим, правила социалистического общежития, уклоняющимся от воспитательного воздействия.

Необходимо обсудить вопрос о характере таких мер. Вряд ли следует предоставлять воспитательно-профилактическому органу право подвергать виновного административному аресту. Между тем введение такой меры в ряде случаев представляется целесообразным. Видимо, нужно установить право судьи применять административный арест по представлению воспитательно-профилактического органа. Собственную компетенцию воспитательно-профилактического органа при штрафе следует, на наш взгляд, ограничить 10 рублями с представлением права возлагать больший штраф (до 50 рублей) судьей по ходатайству указанного органа.

Представляется необходимым разработать Положение о специализированных воспитательно-профилактических органах МВД СССР.

VII. Нуждается в совершенствовании и законодательное определение этих органов. Так, наименование «органы внутренних дел», которое содержится в исправительно-трудовом законодательстве, не отражает их специфики. Включение в определение всех мер, находящихся в их ведении, приведет, на наш взгляд, к чрезмерно пространному и нестабильному наименованию (в силу изменения самих этих мер). Вряд ли правильно имено-

вать их и «органами, исполняющими наказания (уголовно-исполнительными органами)», так как:

нередко наказание исполняется помимо этих органов¹⁶, что не должно исключать воспитательно-профилактическую работу;

ряд мер, которые должны войти в компетенцию воспитательно-профилактических органов, не являются наказаниями (условное осуждение, отсрочка исполнения приговора, воспитательная работа и т. п.);

в случаях, когда виновным отбывается наказание (например, исправительные работы), деятельность указанных органов не сводится к реализации уголовно-караательных ограничений;

орган, исполняющий наказание, и орган, призванный вести воспитательно-профилактическую работу, не всегда совпадают (при высылке).

В этой связи определение, предложенное Законом о прокуратуре СССР, представляется более удачным, однако и оно не охватывает исполнения ряда мер (условного осуждения, условно-досрочного освобождения, отсрочки исполнения приговора).

Вопрос о наименовании указанных органов не является столь принципиальным, однако, представляется, что и ему должно быть уделено внимание с тем, чтобы законодательное определение воспитательно-профилактических органов наиболее полно и адекватно отражало их социально-правовое назначение и сущность¹⁷.

VIII. В системе специализированных воспитательно-профилактических органов, по всей вероятности, следует выделить:

¹⁶ Например, штраф.

¹⁷ Не претендуя на бесспорность, можно было бы рекомендовать именовать их «исправительно-трудовыми» органами, поскольку:

меры перевоспитания, применяемые к осужденным (судимым), в реализации которых указанным органам принадлежит важная роль, вполне, на наш взгляд, могут именоваться исправительно-трудовыми, и вряд ли в этом термине следует усматривать специфически-пенитенциарный смысл;

важным участком их работы является вовлечение осужденных (судимых) в общественно полезный труд;

в условиях действия исправительно-трудового законодательства такое наименование понятно как осужденному, так и всему населению.

В связи с этим ряд законодательных формулировок существенно упростится (например, ст. ст. 5, 9, 10, 11 ИТК РСФСР).

1. Органы, ведающие условным осуждением и условным освобождением с обязательным привлечением к труду (спецкомендатуры);

2. Инспекции, в ведении которых будет находиться исполнение всех иных мер, не связанных с реальным лишением свободы, воспитательно-профилактическая деятельность при этих мерах (их можно назвать, к примеру, «исправительно-трудовыми» инспекциями).

Тем самым вся система исправительно-трудовых учреждений и органов обретет стройность и последовательность, будут созданы необходимые предпосылки для усиления преемственности в воспитательно-профилактической работе.

Разработка проблем правового статуса этих органов предполагает и юридический анализ их взаимосвязей с ИТУ, народными судами, наблюдательными комиссиями, трудовыми коллективами, общественными организациями, администрацией предприятий, учреждений и вышестоящими органами, иными органами внутренних дел, осужденными (судимыми) лицами.

Создание целостной совокупности воспитательно-профилактических органов вряд ли потребует существенных затрат и на первом этапе может быть проведено путем объединения ряда существующих служб МВД СССР. В перспективе представляется необходимым организовать специальную подготовку (или переподготовку) сотрудников органов внутренних дел для работы в этих подразделениях.

Стройная система специализированных воспитательно-профилактических органов, несомненно, явится важной организационной предпосылкой усиления воспитательного значения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, особенно в условиях действия нового исправительно-трудового законодательства.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЮ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ МЕСТНЫМИ СОВЕТАМИ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Н. П. МИНАЕВА

Решения XXVI съезда КПСС указывают на возрастающее значение правового регулирования всех сторон общественных отношений: «Новые законы позволяют тоньше, точнее регулировать различные стороны общественных отношений»¹.

Важное место в системе общественных отношений занимает деятельность местных Советов народных депутатов. В последние годы значительно усовершенствовано законодательство о местных Советах народных депутатов: приняты законы об областных и краевых Советах народных депутатов, приведены в соответствие с новой Конституцией СССР ранее принятые законы. Совершенствование законодательства укрепило возможности местных Советов народных депутатов по обеспечению комплексного характера экономического и социального развития своих территорий.

Одной из функций местных Советов народных депутатов является функция организации профилактики правонарушений, которая также нуждается в правовом обеспечении.

Руководящее направление правовой регламентации, обеспечивающей организацию профилактики правонарушений местными Советами народных депутатов, дают решения ЦК КПСС. Так, постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» прямо указывает на задачи по организации профилактики правонарушений: не хватает целеустремленности, комплексного подхода, единства действий партийных, государственных, профсо-

¹ Правда, 1981, 24 февр.

юзных и других общественных организаций, зачастую к ней не привлекаются трудящиеся. В этом же постановлении ЦК КПСС определяет конкретные задачи, стоящие перед местными Советами по профилактике правонарушений:

1) регулярно обсуждать вопросы укрепления законности и правопорядка на сессиях и исполкомах;

2) заслушивать отчеты и сообщения руководителей правоохранительных органов, предприятий, организаций о проводимой работе по обеспечению общественного порядка и борьбе с правонарушениями;

3) повысить активность комиссий исполкомов, депутатских групп, каждого депутата².

Деятельность местных Советов народных депутатов по организации профилактики правонарушений осуществляется на основании компетенции, т. е. прав и обязанностей. Компетенция местных Советов народных депутатов излагается в нормативных актах. Нормативные акты состоят из норм права. Нормы права являются основанием для осуществления местными Советами народных депутатов функции организации профилактики правонарушений.

Для того, чтобы исследовать обеспечение функции организации профилактики правонарушений правовыми нормами, первоначально декомпозируем функцию организации профилактики правонарушений на две подфункции: первая подфункция определяет общие задачи местных Советов народных депутатов по организации профилактики правонарушений. Вторая подфункция определяет специальные задачи местных Советов народных депутатов по организации профилактики правонарушений. Далее декомпозируем подфункцию, определяющую общие задачи местных Советов народных депутатов на более мелкие, определяющие общие задачи структурных подразделений местных Советов народных депутатов: исполкомов, депутатов, комиссии по социальной законности и охране общественного порядка, правоохранительных комиссий при исполкомах. Вторую подфункцию, определяющую специальные задачи местных Советов народных депутатов по организации профилактики правонарушений, декомпозируем на следую-

² Правда, 1979, 11 сент.

щие подфункции: принятие решений; планирование организации профилактики правонарушений; руководство и координация субъектами, входящими в систему профилактики правонарушений; учет и контроль профилактических мероприятий. Таким образом, мы получили два уровня подфункций, на которые мы декомпозировали функцию организации профилактики правонарушений местными Советами народных депутатов. Второй, нижний уровень подфункций, представляется достаточным для анализа обеспеченности правовыми нормами.

Проанализируем правовую обеспеченность подфункции организации профилактики правонарушений, определяющей общие задачи местных Советов народных депутатов по организации профилактики правонарушений.

П. 3. ст. 31 Закона РСФСР «О краевом, областном Совете народных депутатов» прямо возлагает на областные и краевые Советы народных депутатов обязанность «систематически анализировать состояние законности на своей территории; осуществлять мероприятия по профилактике правонарушений». Представляется, что формулировка вышеизложенной нормы не совсем удачная в части термина «осуществлять». Правильнее следовало бы употребить термин «организовать», так как для местных Советов народных депутатов наиболее характерна функция по организации и управлению системой профилактики правонарушений на своей территории.

Права и обязанности народных депутатов по организации профилактики правонарушений изложены в ст. 25 Закона СССР «О статусе народных депутатов в СССР» в редакции 19 апреля 1979 года. Закон устанавливает обязанность всех депутатов стоять на страже советских законов, активно участвовать в борьбе с правонарушениями, в воспитании трудящихся в духе высокой сознательности, исполнении гражданского долга, неуклонного соблюдения социалистической законности. Кроме обязанности закон предусматривает также право при обнаружении нарушения прав и охраняемых законом интересов граждан или иного нарушения законности потребовать прекращения этих нарушений, а в необходимых случаях обратиться с требованием к соответствующим органам и должностным лицам пресечь такие нарушения. Одновременно с правами и обязанностями депута-

та по устранению нарушения законности ст. 25 возлагает обязанность на должностных лиц государственных и общественных органов, администрацию предприятий, учреждений и организаций, а также работников милиции, к которым обращено требование депутата, незамедлительно принять меры для устранения нарушения и при необходимости для привлечения виновных к ответственности³.

Следовательно, ст. 25 Закона СССР «О статусе народных депутатов в СССР» не только обязывает народных депутатов выступать активными организаторами профилактики правонарушений, но и гарантирует выполнение этих обязанностей.

В РСФСР общие задачи по организации профилактики правонарушений для постоянных комиссий по социалистической законности и охране общественного порядка наиболее подробно изложены в ст. 69 Закона «О районном Совете народных депутатов в РСФСР»:

1) комиссия принимает участие в разработке и осуществлении мероприятий по обеспечению социалистической законности и охраны общественного порядка, прав граждан на территории района;

2) принимает участие в разработке и осуществлении мероприятий по правовому воспитанию граждан;

3) дает заключения по проектам решений районного Совета, предусматривающих за их нарушение административную санкцию (ответственность);

4) участвует в проверке соблюдения социалистической законности в отделах и управлениях исполнительного комитета Совета, в колхозах, совхозах, на предприятиях, в учреждениях, организациях в проверке состояния дел по рассмотрению предложений, заявлений, жалоб граждан и организации их приема;

5) оказывает помощь в работе добровольных народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и добровольных пожарных дружин⁴.

Ст. 35 нового Закона Союза ССР Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов определяет общие задачи постоянных комиссий краевого, областного Совета народных депутатов, в

³ Ведомости Верховного Совета СССР, 1979, № 17, ст. 277.

⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1979, № 32, ст. 785.

том числе и постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка. Эти комиссии, так же как и постоянные комиссии нижестоящих местных Советов по вопросам, относящимся к их ведению, вправе заслушивать на своих заседаниях доклады и сообщения руководителей отделов и управлений исполнительного комитета, руководителей предприятий и организаций и давать им рекомендации. При этом следует отметить, что рекомендации постоянных комиссий Совета подлежат обязательному рассмотрению соответствующими государственными и общественными органами, предприятиями, учреждениями и организациями. О результатах рассмотрения или о принятых мерах должно быть сообщено комиссиям не более, чем в месячный срок, либо в иной срок, установленный комиссиями⁵.

Нормы права, регулирующие деятельность правоохранительных комиссий при исполкомах местных Советов также содержат общие задачи по организации профилактики правонарушений. Так, например, Положение об административных комиссиях (утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г.) возлагает на административные комиссии обязанность воспитывать граждан в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, честному отношению к государственному и общественному долгу, уважения прав, чести и достоинства граждан, соблюдения правил социалистического общежития.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что подфункция, определяющая общие задачи местных Советов народных депутатов по организации профилактики правонарушений, обеспечена нормами права, регламентирующими права и обязанности местных Советов народных депутатов, народных депутатов, постоянных комиссий по социалистической законности и охране общественного порядка, а также правоохранительных комиссий при исполкомах местных Советов.

Далее проанализируем правовое обеспечение подфункций, определяющих специальные задачи по организации профилактики правонарушений.

1. Подфункция принятия решений по организации

⁵ См.: Правда, 1980, 26 июня.

профилактики правонарушений. В соответствии со ст. 93 Конституции СССР Советы народных депутатов, в том числе и местные Советы, непосредственно и через создаваемые ими органы руководят всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, принимают решения по всем этим вопросам. Исходя из принципа целостности социально-экономической системы региона (края, области), система профилактики правонарушений входит в эту систему как подсистема, поэтому в соответствии со ст. 93 Конституции СССР местные Советы народных депутатов вправе принимать решения по организации профилактики правонарушений.

2. Подфункция планирования организации профилактики правонарушений местными Советами народных депутатов. В настоящее время комплексное развитие территорий осуществляется на основании социально-экономического планирования. Ст. 146 Конституции СССР устанавливает обязанность местных Советов народных депутатов утверждать планы социально-экономического развития. Законодательство прямо не предусматривает обязанность местных Советов народных депутатов заниматься планированием организации профилактики правонарушений, однако это планирование должно входить в комплексные планы социального и экономического развития территорий, иначе социально-экономическое планирование развития территорий не будет отвечать принципам комплексности и системности.

3. Подфункция руководства субъектами профилактики правонарушений, в том числе координации усилий государственных и общественных организаций по организации профилактики правонарушений.

Анализ законодательства показывает, что оно идет по пути расширения руководящих, в том числе координационных функций местных Советов народных депутатов. Об этом, например, свидетельствует принятие совместного постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве»⁶.

Ст. 7 Закона Союза ССР О краевых и областных

⁶ Известия, 1981, 29 марта.

Советах народных депутатов устанавливает обязанность этих Советов осуществлять руководство деятельностью нижестоящих Советов народных депутатов, направлять их работу по проведению в жизнь законов и других решений вышестоящих государственных органов, планов экономического и социального развития.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года «Об основных обязанностях и правах Советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»⁷ возложил на местные Советы народных депутатов, их исполнительные и распорядительные органы обязанность регулярно рассматривать отчеты органов внутренних дел о деятельности милиции, оказывать необходимую помощь милиции в организации работы.

Местные Советы народных депутатов осуществляют руководство подчиненными органами внутренних дел⁸.

Положения, регулирующие деятельность правоохранительных комиссий при исполкомах местных Советов народных депутатов, прямо возлагают на эти комиссии обязанность координировать деятельность государственных и общественных органов по организации профилактики и правонарушений⁹.

На местные Советы народных депутатов законодательство возлагает обязанность руководить народными дружинами, товарищескими судами, а также новыми формированиями: общественными пунктами охраны правопорядка¹⁰.

⁷ Ведомости Верховного Совета СССР, 1973, № 30, ст. 398.

⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1979, № 32, ст. 786.

⁹ См., например, ст. 1 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1977, № 12, ст. 259); ст. 1 Положения о комиссиях по борьбе с пьянством (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1972, № 34, ст. 845) и др.

¹⁰ См. п. 2 утвержденного Законом СССР от 26 июля 1974 года. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 года. «Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка» устанавливает, что руководство добровольными народными дружинами осуществляется Советами народных депутатов и их исполнительными и распорядительными органами (Ведомости Верховного Совета СССР, 1974, № 31, ст. 470. См. также Положение об общественном Совете по работе товарищеских судов, ст. 1 (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1977, № 12, ст. 254. П. 4 Положения об общественных пунктах охраны правопорядка в РСФСР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1980 г., уста-

П. 5 ст. 20 Закона Союза ССР О краевых и областных советах народных депутатов устанавливает руководство местных Советов народных депутатов деятельностью областного, краевого комитета народного контроля, заслушивает отчеты о его работе. П. 6 этой же статьи предусматривает обязанность областного, краевого Советов народных депутатов заслушивать отчет областного, краевого суда о его работе, осуществлять общее руководство адвокатурой.

Таким образом, анализ правовых норм действующего законодательства показывает, что нормы действующего права регламентируют руководство, в том числе координацию усилий государственных и общественных органов по организации профилактики правонарушений.

4. Подфункция учета и контроля по организации профилактики правонарушений местными Советами народных депутатов.

Одним из важнейших направлений в организаторской деятельности местных Советов народных депутатов является учет и контроль за проводимыми профилактическими мероприятиями на территории местного Совета. Так, ст. 35 Закона Союза ССР о краевых, областных Советах народных депутатов предусматривает обязанность постоянных комиссий этих Советов осуществлять контроль за деятельностью государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, в том числе и по профилактике правонарушений. Ст. 29 этого закона предусматривает осуществление контроля местных Советов за проведением своих решений в жизнь. Ст. 6 Закона РСФСР «О краевом, областном Совете народных депутатов» предусматривает осуществление контроля за соблюдением законодательства, расположенными на территории этих местных Советов предприятиями вышестоящего подчинения.

П. 4 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 февраля 1970 г., № 136 «О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный об-

навливает, что руководство работой Советов общественных пунктов охраны порядка осуществляют районные, городские (без районного деления), районные в городах, поселковые, сельские Советы народных депутатов и их исполнительные комитеты.

раз жизни» вменил в обязанность исполкомов местных Советов: обеспечить систематическое и быстрое выявление лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, их обязательное трудоустройство; осуществлять контроль за соблюдением установленного порядка трудового и бытового устройства этих лиц, организацией профессионального обучения и проведением среди них воспитательной работы¹¹.

П. 7 Положения о наблюдательных комиссиях в РСФСР устанавливает обязанность этих комиссий организовывать профилактику рецидивной преступности. Для этого наблюдательные комиссии обязаны заниматься контролем за деятельностью исправительно-трудовых учреждений, организовывать общественное наблюдение за поведением в быту и на производстве лиц, неоднократно судимых, по отбытии ими наказания и возвращении из мест лишения свободы.

Из проведенного исследования видно, что достаточно хорошо регламентирована подфункция, определяющая общие задачи местных Советов народных депутатов, народных депутатов, постоянной комиссии по социалистической законности, правоохранительных комиссий при исполкомах.

Среди подфункций, определяющих специальные задачи по организации профилактики правонарушений, наиболее регламентирована подфункция по руководству, в том числе координации усилий государственных и общественных органов по организации профилактики правонарушений.

Более детально следовало бы регламентировать подфункцию по контролю и учету, проводимых субъектами профилактических мероприятий, например, комиссиями по делам несовершеннолетних.

Анализ правовой регламентации, обеспечивающей подфункции принятия решений и планирования показал, что эти подфункции недостаточно регламентированы в праве. Эти недостатки можно ликвидировать путем из-

¹¹ Собрание действующего законодательства СССР, 1975, т. 48, с. 39.

дания общесоюзного Закона в форме Типового Положения о профилактике правонарушений, где следует детально регламентировать все основные направления организаторской деятельности местных Советов народных депутатов. Особенно детально следует регламентировать подфункцию планирования, так как именно планирование организации профилактики правонарушений является основой всей профилактической деятельности местных Советов народных депутатов.

ОСОБЕННОСТИ МЕР ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

О. В. ФИЛИМОНОВ

В постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране порядка и усилении борьбы с правонарушениями»¹ обращается внимание на необходимость дальнейшего совершенствования деятельности государственных и общественных органов по индивидуальной профилактике преступлений. В этом постановлении, в частности, указывается на необходимость более эффективной работы по выявлению отдельных лиц, склонных к правонарушениям, и оказанию на них воздействия, обеспечивающего устранение чуждых нашему обществу личностных черт и ликвидацию отрицательного влияния неблагоприятных микросоциальных условий.

Практическое решение названных задач осуществляется главным образом путем использования убеждения и иных методов воспитательного воздействия, не связанных с ограничением прав и интересов личности. Вместе с тем в определенных законом случаях может быть применено и принуждение.

При этом отличительными чертами мер правового принуждения, используемых в индивидуальной профилактике преступлений, могут служить следующие: а) данные меры применяются не за преступление, а в связи с реальной возможностью его совершения; б) они не содержат в себе элементы кары, присущие мерам правовой ответственности; в) обязательным условием их применения является антиобщественное поведение индивида, продолжающееся несмотря на применение мер государственного или общественного воздействия за со-

¹ См.: Правда 1979, 11 сент.

вершение правонарушений, свидетельствующих о наличии склонности к преступному поведению².

Две первые из них позволяют определить место названных мер в общей системе мер принуждения по советскому праву, т. е. отнести их к числу мер, которые, как отмечалось в юридической литературе³, образуют отдельную группу под общим названием «предупредительных мер»⁴.

Что же касается третьей из выделенных особенностей, то она позволяет выделить специфику мер индивидуальной профилактики, отличить их от других мер, входящих в данную группу, например, от таможенного досмотра, принудительного медицинского освидетельствования и т. д.

Следует отметить, что юридической наукой достаточно глубоко и всесторонне исследованы многие принудительные меры, которые могут применяться к лицам, являющимся объектом индивидуальной профилактики. Однако в большинстве имеющихся по данному вопросу работ исследуются не все принудительно-профилактические меры, а лишь те из них, которые могут быть при-

² Очевидно, что свидетельством наличия у лица склонности именно к преступному поведению может служить далеко не всякое совершенное им действие. По смыслу действующих нормативных актов возможность достоверно судить о наличии такой склонности появляется лишь в случаях, когда лицо уже зарекомендовало себя совершением умышленного преступления либо неоднократно совершением иных умышленных противоправных действий, близко примыкающих к преступным по своей общественной опасности (мелкое хулиганство, мелкая спекуляция и т. п.), что позволяет сделать вывод о принципиальной общности причин и условий, их порождающих.

³ См.: Ардашкин В. Д. О принуждении по советскому праву.— Советское государство и право, 1970, № 7, с. 36; Кожевников С. М. Государственное принуждение: особенности и содержание.— Советское государство и право, 1978, № 5, с. 49—50.

⁴ Иногда для обозначения указанных мер используются другие сходные термины: «превентивные меры», «меры безопасности» и т. п. Однако, несмотря на такого рода различия, мнения ученых сходятся в том, что отличительной чертой данной группы мер является их направленность на предупреждение возможных правонарушений либо иного ущерба обществу. К их числу относят такие меры, как ревизия; меры, применяемые в ИТУ для предотвращения побегов, изготовления и использования осужденными запрещенных предметов; меры, применяемые на транспорте для борьбы с безбилетным проездом и т. д.

менены с учетом специфики той или иной категории профилактируемых.

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость такого рода исследований, как определенный недостаток, можно расценивать то обстоятельство, что зачастую общий системный анализ индивидуально-профилактических мер правового принуждения в них отсутствует, иногда подменяясь либо общими ссылками на наличие у сотрудников профилактической службы большого выбора конкретных мер воздействия, либо приведением перечня, включающего в себя самые различные по своей правовой сути и конкретным целям меры, без какого-либо совокупного их осмысления.

Между тем отсутствие единых и полных научных рекомендаций по этому поводу способствует тому, что сотрудники профилактических органов недостаточно полно ориентируются в возможностях использования мер правового принуждения и индивидуальной профилактики преступлений. Изучение практики показывает, что в настоящее время в процессе предупредительно-воспитательного воздействия на лиц, обнаруживших своим поведением склонность к совершению преступлений, общественными пунктами охраны порядка используется лишь сравнительно небольшой круг мер из числа имеющихся в их распоряжении.

К сожалению, из этого нельзя сделать вывод, что лица, склонные к преступному поведению, в ходе принудительно-воспитательной работы мало нуждаются в принудительном воздействии.

Подтверждением тому могут служить результаты опроса значительного числа участковых инспекторов и представителей общественности, постоянно принимающих участие в работе общественных пунктов охраны порядка Томска, на предмет их отношения к использованию мер принуждения в индивидуальной профилактике преступлений. 100% опрошенных высказались в пользу применения принуждения в этой работе, причем 90% сочло имеющиеся у них права и возможности этого рода недостаточными.

На вопрос о причинах неприменения тех или иных мер в конкретных случаях (примеры были взяты из практики тех общественных пунктов, где работали опрошенные) 10% из них ответили, что считают данные

меры неэффективными, 42% сослались на трудности различного характера, с которыми приходится сталкиваться при применении этих мер, 34% — на неизвестную им практику использования таких мер, 4% — на отсутствие соответствующих методических рекомендаций, остальные 10% не дали определенного ответа.

Таким образом, недостаточную осведомленность в вопросах применения индивидуально-профилактических мер правового принуждения проявили так или иначе 48%, т. е. почти половина опрошенных. В качестве способствующих этому обстоятельств, как нам представляется, выступают и некоторые из тех действительно существующих трудностей, на которые указывают практические работники.

В связи с изложенным представляется необходимой определенная конкретизация правового принуждения, используемого в индивидуальной профилактике преступлений.

В зависимости от назначения конкретных мер правового принуждения можно различать две их относительно самостоятельные группы: меры, направленные непосредственно на предупреждение преступлений, и меры, направленные на выяснение оснований для последующего индивидуально-профилактического вмешательства.

При этом в числе мер, **направленных на предупреждение преступлений**, можно различать:

1. Меры, направленные на воспитание профилактируемого.

Основным назначением данных мер является устранение субъективных качеств и свойств личности, обуславливающих реальную возможность совершения преступления. При этом по мере увеличения степени вероятности преступного поведения усиливается и степень вмешательства в права и интересы лица, выступающего объектом воздействия. С учетом этого, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью», а также рядом других нормативных актов предусмотрено применение следующих из них:

- 1) предупреждение;
- 2) официальное предостережение о недопустимости антиобщественного поведения;

3) направление информации о недостойном поведении лица для принятия мер по месту работы, учебы, жительства;

4) лишение за антиобщественное поведение различных льгот (лишение премий, путевок в места отдыха, перенесение отпуска, перенесение очередности на получение жилплощади), применяемое по согласованию с общественными организациями и администрацией предприятий, учреждений⁵;

5) принудительное привлечение к труду по решению исполкома районного (городского) Совета народных депутатов⁶.

II. Меры, направленные на устранение или нейтрализацию условий, объективно способствующих совершению профилактируемым преступления.

В качестве такого рода мер могут выступать:

1) меры устранения неблагоприятного влияния со стороны профилактируемого на других лиц — отобрание детей (ст. 122, 123 КОБС РСФСР); выселение без предоставления другого жилого помещения родителей, лишенных родительских прав (ч. 3, ст. 60 КОБС РСФСР); лишение родительских прав (ст. 59 КОБС РСФСР);

2) иные меры, направленные на устранение условий совершения преступлений, например, изъятие огнестрельного оружия и боеприпасов к нему у лиц, злоупотребляющих алкоголем, систематически нарушающих общественный порядок и правила социалистического общежития или страдающих психическими заболеваниями.

III. Меры, сочетающие в себе функции воспитания и устранения условий, способствующих совершению конкретных преступлений.

К их числу можно отнести такие, например, меры, как административный надзор за лицами, освобожден-

⁵ Возможность применения данных мер предусмотрена п. 18 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» (см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30, ст. 595).

⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 февраля 1970 г.) Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1970, № 14, ст. 255).

ными из мест лишения свободы⁷, направление на принудительное лечение от алкоголизма или наркомании, направление в специальное учебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних, отобрание подписки об отказе от совершения преступлений.

Следует отметить, что к мерам, входящим в данную разновидность, близко примыкают меры принудительно-воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним на основе ст. 63 УК РСФСР, а также правоограничения, налагаемые при отсрочке исполнения приговора несовершеннолетнему или условном осуждении с обязательным привлечением к труду (ст. ст. 46¹, 53² УК РСФСР), поскольку они также направлены на предупреждение возможных преступлений и не являются уголовным наказанием. Однако, в отличие от мер индивидуальной профилактики, перечисленные меры являются реакцией на уже совершенное преступление.

В качестве мер, направленных на выяснение наличия или отсутствия оснований для последующего вмешательства, в процессе индивидуальной профилактики могут выступать такие, например, как вызов профилактируемого в профилактическую службу, принудительный привод в орган внутренних дел⁸.

Приведенное разграничение индивидуально-профилактических мер правового принуждения по целям, по нашему мнению, в наибольшей степени способствует их правильному применению. Вместе с тем отметим, что

⁷ На основании п. 3 Положения об административном надзоре к лицам, в отношении которых он устанавливается, могут применяться следующие правоограничения: а) запрещение ухода из дома в определенное время; б) запрещение пребывания в определенных пунктах района, города); в) запрещение выезда или ограничение выезда или ограничение выезда по личным делам за пределы города (района); г) явка в милицию для регистрации от одного до четырех раз в месяц. Данные лица фотографируются, в необходимых случаях у них снимаются отпечатки пальцев (п. II указ. Положения).

⁸ «Под оперативно-розыскной деятельностью,— указывает министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков,—следует понимать систему разведывательных (поисковых) мероприятий, осуществляемых милицией в строгом соответствии с требованиями закона для предотвращения и раскрытия преступлений, а также розыска и задержания преступников». (Щелоков Н. А. Советская милиция. М.: Юридическая литература, 1971, с. 51).

классификация этих мер возможна и по другим основаниям⁹.

Например, в зависимости от субъектов, осуществляющих правовое принуждение, можно различать меры, применяемые: а) органами внутренних дел самостоятельно; б) органами внутренних дел совместно с другими государственными органами (судом, исполкомом Совета народных депутатов); в) органами внутренних дел при участии общественности.

В зависимости от степени срочности применяемых мер их можно разделить на обычные и экстренные. Обычные меры применяются в случаях, не требующих немедленного вмешательства, экстренные для прекращения начавшейся преступной деятельности и т. п.

Дальнейшие научные исследования в этой области могут, несомненно, способствовать более глубокому и точному уяснению практическими работниками смысла и задач принуждения, используемого в процессе предупредительно-воспитательного воздействия на лиц, склонных к правонарушениям, и тем самым обусловить дальнейшее повышение эффективности индивидуальной профилактики, являющейся одним из средств общей борьбы за искоренение преступности в СССР.

⁹ Более подробно по этому вопросу см.: Филимонов О. В. Классификация мер индивидуального предупреждения преступлений.— В сб.: Молодые ученые и специалисты—народному хозяйству. Материалы региональной научной конференции. Томск: ТГУ, 1977, с. 78—80.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И. Л. ДРУКАРОВ

Ранняя профилактика правонарушений несовершеннолетних занимает видное место в одном из направлений деятельности правоохранительных органов — борьбе с преступностью и иными правонарушениями.

Предметом данной статьи является рассмотрение некоторых особенностей ранней профилактики в деятельности районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних¹ по предупреждению безнадзорности, устройству и охране прав несовершеннолетних, организации и контролю работы по перевоспитанию, поскольку ранняя профилактика в той или иной мере включает в себя все эти аспекты.

Одним из негативных моментов в деятельности КДН² приводящих к ухудшению результатов борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, является неудовлетворительное выявление подростков, нуждающихся в трудоустройстве, когда фактически учитываются как нуждающиеся в устройстве на работу лишь те, кто сам является за помощью в КДН. Это, в конечном счете, приводит к безнадзорности тех подростков, которые уже имеют антиобщественные наклонности, но работать не желают как раз из-за наличия этих наклонностей. Для устранения этого недостатка нужно иметь в виду, что

¹ Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 3 июня 1967 г. Изменения внесены Указами Президиума Верховного Совета РСФСР 21 января 1969 г., 28 мая 1971 г., 11 марта 1977 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1967, № 23, ст. 563; 1969, № 4, ст. 89; 1971, № 22, ст. 433; 1977, № 12 ст. 259.

² В дальнейшем районные (городские) комиссии по делам несовершеннолетних сокращенно именуются КДН.

полнота учета не учащихся и не работающих подростков обеспечивается на основании ст. ст. 10—11 Положения о комиссии по делам несовершеннолетних получением данных от школ, других учебных заведений, предприятий. По окончании учебного года такие данные сосредотачиваются в статорганах в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г., № 1186 «Об улучшении трудоустройства подростков»³.

Наконец, сведения о неработающих и неучащих из числа склонных к правонарушениям КДН получает от инспекции по делам несовершеннолетних и других правоохранительных органов (милиции, прокуратуры, суда).

Своевременный учет с помощью этих источников всех нуждающихся в трудоустройстве и принятие необходимых мер к устройству на работу способствуют устранению недостатка и в конечном счете предупреждению правонарушений.

Отметим наиболее типичные нарушения, допускаемые в устройстве на работу подростков.

1. Попытки устройства несовершеннолетних на должности, запрещенные для работы подростков постановлением Госкомтруда, Совета Министров СССР от 29 августа 1959 г., № 629 «О списке производств, профессий, специальностей и работ, на которых запрещается применение труда лиц, не достигших 18-летнего возраста»⁴. Эти нарушения связаны с имеющими место фактами правовой неосведомленности, занимающихся трудоустройством секретарей КДН, а также трудностями устройства на работу из-за недостатка вакансий по профессиям, на которых допускается труд несовершеннолетних⁵.

2. Направление подростков на предприятия, где отсутствуют необходимые вакантные места. Такое положение связано с неудовлетворительным использованием

³ См.: СП СССР, 1963, № 21, ст. 208.

⁴ См.: Бюллетень Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. 1959, № 6.

⁵ В изученном нами городе многие нарушения были связаны с отсутствием правовой подготовки у секретаря КДН, а также тем, что на предприятиях преобладали возможности устройства на работу девушек, но отсутствовали таковые для юношей, так как большинство предприятий требовали преимущественно женского труда (швей, ткачих, вязальщиц, крутильщиц и т. д.).

КДН брони, предоставляемой для трудоустройства несовершеннолетних на предприятиях в соответствии с упомянутым постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г.⁶ Предприятия самовольно заполняют вакансии, предназначенные в счет брони, по своему усмотрению, а КДН не располагает данными о специальностях, профессиях и должностях, на которые могут быть направлены подростки, и осуществляют направление на работу «вслепую», что и приводит к необходимости многократного устройства на работу одних и тех же подростков на разные предприятия из-за отсутствия вакантного места на том предприятии, куда направлен был подросток.

3. Устройство на работу без учета профориентации или при отсутствии перспективы приобретения подростком «престижной» профессии, или подростков, не желающих работать вообще. В этих случаях несовершеннолетние не закрепляются на работе, переходят с одного производства на другое в поисках «лучшего места», попадают под влияние нерадивых рабочих, сами становятся нарушителями трудовой дисциплины и, в конечном счете, или становятся правонарушителями, или прекращают трудовую деятельность, что также «чревато» усилением антиобщественной деятельности вплоть до совершения преступлений.

С целью недопущения подобных нарушений КДН должна проводить подготовительную работу по использованию запланированной решением исполнительного комитета районного (городского) Совета народных депутатов брони для приема на работу несовершеннолетних, что, в частности, предполагает получение КДН своевременных данных с предприятий не только о количестве мест, но и специальностях, профессиях, должностях, на которые могут быть направлены подростки. Распоряжение броней должно производиться только КДН, которая обязана контролировать также и фактическое устройство подростков по ее направлениям, во избежание случаев, когда подростки либо не приходят по месту направления на работу из-за нежелания работать, либо, встретив «препятствия» в приеме в отделе

⁶ См. также: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров от 2 февраля 1966 г. № 83. СП СССР, 1966, № 3, ст. 21.

кадров предприятия, не стремятся добиться реализации своего права. И в том и в другом случае неустроенные на работу подростки длительное время не работают, что нередко выясняется уже после совершения ими преступлений, то есть как раз того, что могло быть предотвращено своевременным устройством на работу.

Существенным недостатком в деятельности КДН является слабый контроль за выполнением предприятием обязанности обеспечивать воспитание, обучение, охрану труда подростков. Между тем необходимость в этом является насущной, поскольку многие подростки, устроенные на работу, имеют черты антиобщественного поведения. Поступив на работу после отторжения от школы ввиду невозможности дальнейшего обучения в стенах обычной школы и имея негативные взгляды, привычки, наклонности, они зачастую не проявляют склонностей к работе и учебе как общеобразовательной, так и по специальности. По нашим данным, например, до 10% работающих подростков допускали прогулы, лишь 30% не имевших среднего образования продолжали обучение в вечерней школе рабочей молодежи, в то же время на отдельных предприятиях насчитывалось от 10 до 50% подростков-мальчиков, ранее до устройства на работу совершавших правонарушения⁷.

При таких условиях вовлечение подростков в трудовую и общественную жизнь коллектива, преодоление антиобщественных привычек является необходимым требованием в деятельности предприятий, и КДН обязаны планировать и осуществлять мероприятия, контролирующие эту деятельность, в частности, знакомиться с положением дел на производстве, заслушивать отчеты администрации о проводимой с подростками работе по их трудоустройству, охране труда, обучению, воспитанию, вовлечению в общественную жизнь.

КДН на основании ст. 13 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних осуществляет наблюдение за поведением подростков, подвергнутых мерам воспитательного и административного воздействия, осуж-

⁷ См.: Друкаров И. Л. Особенности криминологической характеристики несовершеннолетних правонарушителей и профилактической деятельности государственных органов малого и среднего города. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук М., 1976, с. 16.

денных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, условно досрочно освобожденных, амнистированных и возвратившихся после отбытия наказания в воспитательно-трудовых колониях, осужденных к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора. Всем этим подросткам для организации успешного перевоспитания КДН могут быть назначены общественные воспитатели. Однако в организации этой работы имеются существенные недостатки, связанные с несвоевременной постановкой указанного контингента на учет: сведения из отдела внутренних дел райгорисполкома в КДН нередко поступают нерегулярно, а народный суд несвоеременно высылает копии приговоров на несовершеннолетних, осужденных условно и к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Но главное слабо осуществляется контроль за поведением этой группы подростков.

Для улучшения деятельности КДН по контролю за перевоспитанием подростков ей необходимо располагать полными сведениями о контингенте лиц, которым должны и могут быть назначены общественные воспитатели. Представляется, что для этого необходимо улучшить учет таких лиц, в частности, следует законодательно урегулировать вопрос о получении необходимых сведений (извещений из милиции, копий приговоров из суда) КДН.

В работе КДН нередко ошибки: общественные воспитатели, выделенные на отдельных предприятиях, фактически закрепляются за подростками без участия КДН, они назначаются непосредственно на предприятиях профсоюзными комитетами любому трудновоспитуемому подростку по их усмотрению. Общественные воспитатели не выполняют обязанностей, предусмотренных Положением об общественных воспитателях⁸, а их работа характеризуется «вспышками» и «затуханием», тогда как в воспитательной работе это недопустимо, поскольку успешное воспитание зависит от систематичности и целеустремленности процесса. КДН нередко бессильна вмешаться в ход перевоспитания подростков, не располагая полными данными об их поведении и о работе общественных воспитателей.

Во избежание сказанного общественные воспитатели

⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1967, № 51, ст. 1239.

ли должны назначаться непосредственно на заседаниях КДН в присутствии подростков, к которым они прикрепляются, и именно тем, в отношении которых это предусмотрено Положением об общественных воспитателях и Положением о комиссии по делам несовершеннолетних. Важно, чтобы КДН имела необходимый по роду занятий и месту проживания состав общественных воспитателей, так как последние в состоянии наиболее успешно выполнять эту сложную работу при условии, если они работают в одном предприятии с подопечными или проживают по месту их жительства. Большое, а подчас решающее значение имеет подготовленность, в особенности, педагогическая, общественных воспитателей в выполнении своих функций⁹.

Для усиления контроля за деятельностью общественных воспитателей КДН следует регулярно истребовать необходимую информацию о результатах их работы от инспекций по делам несовершеннолетних, с предприятий, добиваться, чтобы общественные воспитатели систематически отчитывались о своей работе в коллективах, где они трудятся, а профсоюзные комитеты должны регулярно отчитываться на заседаниях КДН о том, как выполняют свои обязанности общественные воспитатели по перевоспитанию подопечных. Вместе с тем целесообразно, чтобы КДН организовывала на методических семинарах обмен опытом и обучение общественных воспитателей¹⁰.

⁹ Следует отметить, что в условиях изученного автором города выполнение функций общественного воспитателя было затруднено также тем, что значительная часть общественных воспитателей, работающих на предприятиях, не имела необходимой педагогической и правовой подготовки.

¹⁰ В изученном городе ряд местных комитетов профсоюза был заслушан КДН по вопросам об организации работы на предприятиях с подопечными подростками. Заслушаны были также некоторые общественные воспитатели о выполнении ими возложенных на них обязанностей. Были проведены семинары общественных воспитателей, на которых выступали представители административных органов, милиции, педагоги, а также в порядке обмена опытом отдельные общественные воспитатели.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВСЛЕДСТВИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТАНОВКИ И В СВЯЗИ С НАПРАВЛЕНИЕМ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Л. М. ВОЛОДИНА

Освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 50, ст. ст. 51, 52, ч. IV ст. 10 УК РСФСР (соответственно ст. ст. 6—9 УПК РСФСР), в отличие от других видов освобождения от уголовной ответственности, имеет свои особенности. В уголовном деле, наряду с доказательствами виновности должны быть, во-первых, доказательства, свидетельствующие о возможности исправления и перевоспитания лица, совершившего преступление, мерами общественного воздействия. Во-вторых, должны присутствовать доказательства достижения целей общего и частного предупреждения без применения уголовного наказания либо доказательства отпадения необходимости достижения перечисленных целей в связи с утратой деянием или правонарушителем общественной опасности.

Прекращению уголовного дела по одному из указанных оснований в отношении конкретного лица предшествует полное, объективное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела. Собранные и исследованные фактические данные, подтверждающие виновность лица и говорящие о том, что правонарушитель может быть освобожден от уголовной ответственности в силу обстоятельств, указанных в законе, приводят следователя к убеждению в возможности принятия такого решения.

Окончание предварительного следствия — не единовременный акт, а совокупность процессуальных действий.

Первым процессуальным действием после признания предварительного следствия законченным, а собранных доказательств достаточными для составления обвинительного заключения является уведомление об этом по-

терпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с одновременным разъяснением им права на ознакомление с материалами дела (ст. 200 УПК РСФСР). Признавая прекращение уголовного дела одной из форм окончания предварительного следствия, закон по непонятным причинам относит уведомление потерпевшего о прекращении уголовного дела к моменту направления копии постановления прокурору (ст. 209 УПК РСФСР) и умалчивает о разъяснении ему права на ознакомление с материалами дела, лишая, таким образом, данного участника уголовно-процессуальных отношений возможности участвовать в деле¹.

Вопросы информирования заинтересованных в деле лиц решаются неодинаково и в ст. ст. 6—9 УПК РСФСР. Так, ст. ст. 7, 8 УПК РСФСР, утверждая право потерпевшего знать о прекращении производства предварительного следствия, указывают, что уведомление о прекращении дела должно состояться до передачи его в товарищеский суд или комиссию по делам несовершеннолетних. Ст. 9 УПК РСФСР не устанавливает сроков уведомления потерпевшего, а ст. 6 УПК РСФСР вообще не предусматривает этого процессуального действия.

Права, на наш взгляд, авторы научно-практического комментария УПК РСФСР, считающие, что при невязанности следственных органов позицией потерпевшего при прекращении уголовного дела целесообразно вызвать и заслушать соображения данного участника уголовного процесса до постановления решения².

Обобщение следственной практики показало, что информирование потерпевшего о прекращении уголовных дел составляет 36,9% от общего числа прекращенных производств³.

¹ На нечеткость законодательной регламентации процессуальных прав потерпевшего как одной из причин недостаточной активности его в окончании предварительного следствия указывают и другие авторы. См., например: Калмыков Ю. Н. Окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1968, с. 9.

² Научно-практический комментарий УПК РСФСР. /Под ред. Л. Н. Смирнова, М., 1970, с. 17.

³ По данным И. М. Гальперина, потерпевшие о прекращении уголовных дел не извещаются в 8,1% случаев. (См.: Гальперин И. М. Взаимодействие государственных органов и общественности в борьбе с преступностью. М., 1972, с. 97).

Сведения об ознакомлении потерпевших с материалами дел, за исключением редких протоколов допросов потерпевших, содержащих фразу: «С материалами дела знакомиться не желаю», — отсутствуют.

В уголовно-процессуальной литературе уже говорилось о необходимости расширения прав потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика при окончании предварительного следствия⁴, мы присоединяемся к авторам, поддерживающим эту позицию.

Ст. 201 УПК РСФСР, регламентируя вопросы ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела при окончании предварительного расследования, не распространяет своих положений на прекращение уголовных дел, лишая обвиняемого права на ознакомление с материалами дела. Правда, в теории уголовного процесса эта точка зрения не бесспорна. Э. Ф. Куцева, например, считает, что право на ознакомление с материалами дела у обвиняемого есть, и нужно лишь решить вопрос «о порядке ознакомления обвиняемого с материалами дела в случае его прекращения на предварительном следствии»⁵. Однако анализ ст. 201 УПК РСФСР показывает, что законодатель, формулируя положение статьи, указал на одну из форм окончания предварительного следствия, а именно: окончание производства с составлением обвинительного заключения.

Отсутствие четкой законодательной регламентации права обвиняемого на ознакомление с материалами дела при прекращении его «компенсируется» указанием закона на обязательность уведомления обвиняемого о прекращении производства, но законченность законодательного решения отсутствует и здесь. По трудно объяснимым причинам ст. ст. 6, 9 УПК РСФСР умалчивают о праве обвиняемого быть уведомленным о прекращении производства по делу, что не согласуется с ч. 3 ст. 209 УПК РСФСР. Нормы уголовно-процессуального права не могут быть простым повторением норм матери-

⁴ См., напр.: Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного следствия и предания суду. Дис... докт. юрид. наук, Л., 1967, с. 517; Ефимычев С. П. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением. Автореф. дис... канд. юрид. наук, Л., 1968, с. 9 и др.

⁵ Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. (Предмет, цель, содержание). М., 1973, с. 29.

ального права, а должны обеспечить процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности в силу обстоятельств, указанных в уголовном законе.

Не решен вопрос о порядке уведомления обвиняемого (и других заинтересованных лиц) о прекращении уголовного дела. Это обстоятельство породило разноречивую следственную практику. В одних случаях обвиняемый и другие заинтересованные лица уведомляются письмом-извещением с указанием в нем о праве на обжалование постановления следователя, копия этого письма приобщается к делу; в других — копией постановления о прекращении дела, устным объявлением постановления с отметкой на нем об уведомлении указанных лиц о прекращении производства. Иногда в конце постановления о прекращении уголовного дела содержится пункт, указывающий на необходимость извещения обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика (их представителей) о прекращении дела.

По-разному решается этот вопрос и законодательством союзных республик. Наиболее верным решением, на наш взгляд, является указание ст. 180 УПК Казахской ССР, ст. 217 Азербайджанской ССР на обязательность вручения обвиняемому копии постановления о прекращении уголовного дела. На целесообразность подобной регламентации вопроса и распространении ее на других заинтересованных в деле лиц уже указывалось в процессуальной литературе⁶.

Выполнив все процессуальные действия, предусмотренные законом после признания предварительного следствия оконченным, следователь составляет в соответствии со ст. 209 УПК РСФСР мотивированное постановление о прекращении уголовного дела, в котором излагается сущность дела и основания прекращения. В уголовно-процессуальном законе не решен вопрос о структуре постановления о прекращении уголовного дела. Практикой выработана форма постановления, в содержании которого можно выделить три части: вводную, описательную и резолютивную.

Описательная часть постановления включает в себя

⁶ См. например: Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного следствия и предания суду. Дис... — докт. юрид. наук. Л. 1967, с. 513.

изложение фактической стороны события преступления, места, времени, способа совершения преступления, мотива, цели, последствий преступного посягательства, сведений о потерпевшем, доказательства виновности обвиняемого, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, доказательств возможности освобождения лица от уголовной ответственности (при прекращении производства по нереабилитирующим основаниям), обстоятельств, характеризующие личность обвиняемого и мотивов, обосновывающих принятое решение.

Резолютивная часть постановления о прекращении уголовного дела по ст. ст. 6—9 УПК РСФСР содержит вывод следователя об освобождении лица от уголовной ответственности. При этом в постановлении должна быть ссылка одновременно на материальный и процессуальный законы, поскольку, как правильно отмечает А. П. Чугаев, ссылка только на статьи УПК отражает лишь уголовно-процессуальные отношения⁷.

Особенностью постановления о прекращении уголовного дела по ст. ст. 6—9 УПК РСФСР как процессуального акта, формулирующего выводы следователя об окончании предварительного расследования, а с другой стороны, решающего дело по существу, является его двойственная природа. Именно поэтому резолютивная часть постановления должна кроме перечисленных моментов содержать: указание об отмене меры пресечения и ареста на имущество, если они были избраны, о вещественных доказательствах и т. д.

Материалы практики показывают, что при прекращении уголовных дел по ст. ст. 6—9 УПК РСФСР не всегда уделяется должное внимание мотивировке вывода о прекращении производства по делу.

Нередко мотивировка сводится к общим указаниям о том, что преступление не представляет большой общественной опасности, а личность может быть исправлена с помощью мер общественного воздействия. Прокуратурой Фрунзенского района Ленинграда было прекращено уголовное дело в отношении О., совершившей преступление, квалифицированное ч. 2 ст. 191 УК РСФСР. Мотивировка прекращения уголовного дела

⁷ Чугаев А. П. Малозначительное преступление и товарищеский суд. Казань, 1966, с. 158.

гласила: «С учетом того, что О. постоянно работает на фабрике-прачечной № 1, положительно характеризуется как добросовестный работник, перевыполняет нормы выработки, представляется целесообразным к уголовной ответственности ее не привлекать, ограничиться мерами общественного воздействия». Такая формулировка вызывает закономерное недоумение: правонарушитель освобождается от уголовной ответственности благодаря только положительной характеристике с места работы. Требование мотивированности принятого решения о прекращении уголовного дела должно выполняться неукоснительно, обвиняемый должен знать, какие доказательства положены в основу выводов следователя⁸. Недостатки мотивировки прекращения уголовных дел по рассматриваемым статьям могут привести правонарушителя к мысли о безнаказанности совершенного им преступления, к ущербу превентивно-воспитательного значения института.

Копию постановления о прекращении дела следователь направляет прокурору. Прекращение дела по одному из рассматриваемых оснований требует согласия прокурора. Постановление может быть обжаловано в течение пяти суток с момента уведомления о прекращении дела. Устанавливая право обжалования постановления о прекращении уголовного дела, ст. 209 УПК РСФСР решает этот вопрос применительно ко всем видам прекращения уголовных дел. Вместе с тем ст. ст. 7—9 УПК РСФСР предусматривают это право для конкретных форм прекращения производства по делу. Ст. 6 УПК РСФСР умалчивает о праве обжалования постановления о прекращении дела вследствие изменения обстановки.

Таким образом, процессуальный порядок прекращения уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с направлением для применения мер общественного воздействия должен быть дополнен процессуальными гарантиями прав участников уголовного судопроизводства. Во-первых, необходимо устранить несоответствие в законодательной регламентации права на уведомление о прекращении уголовного дела обвиняемого, по-

⁸ См. об этом: Якубович Н. А. Окончание предварительного расследования. М., 1962, с. 123.

терпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, установив единый срок уведомления указанных лиц до передачи материалов дела в товарищеский суд, комиссию по делам несовершеннолетних или виновного на поруки и обязательность вручения им копии постановления о прекращении дела. Во-вторых, четко решить вопрос о праве обвиняемого и других заинтересованных лиц на ознакомление с материалами прекращенного производства. В-третьих, решить в законодательном порядке вопрос о структуре постановления о прекращении дела. В-четвертых, внести изменения в ст. 6 УПК РСФСР, которая не должна быть простым повторением нормы материального права, а должна обеспечивать процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ФУНКЦИИ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Н. П. ТУТЫШКИН

Воплощение в практическую деятельность все возрастающих требований, предъявляемых партией и государством к работе органов прокуратуры по организации борьбы с преступностью и укреплению правопорядка, выдвигает задачу дальнейшего повышения эффективности прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. В связи с этим представляется актуальным исследование роли прокурора в первой стадии уголовного процесса. Решение данного вопроса необходимо не только для лучшего понимания прокурорами своей процессуальной роли, а также с целью более успешной реализации задач, вытекающих из решений XXVI съезда КПСС и положений Конституции СССР об улучшении деятельности государственных органов вообще и, в частности, органов прокуратуры по охране прав личности и усилению режима законности.

С этой целью прокурор во всех стадиях уголовного процесса обязан своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы они ни исходили (ст. 20 Основ). Достижение целей прокурорского надзора обеспечивается предоставлением прокурору полномочий, которые ставят его в определенное процессуальное положение. Их объем различный и зависит от непосредственных задач стадии процесса.

Реализация полномочий происходит в особых формах и специфическими методами¹, что позволяет проку-

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968, т. 1, с. 214; Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М.: ЮЛ, 1968, с. 96; Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961, с. 149.

рору занять соответствующее процессуальное положение и успешно выполнять задачи надзора. Последние в деятельности прокурора формируют отдельные направления, именуемые в юридической науке процессуальными функциями². Поэтому, думается, что правильный вывод о процессуальном положении и функциях прокурора можно сделать лишь путем исследования полномочий, форм надзора и содержания его деятельности в соответствующих стадиях процесса.

Осуществление надзора прокурор начинает со стадии возбуждения уголовного дела. В науке высказан взгляд, что в этой стадии процесса прокурор не занимает особого процессуального положения и не формирует какой-то процессуальной функции. Действуя как орган охраны законности, прокурор непосредственно реализует свою государственно-правовую функцию надзора за точным исполнением законов³. В изложенной позиции нами не разделяется вывод о том, что прокурор не занимает особого процессуального положения и его деятельность не формирует процессуальных функций.

В стадии возбуждения уголовного дела прокурор в силу данных ему полномочий осуществляет деятельность в трех направлениях. Во-первых, следит за исполнением законов органами дознания и следователями. В связи с этим прокурор наделен правом: отменить незаконное и необоснованное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела; возбудить по этим материалам уголовное дело либо предложить провести дополнительную проверку; осуществлять проверочные действия в органе МВД при поступлении сообщений об укрывании преступлений от учета. Прокурор вправе производить проверки и в суде с целью выяснения своевременности и правильности принимаемых решений по сообщениям о преступных проявлениях. Он также разрешает жалобы на неосновательный отказ в возбуждении

² Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 15, 66; Он же. Курс советского уголовного процесса. Наука, 1968, т. 1, с. 188; Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Изд-во Воронежского университета. 1971, с. 51—52; Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях.— Правоведение, 1973, № 5, с. 73.

³ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М.: Наука. 1975, с. 32.

уголовного дела (ст. 113 УПК). При этом необоснованные постановления органов дознания и следователей прокурор отменяет самостоятельно своим мотивированным постановлением (ст. 116 УПК). Решения суда опротестовывает в кассационном порядке, но если они вступили в законную силу, то вносит представления вышестоящему прокурору об опротестовании их в порядке судебного надзора.

Во-вторых, при обнаружении нарушений законности в разрешении сообщений о преступлениях прокурор принимает меры к их устранению предоставленными ему правовыми средствами. В частности, вносит представления соответствующим должностным лицам об устранении причин, которыми обусловлены выявленные нарушения, и ставит вопрос о дисциплинарной ответственности лиц, допустивших нарушения законности. В случае установления в их действиях признаков состава преступления привлекает к уголовной ответственности.

В-третьих, по сообщениям и материалам о преступных проявлениях, поступившим в прокуратуру, проводится проверка лично прокурором либо его заместителем или помощником. В совокупности эти действия нами рассматриваются как составная часть надзорной деятельности прокурора в рассматриваемой стадии.

При осуществлении надзора прокурор вправе давать устные или письменные указания органам дознания, следователям, подчиненным ему заместителям и помощникам. Эти указания для них являются обязательными. В процессуальном законе не содержится предписаний об обязательности указаний прокурора для перечисленных органов и должностных лиц в стадии возбуждения уголовного дела. Впервые правовое закрепление обязательности даваемых здесь прокурором указаний закреплено в ч. 2 ст. 29 Закона о Прокуратуре СССР. Конкретизация полномочий прокурора применительно к данной стадии содержится в ст. 116 УПК РСФСР. Однако названный аспект полномочий прокурора в ней не отражен. Поэтому представляется целесообразным дополнительно отразить в ст. 116 УПК РСФСР возможность дачи прокурором указаний по проверяемым сообщениям, материалам и их обязательность для органов дознания, следователей и лиц, кому они адресованы.

Проведенный анализ полномочий приводит к выводу о том, что важнейшей особенностью надзора в стадии возбуждения уголовного дела является то, что прокурор здесь наделен властно-распорядительными полномочиями. Это позволяет ему не только давать указания, а также при выявлении нарушений законности отменять постановления о возбуждении уголовных дел или об отказе в возбуждении, а также лично производить проверки по отдельным заявлениям, материалам либо поручать их проведение соответствующим органам и должностным лицам.

Реализуя свои властно-распорядительные полномочия при осуществлении надзора, прокурор фактически выполняет роль руководителя процессуальной деятельности органов дознания, следователя и подчиненных ему заместителя и помощников. Следовательно, на наш взгляд, имеются достаточные основания утверждать, что прокурор как представитель органа высшего надзора в рассматриваемой стадии процесса занимает процессуальное положение руководителя процессуальной деятельности названных органов и должностных лиц при учете и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях.

Прокурор осуществляет надзор и за судом по соблюдению требований закона при возбуждении уголовных дел. Однако конституционный статус независимости судей и подчинения их только закону при осуществлении правосудия (ст. 155) не позволяет прокурору давать какие-либо указания и тем более своей властью отменять решения суда (судьи). Поэтому по отношению к суду в этой стадии процесса прокурор, как правило, занимает процессуальное положение представителя органа высшего надзора, обязанного своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, путем опротестования незаконных решений суда (судьи). Но в случаях, когда дело возбуждается судом (ст. 255, 256 УПК) и в процессе участвует прокурор, то в судебном разбирательстве он занимает процессуальное положение государственного обвинителя (ст. 248 УПК).

Процессуальному положению прокурора соответствуют определенные методы и средства осуществления надзора. Так, например, когда прокурор выступает в

роли руководителя процессуальной деятельности должностных лиц, решающих вопрос о возбуждении уголовного дела, то в качестве метода надзорной деятельности используются проверка и дача указаний. Средствами устранения обнаруженных нарушений являются постановление прокурора об отмене принятых процессуальных решений, а также представление.

При осуществлении надзора за законностью возбуждения уголовных дел судом (судьей) методом деятельности прокурора является только проверка. Иными становятся и правовые средства надзора. На первый план выступает принесение частного протеста, а для устранения причин и условий, способствующих нарушениям законности, — представление.

В судебном разбирательстве при проверке оснований для возбуждения уголовного дела (ст. ст. 255, 256 УПК) прокурор использует допрос как метод выяснения наличия или отсутствия фактических данных, необходимых для принятия обоснованного решения. Средствами процессуального реагирования на выявленные нарушения являются: ходатайство, заключение, протест.

Надзорная деятельность прокурора призвана обеспечить успешную реализацию специфических задач, решаемых в соответствующей стадии процесса. Благодаря этому надзор прокурора носит более предметный, целенаправленный характер, значительно повышается его качество и эффективность. Думается, что обособленное рассмотрение надзора прокурора в отрыве от задач стадии процесса не способствует полному уяснению содержания направлений его надзорной деятельности. Такая позиция не может быть оправдана и в случаях «ограниченности задач» или «кратковременности осуществляемой уголовно-процессуальной деятельности»⁴ в соответствующей стадии процесса. Этими свойствами обладает стадия возбуждения уголовного дела. Однако, если прибегнуть к анализу деятельности прокурора, то и в рассматриваемой стадии четко вырисовываются определенные направления, взаимосвязанные с задачами, которые по своему содержанию обладают свойствами процессуальных функций.

Осуществляя процессуальное руководство, прокурор

⁴ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М.: Наука, 1975, с. 32.

обеспечивает всемерную охрану интересов государства и прав личности от преступных посягательств. Это достигается путем обоснованного возбуждения уголовных дел, выявления фактов укрытия от регистрации преступных проявлений и исправления ошибочных решений при отказе в возбуждении уголовных дел.

Именно охрана интересов государства и прав личности от преступных посягательств представляет здесь более конкретное проявление и образует специфическое направление в широкомасштабной государственно-правовой функции надзора прокурора. Предметом названного направления (функции) прокурора являются, с одной стороны, нарушенные преступлением интересы государства и права граждан, а с другой — действия и процессуальные решения органа дознания, следователя и суда, не обеспечившие их охрану и защиту.

В науке высказано мнение об отсутствии в стадии возбуждения уголовного дела функции решения. Оно аргументировано тем, что в этой стадии процесса, во-первых, не находит проявление функция обвинения, ибо «никто в этот момент не обвиняется в совершении преступления. Как следствие этого — в ней отсутствует функция защиты». Во-вторых, нет в ней решения основного вопроса о виновности и наказании. В-третьих, не свойственна ей и функция расследования⁵.

На первый взгляд, приведенная аргументация убеждает в правильности сделанного вывода. Однако при более глубоком ее изучении обнаруживаются обстоятельства, позволяющие не согласиться с мнением об отсутствии в стадии возбуждения уголовного дела функции решения. Действительно, в первой стадии процесса никому обвинение не предъявляется, поэтому не имеется и оснований для возникновения функции защиты в ее узком понимании. Здесь не применяются в полном объеме формы и методы исследования, свойственные стадии предварительного расследования. И это вполне естественно, поскольку стадии возбуждения дела присущи свои специфические задачи, производные от общих задач уголовного судопроизводства, которые разрешаются в определенной форме и методами, свойственными данной стадии процесса. Принимаемые здесь процессуаль-

⁵ Савицкий В. М. Указ. работа, с. 31.

ные решения могут прекратить развитие процесса либо создать условия для дальнейшего осуществления уголовно-процессуальной деятельности в следующей стадии. Все зависит от того, будут ли собраны достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 108 УПК). И если не обнаружится условий, исключаящих производство по делу, то установленные в деянии признаки преступления составят основу обвинения в стадии предварительного расследования.

Следовательно, функция решения в стадии возбуждения уголовного дела имеет свой специфический предмет, взаимосвязанный с будущим обвинением. Более того, в настоящее время процессуальный закон позволяет полностью сформулировать обвинение в случаях отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. В частности, в случае совершения лицом малозначительного или не представляющего большой опасности преступления, когда факт преступления очевиден, а лицо, его совершившее, может быть исправлено мерами общественного воздействия. В связи с этим процессуальное решение должно содержать в постановлении мотивировку о передаче материалов дела на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних либо передачи виновного на поруки коллектива трудящихся или общественной организации для перевоспитания и исправления (ст. 10 УПК).

Представляется, что ныне действующий порядок признания лица виновным органами расследования противоречит ст. 160 Конституции, наделяющей таким правом только суд. Поэтому нами разделяется внесенное предложение в юридической литературе о необходимости изменения не только действующего уголовно-процессуального законодательства, но и законодательства уголовного и о товарищеских судах и т. д.⁶ За органами расследования можно сохранить право отказа в возбуждении и прекращении дела только по реабилитирующим основаниям.

В определенном смысле является спорной позиция и об отсутствии функции защиты в стадии возбуждения

⁶ Кокорев Л. Д. Конституция СССР — основа развития и совершенствования уголовного судопроизводства. — В кн.: Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979, с. 19.

дела. В науке обоснован взгляд на защиту как на деятельность, состоящую в охране прав и законных интересов любого участника процесса⁷. Поскольку защита противодействует не только обвинению, а также проявляет себя и в случае неправомерного действия того или иного участника процесса, то функция защиты вполне реальна и в рассматриваемой стадии процесса.

Защита нарушенных преступлением прав и законных интересов граждан осуществляется здесь не только по линии прокурорского надзора. Такая обязанность возложена процессуальным законом на орган дознания, следователя и судью (ст. ст. 109—112, 114 и 116 УПК). В них содержатся процессуальные гарантии соблюдения конституционного положения об уважении личности, охране прав и свобод граждан как обязанности государственных органов и должностных лиц (ст. 57 Конституции СССР).

Принятию процессуального решения, как правило, предшествует проверка оснований для возбуждения дела. Производится она в процессуальных формах и методами, закрепленными в уголовно-процессуальном законе (ст. 109 УПК). Поскольку проверка регламентируется нормами закона, то вполне очевиден ее правовой характер. Не отождествляя проверку и следствие, следует лишь подчеркнуть их общую правовую основу и то, что следствие является процессуальным действием, как и проверка. Изложенный анализ приводит к выводу о том, что в стадии возбуждения уголовного дела определенным образом осуществляется функция решения. Гарантией законности и обоснованности принимаемых решений является прокурорский надзор (ст. 116 УПК). Для этого прокурор наделен широкими полномочиями, позволяющими ему отменить постановление следователя или органа дознания и отказать в возбуждении уголовного дела либо прекратить дело, если по нему были произведены следственные действия.

В случае неосновательности отказа в возбуждении дела прокурор постановлением отменяет вынесенное об этом постановление следователя или органа дознания и возбуждает дело. Следовательно, прокурор не только

⁷ Выдра М. М. Предварительное расследование и круг его участников.— В кн.: Участники предварительного расследования. Волгоград, 1972, с. 16—17.

следит за правильностью принимаемых решений, но и наделен правом отмены постановлений в случае их необоснованности или незаконности. Без согласия прокурора недопустим отказ в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ст. ст. 6—10 УПК). Таким образом, исследование полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела позволяет обнаружить еще одну функцию в его деятельности — функцию решения по заявлениям и сообщениям о готовящихся или совершенных преступлениях. Предметом названной функции для всех субъектов, ее осуществляющих непосредственно, по нашему мнению, является выявление путем процессуальных средств наличия или отсутствия признаков состава преступления, а также обстоятельств, исключающих производство по делу.

У прокурора как субъекта функции решения имеются отличительные особенности и в предмете его деятельности. Они связаны с тем, что прокурор осуществляет процессуальное руководство в данной стадии процесса. Поэтому деятельность прокурора при реализации функции решения всегда направлена на выяснение достаточности доказательств, подтверждающих основания принятого решения, а также на установление его обоснованности и законности.

Высказанные соображения преследуют цель усиления прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела, улучшения правовой регламентации деятельности прокурора в свете новых положений Конституции СССР, Закона «О Прокуратуре СССР» и решений XXVI съезда КПСС, отражающих линию Коммунистической партии на дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЧНОЙ СТАВКИ НА СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

В. С. МАКСИМОВ

В последнее время проблемам судебного следствия в юридической литературе уделяется большое внимание. Вместе с тем многие вопросы производства очной ставки в суде разработаны недостаточно¹. Изучение судебной практики показывает, что распространенность ошибок, допущенных при проведении этого судебного действия, до сих пор значительна. Поэтому представляется, что тщательное исследование тактических и психологических особенностей очной ставки на судебном следствии принесет несомненную пользу практике.

Ст. 162 УПК РСФСР и соответствующие статьи большинства союзных республик, как известно, представляют следователю право провести очную ставку при наличии в показаниях двух лиц существенных противоречий. Ст. 172 УПК УССР и ст. 152 УПК Казахской ССР не требуют, чтобы противоречия в показаниях были «существенными».

¹ Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М., 1964; Он же. Тактика и этика судебного допроса. М., 1969; Чеджемов Т. Б. Психологические особенности судебного следствия. М., 1970; Дулов А. В. Судебная психология (раздел 5-й). Минск, 1970; Сухов С. П. Тактические особенности судебного следствия. Дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972; Агеева Г. Н. Судебное разбирательство в советском уголовном процессе. М., 1960.

Этой проблеме уделили внимание только А. В. Соловьев в соавторстве с С. Пешехоновой и В. П. Воробьевым; Пешехонова С., Соловьев А. Процессуальная природа и правовая регламентация очной ставки в суде.— Советская юстиция. 1967, № 12; Соловьев А. В., Воробьев В. П. О тактике судебного допроса.— Вопросы борьбы с преступностью, М., вып. 16, 1972, а также Чеджемов Т. Б. в своей работе «Судебное следствие». М., 1979.

Анализ судебной практики показывает, что судьи в качестве основания для проведения очной ставки учитывают наличие противоречий (в широком смысле) в показаниях допрашиваемых лиц, вне зависимости от их существенности. Мы поддерживаем сложившееся положение практики в этом вопросе, так как принципы полноты, всесторонности и объективности судебного разбирательства требуют исследования на очной ставке, как правило, всех противоречий. Да и само понятие «существенные противоречия» не является однозначным: различная оценка доказательств участниками процесса приводит к тому, что для одних участников процесса отдельные противоречия будут представляться существенными, для других — несущественными. Одной из задач очной ставки на судебном следствии, далее, является уточнение, детализация, сопоставление фактов, ранее уже обсуждавшихся в суде, если между ними имеются какие-то противоречия.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что предмет очной ставки в суде шире, чем на предварительном следствии.

Если на предварительном следствии количество лиц — участников очной ставки, в показаниях которых устраняются противоречия, законом ограничено (как правило, двумя участниками), то судебная практика идет по пути неограниченного их количества.

Анализ судебной практики показывает, что очные ставки на судебном следствии проводят судьи, обвинитель и защитник. Подсудимый, потерпевший, а также гражданский истец, гражданский ответчик и их представители имеют право заявлять ходатайство о производстве этого действия и при определенных условиях также могут быть его участниками. Однако окончательное решение этого вопроса и руководство очной ставкой принадлежит суду.

Законодательство Эстонской ССР и некоторых других республик (ст. 243 УПК Эстонской ССР) содержит указание о возможности проведения очной ставки на судебном следствии между свидетелями. Однако свидетели не являются участниками процесса, не принимают участия в исследовании доказательств; право задавать вопросы другим лицам для свидетелей законом не предусмотрено (ст. 73 УПК РСФСР и соответствующие

статьи УПК других союзных республик). Но если свидетели не будут иметь возможности задавать вопросы друг другу, очная ставка может не достигнуть цели и вряд ли будет эффективна. По нашему мнению, в этих случаях председательствующему необходимо выяснить у свидетеля вопросы к другому участнику очной ставки (или к другим участникам) и от своего имени задавать их.

Участником очной ставки не может быть эксперт, так как формирование его выводов и показаний свидетелей, а также других участников процесса, различны по своей природе и в этом плане несравнимы. Эксперт лично никакого отношения к событию преступления не имеет и свое заключение дает на основании специальных познаний и материалов дела. Другим же участникам процесса чаще всего по делу что-либо известно.

Вышеизложенное позволяет определить очную ставку на судебном следствии как **судебное действие, состоящее в одновременном допросе двух (или более) ранее допрошенных лиц (подсудимых, потерпевших, свидетелей) по поводу одного и того же известного им обстоятельства, имеющее своей задачей устранить противоречия в их показаниях с целью установления истины.**

Это судебное действие проводится либо по инициативе суда, либо по ходатайству какого-либо из участников процесса².

Итак, существенное отличие очной ставки в суде от этого же действия на предварительном следствии заключается в том, что, во-первых, она может проводиться при наличии в показаниях **любого** противоречия, имеющего значение для дела; во-вторых, круг лиц, одновременно участвующих в производстве очной ставки, на судебном следствии практически не ограничен; в-третьих, предмет этого процессуального действия в су-

² Небезынтересно заметить в этой связи, что уголовно-процессуальное законодательство большинства зарубежных социалистических государств также регламентирует проведение очной ставки на судебном следствии. Более того, законодательство некоторых государств, например Народной Республики Болгарии, предусматривает проведение как перекрестного допроса, так и очной ставки, подчеркивая тем самым самостоятельность этих действий (ст. ст. 43—44, 47, 57 УПК НРБ).

де значительно шире, чем на предварительном следствии.

На суде, чаще чем на предварительном следствии, приходится сталкиваться с противоречивыми показаниями. Причин, по которым изменяются показания участниками процесса, разумеется, много. Это и стремление подсудимого избежать ответственности или смягчить ее, а иногда смягчить ответственность соучастников или, наоборот, изобличить их. В стадии судебного разбирательства свидетели нередко дают показания, которые противоречат результатам допроса на предварительном следствии.

Представляется, что если при производстве очной ставки инициатива принадлежит обвинителю, то он и должен проводить ее, формулировать вопросы и выяснять противоречия со своих позиций. Аналогичное положение должно распространяться и на защитника, когда он ходатайствует о проведении очной ставки. Если же в ходе очной ставки, проводимой прокурором или защитником, председательствующий начнет задавать свои вопросы, то он невольно нарушит их тактический замысел, а это скажется на установлении истины.

Очная ставка проводится не на первоначальном этапе судебного следствия. Поэтому инициаторы ее нередко утомлены, особенно по сложным групповым делам, внимание их рассеяно. Отсюда возникает необходимость в дополнительной психологической подготовке: сделать перерыв в судебном заседании, собраться, спланировать вопросы и т. п. В ходе подготовки к очной ставке необходимо продумать пути установления психологического контакта с ее участниками.

Условия, в которых исследуются доказательства в судебном заседании, отличаются от условий предварительного следствия. Наличие специфических особенностей (устность, гласность, одновременность и др.) обуславливает необходимость разработки тактических приемов проведения очной ставки на судебном следствии. Тактика очной ставки, как и другого судебного действия, состоит из совокупности методов и приемов получения правдивых показаний от ее участников. Представляется, что к тактическим приемам, применяемым на очной ставке, можно отнести: сопоставление, предъявление наглядных пособий и вещественных доказательств, де-

тализация, оглашение ранее данных показаний, воспроизведение звукозаписи, видеозаписи и другие.

При применении тактического приема **сопоставления** решается двуединая задача: с одной стороны, участники очной ставки, сопоставляя сказанное друг другу, вынуждены будут детализировать и уточнять свои показания, с другой — сопоставление информации, полученной от подсудимого и других участников, поможет судье, обвинителю, либо защитнику уяснить причину противоречия в показаниях.

В судебной практике редко используются в ходе очной ставки элементы **наглядности**, способные ассоциировать представления о спорном факте по сходству и по контрасту. Цель очной ставки будет достигнута значительно быстрее, если суд или участники судебного разбирательства применят наглядные пособия (макеты, схемы, планы, иллюстрации, фотоснимки, диафильмы, кинофильмы). Предъявление вещественных доказательств, документов, наглядных пособий дает возможность подсудимому вспомнить больше обстоятельств, связанных с исследованием тех или иных противоречий, острее и глубже их пережить. Вследствие психологического явления диссонанса у подсудимого появляется потребность покончить с неустойчивым положением и возникает большее желание к даче правдивых показаний.

Этот тактический прием носит ситуативный характер. При некоторых обстоятельствах предъявление вещественных доказательств эффективно именно в ходе очной ставки, так как суд ставит задачу сконцентрировать улики и усилить эмоциональное воздействие на подсудимого. В то же время необходимо отметить, что при других ситуациях может оказаться целесообразным предъявление вещественных доказательств, документов на основном допросе.

Детализация показаний на очной ставке достигается путем постановки дополнительных, уточняющих, контрольных вопросов. Следует подчеркнуть одну из особенностей очной ставки на судебном следствии: право постановки названных видов вопросов имеют все участники процесса. Это составляет тактическую основу устранения противоречий. Максимальная детализация показаний подсудимого на очной ставке затрудняет дачу

ложной информации и позволяет оперативно проверить показания ее участников.

Статьи 281 п. 1 и 286 п. 1 УПК РСФСР регламентируют **оглашение показаний** подсудимого и свидетеля, а также **воспроизведение звукозаписи** их допросов при наличии существенных противоречий между показаниями, данными на предварительном следствии и на суде. Судебная практика идет дальше и допускает оглашение показаний названных участников процесса при наличии противоречий, без учета их существенности, об этом мы писали ранее. Кроме того, судьи по некоторым делам, особенно сложным, когда судебное следствие идет длительное время, допускают оглашение протокола судебного заседания в той части, где зафиксирован допрос подсудимого, если он в последующем дает противоречивые показания. Представляется, судебная практика стоит на правильном пути. Следовало бы изменить п. 1 ст. 281 и п. 1 ст. 286 УПК РСФСР (и соответствующие статьи других союзных республик), исключив термин «существенные» и добавить положение о том, что оглашение допроса подсудимого и свидетеля и воспроизведение звукозаписи их показаний возможно в случае дачи им противоречивых показаний в ходе судебного следствия.

Оглашение показаний и последующее воспроизведение звукозаписи их является эффективным тактическим приемом и нередко используется на очной ставке. При этом преследуется цель изобличения недобросовестного подсудимого, неоднократно менявшего свои показания и пытающегося показать, что на него было оказано незаконное давление со стороны тех или иных лиц.

Если в ходе судебного следствия сложилась такая ситуация, когда имеются противоречивые показания нескольких лиц по одному и тому же обстоятельству, то тактически правильной будет постановка первого вопроса тому, кто, по мнению задающего вопрос, обоснованно изобличает недобросовестное лицо. И лишь после того, как на очной ставке дадут показания первый, второй и другие добросовестные участники процесса (показания которых подтверждаются материалами судебного следствия), необходимо этот же вопрос поставить и изобличаемому лицу. Если суд и стороны затрудняются определить, кто из участников очной ставки дает правдивую

информацию, то вопрос необходимо задавать первому тому, кто подтверждает исследуемый факт.

При таком подходе к исследованию противоречивого факта подсудимый проанализирует все аргументы, высказанные другими участниками очной ставки, отреагирует на убеждение, советы и другие виды воздействия. Публичность очной ставки, поступление изобличающей информации не от одного, а сразу от нескольких ее участников, состояние конформности порождает у изобличаемого лица изменение поведения, взглядов и установок по отношению к конкретному исследуемому обстоятельству и приводит его к даче правдивых показаний.

По данным исследований, проведенных А. Р. Ратиновым, установлено, что 60% лиц изменяют показания или дают ложные в судебной стадии. Среди них преобладают свидетели-очевидцы и потерпевшие (соответственно 50% и 32% от общего числа измененных показаний)³.

Это обстоятельство приводит к выводу о необходимости разработки методических и тактических рекомендаций проведения очных ставок между свидетелями, а также с участием потерпевших для устранения противоречий в показаниях и изобличения лжесвидетелей.

Очная ставка проходит в условиях гласного судопроизводства, когда свидетель дает показания не только в присутствии подсудимых, потерпевших, других свидетелей, но и перед большой аудиторией, где могут находиться знакомые, близкие, сослуживцы. Данные условия, в зависимости от личностных качеств участников этого судебного действия, могут повлиять на них как положительно, так и отрицательно. Кроме того, исследование показаний свидетеля на очной ставке в этой стадии производится совершенно новыми, неизвестными ему методами и в более интенсивной форме.

Свидетеля, как впрочем и потерпевшего, на очной ставке допрашивают несколько лиц, занимающих в процессе различные позиции и имеющие противоположные задачи. Психологическая нагрузка на свидетеля увеличивается и за счет того, что очная ставка в стадии судебного следствия по времени отстоит дальше от события преступления, чем на предварительном следствии.

³ Ратинов А. Р. Лжесвидетельство и борьба с ним.— Социалистическая законность, 1974, № 5, с. 31, 33.

Тактика очной ставки между свидетелями зависит от отношения их к событию преступления, от личности подсудимого, от морально-волевых качеств ее участников, от характера противоречий (добросовестное заблуждение, умышленная ложь и так далее), от отношений между участниками очной ставки (приятельские, враждебные, служебные, зависимые и т. п.), от отношения ее участников к нравственным нормам социалистического общежития и т. д.

При ситуации, когда противоречия вызваны неблагоприятными условиями формирования показаний свидетеля, для воспроизведения истинных обстоятельств того или иного факта ему необходима информация извне. Такую информацию лучше всего получить на очной ставке от другого участника, истинность показаний которого подтверждается ходом судебного разбирательства.

При правильном ведении судебного следствия атмосфера суда благоприятно сказывается на воспоминании забытых фактов, уточнении конкретных обстоятельств. Здесь все участники процесса собираются вместе, и порой достаточно свидетелю на очной ставке произнести те или иные слова, сделать какой-то жест, как в памяти другого участника восстанавливаются определенные обстоятельства совершенного преступления.

Проведение очной ставки с участием лжесвидетеля имеет свои тактические особенности. В этой ситуации весьма важно знать причину лжесвидетельства. Практика показывает, что чем дольше на предварительном следствии не допрашивали свидетеля, тем значительней у него уменьшается острота переживаний, вызванных преступлением, уступая место сочувствию обвиняемому⁴. К тому же в это время заинтересованные лица оказывают на свидетеля различные формы давления. Так появляется лжесвидетель. Суд должен знать, не причастен ли он к преступлению, не был ли знаком с подсудимым. Поэтому другим участником очной ставки должен быть такой свидетель, который помог бы выяснить причину лжесвидетельства, доказав, например, заинтересованность в деле лжесвидетеля, или что он подвергался уговорам либо угрозам, боится мести и т. п.

⁴ Ратинов А. Р., Адамов Ю. П., Волков В. В. Правовая культура и борьба с лжесвидетельством.— Сб. Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974, с. 140.

При этом положении председательствующий прежде всего должен так построить свои отношения с изобличающим участником, чтобы он чувствовал себя причастным к важной и ответственной работе по борьбе с преступностью, помощником суда.

В ходе очной ставки надо дать возможность ее участникам задать вопросы друг другу, допустить реплики. Только в живой полемике, при детализации и сопоставлении показаний ее участников, можно добиться эффективности этого действия и установить истину.

Разоблачение лжесвидетеля — дело не простое. Памятуя об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, он будет упорствовать и для изобличения его потребуются, по нашему мнению, обострение конфликтной ситуации, отделение его от других участников процесса. Для этого необходимы такие тактические приемы, как серия очных ставок, детализация показаний, сопоставление их, предъявление документов, оглашение первоначальных показаний лжесвидетеля, данных им на предварительном следствии, и других. Изобличение лжесвидетеля на очной ставке надо начинать по второстепенным вопросам, к защите которых он менее подготовлен. Устранение противоречий по этим вопросам может поколебать позиции лжесвидетеля и послужить основанием к устранению и других противоречий.

СЛЕДСТВЕННЫЙ ОСМОТР И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ В ТАКТИКЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В. И. ЧЕРКАШИН

Одной из главных задач тактики следствия является разработка наиболее эффективных, основанных на строгом соблюдении норм социалистической законности, приемов и средств проведения отдельных следственных действий. Этой же задаче подчинена, в частности, и тактика следственного осмотра и предварительного исследования документов.

Для успешного выполнения отмеченной задачи при работе следователя с документами — вещественными доказательствами необходимо не только точное соответствие его действий нормам уголовно-процессуального законодательства, но и правильное понимание следователем сущности, целей и задач следственного осмотра и предварительного исследования документов и их соотношения.

Необходимо заметить, что вопросы следственного осмотра как следственного действия вообще, а также осмотра и экспертизы документов — в частности в настоящее время широко и разносторонне освещены во многих работах советских и зарубежных ученых-криминалистов. Тем не менее вопрос о понятии осмотра документов как следственного действия и соотношение его с понятием «предварительное исследование документов», не получил достаточного освещения в криминалистической литературе.

Анализ уголовно-процессуального законодательства и практики осмотра документов следователем при проведении отдельных следственных действий позволяет выделить основные признаки, составляющие содержание понятия следственного осмотра документов как следственного действия:

1. Осмотр документов следователем производится на основании и с соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства.

2. Обнаруженные признаки и особенности, имеющие значение для установления истины по делу, должны быть восприняты непосредственным (личным) наблюдением следователя.

3. Осмотр документов производится с широким использованием научно-технических средств и методов криминалистической техники.

4. В процессе осмотра следователь тщательно и всесторонне изучает как форму, так и содержание документов.

5. При изучении содержания отдельных реквизитов документов применяются разнообразные приемы логического анализа.

Указанные признаки дают основание определить следственный осмотр документов как следственное действие, производимое на основании и с соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства, при участии указанных в законе лиц и заключающееся в непосредственном восприятии, изучении и оценке с помощью необходимых научно-технических средств, методов, а также приемов логического анализа признаков и особенностей в осматриваемых документах, имеющих значение доказательств для установления истины по делу.

Наряду с осмотром документов как следственным действием существует и другая форма изучения следователем документов. Авторы, исследовавшие проблему следственного осмотра, называют такую форму практической деятельности следователя «предварительное исследование документов»¹.

Действительно, обнаружение, фиксация и оценка признаков и особенностей в документах, выявленных в процессе предварительного исследования, предполагает использование следователем определенных методов и средств, носящих элементы научного исследования.

¹ Власов В. П. Следственный осмотр и предварительное исследование документов. М., 1961; Селиванов Н. А. Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений.— Вопросы борьбы с преступностью. М., вып. 7, с. 118.

Предварительное исследование документов следователем весьма широко используется в процессе расследования. В этой связи необходимо сказать, что следственный осмотр и предварительное исследование документов понятия не равнозначные. В процессе осмотра документов следователь путем обычного восприятия устанавливает признаки и особенности в осматриваемых документах, сопоставляет их с другими данными и доказательствами по делу. В процессе же предварительного исследования документов следователь обнаруживает, фиксирует и анализирует данные, подчас незаметные при обычном наблюдении, и, таким образом, устанавливает признаки и особенности в документах, имеющие значение для дела. Следовательно, предварительное исследование—более сложная по сравнению с осмотром форма изучения документов.

Предварительное исследование применительно к рассматриваемому вопросу означает изучение следователем документов до назначения криминалистической экспертизы. В этой связи встает вопрос о допустимости применения следователем специальных знаний в области криминалистической техники для осмотра и предварительного (доэкспертного) исследования документов — вещественных доказательств. Проблема эта не является новой и была поставлена еще профессором И. Я. Фойницким в «Курсе уголовного судопроизводства» 1899 года². Однако до настоящего времени этот вопрос не получил еще своего окончательного разрешения и не рассмотрен в криминалистической и процессуальной литературе.

Изучение следователем документов — вещественных доказательств в ходе осмотра либо после него (предварительное исследование), разумеется, никакого доказательственного значения не имеет, поскольку выводы следователя не могут служить источниками доказательств. В то же время квалифицированное следственное исследование документов позволяет в самом начале расследования получить ценные фактические данные для правильного построения версий о лицах, совершивших подлог, целеустремленно провести допрос этих лиц, а

² См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства, СПб., изд. 2-е, т. II, 1899, с. 332—334.

также решить вопрос о роли названных документов в осуществлении преступных замыслов. Оно может иметь важное значение также для оперативно-розыскной работы и составления плана расследования, помогает решить вопрос о способах подделки документов и использованных при этом технических средствах. Основная же цель предварительного исследования документов заключается в том, что нередко фактические данные, полученные при этом, позволяют следователю наиболее правильно поставить задачу эксперту и сформулировать необходимый комплекс вопросов.

В отличие от осмотра, предварительное исследование понимается как личное изучение следователем документов без участия указанных в законе лиц и без составления об этом процессуального документа. Поэтому мы полагаем, что главное различие осмотра и предварительного исследования документов заключается в их процессуальной природе, а также целевом назначении в процессе расследования.

Некоторые криминалисты считают, что при осмотре следователь ограничивается изучением документов невооруженным глазом либо применяет при этом простейшие технические средства, а более сложные средства и методы могут использоваться лишь в процессе предварительного (следственного) или экспертного исследования документов³. Такая позиция не заслуживает поддержки, поскольку криминалистическая техника едина для следователя и эксперта. Поэтому как при осмотре, так и при предварительном исследовании документов могут применяться все научно-технические средства, входящие в комплект технического оснащения следователя либо имеющиеся в кабинете прокурора-криминалиста и предназначенные для работы с документами. При этом мы исключаем возможность использования таких средств и методов, которые ведут к утрате документами своих первоначальных качеств, иными словами — ведут к порче вещественных доказательств.

³ О. М. Гловов считает, что криминалистическая техника не может быть единой для следователя и эксперта. См.: Гловов О. М. О соотношении следственной и экспертной техники в современных условиях. — Вопросы современного развития советской юридической науки. (Материалы научной конференции). Изд-во ЛГУ, 1968, с. 126—127.

Ряд криминалистов полагают, что в процессе следственного осмотра и предварительного исследования документов нужно в какой-то мере предрешишь результаты будущего экспертного исследования⁴. Ошибочность отмеченной концепции очевидна. На самом деле, где гарантия того, что следователь при изучении документов даст исчерпывающую оценку идентификационных признаков, содержащихся в осматриваемом тексте или подписи, выявит все признаки подделки и т. д.? Попытки предвосхитить результаты экспертного исследования могут на практике привести к тому, что важные для дела обстоятельства, которые можно было бы установить экспертным путем, останутся нерешенными. Полагаем поэтому, что полные и достоверные результаты исследования могут определиться лишь в процессе самой экспертизы.

Таковы понятия и основные черты соотношения осмотра и предварительного исследования документов в тактике следственных действий.

⁴ Так, например, Р. Алимова предлагает следователю определить: «Может ли экспертиза дать какие-либо результаты по имеющимся признакам, содержащимся в документе?» См.: Алимова Р. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1963, с. 22; В. П. Власов считает, что следователь до назначения экспертизы сможет ответить на поставленные ей вопросы. Власов В. П. Подготовка материалов для графической экспертизы. М., 1954, с. 16; Эту позицию разделяет Ф. Тарханова. Осмотр документов — важный этап подготовки материалов на экспертизу. Сборник научных статей. Ташкент, 1959, вып. 2, с. 104.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, И МЕТОДИКЕ ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Н. Т. ВЕДЕРНИКОВ

Активное изучение вопросов эффективности правового регулирования является одной из характерных черт научных исследований в юридической науке последних лет¹. При этом преследуется цель изыскания новых путей усиления воздействия права на общественные отношения с тем, чтобы наилучшим образом использовать его потенциальные возможности по развитию политической организации общества, улучшенного его управления. Это один из путей, которым ученые-правоведы вносят свой вклад в выполнение задачи повышения эффективности функционирования нашего государственного механизма.

Исследование вопросов эффективности правового регулирования способствует раскрытию «внутренних резервов» права, его потенциальных возможностей по совершенствованию деятельности органов управления обществом. Эти исследования направлены на решение задачи повышения эффективности и качества работы всех составных частей нашего государственного механизма, выдвинутой в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии².

¹ Следует отметить, что в последнее время исследование вопросов эффективности права приняло характер не отдельных статей, а перешло в специальные монографии. Среди них: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М.: Наука, 1979; Петрухин И. Л., Батунов Г. П., Моршак Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979; Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980.

² Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — Правда, 1981, 24 февр., с. 5.

Повышение эффективности правового регулирования — одна из актуальных задач современной правовой науки, в решении которой остро заинтересована практика. Это прямо вытекает из решений XXVI съезда КПСС, в которых отмечается высокая роль и большая ответственность правоприменительных органов в укреплении социалистической законности и правопорядка. При этом подчеркивается, что «советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание»³.

Представляется, что задача повышения эффективности деятельности органов расследования может быть решена двумя путями: повышением эффективности самого права и повышением эффективности правоприменительной деятельности. Повышение эффективности расследования преступлений означает повышение эффективности деятельности органов расследования, в процессе которой они реализуют те или иные правовые нормы, т. е. осуществляют правоприменительную деятельность. Поскольку до последнего времени основные понятия теории эффективности правового регулирования, в том числе понятия эффективности права и эффективности его применения, остаются дискуссионными, необходимо на них остановиться, ибо известно, что кто «берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы»⁴. Уяснив исходные понятия, можно будет предпринять попытку разработать методику определения эффективности применительно как к деятельности органов расследования в целом, так и относительно отдельных следственных действий.

Прежде всего следует отметить, что в настоящее время является весьма утвердившимся представление о том, что эффективность применения права есть самостоятельное явление, отличное от эффективности самого права. Однако при всем том это отличие является не абсолютным, так как применяться может лишь уже имеющееся право, т. е. право, выраженное в определен-

³ Там же, с. 7.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

ной форме. Иными словами, эффективность права есть залог его эффективного применения, и поэтому эффективность права рассматривается как одна из составляющих эффективности его применения⁵.

Эффективность применения уголовно-процессуального закона определяется как степень действительного достижения поставленной перед ним цели⁶, т. е. как реально достигнутые результаты деятельности определенных органов (лиц) по достижению поставленной в законе (норме) цели. Из сказанного следует, что для установления эффективности применения закона необходимо уяснить два момента: в чем проявляется применение закона и какова та цель, которая должна быть достигнута при этом.

В качестве общего правила принято считать, что всякая правовая норма живет тогда, когда она действует, исполняется, т. е. проявляет себя в деятельности людей (как в действиях, так и в воздержании от действий, запрещенных законом). Однако это общее правило не носит абсолютного характера для уголовно-процессуальных норм. При аналитическом рассмотрении характера деятельности по исполнению уголовно-процессуальных норм можно заметить, что в их числе имеются такие нормы, неприменение которых свидетельствует не об их неэффективности, а, напротив, указывает на высокую степень эффективности применения других норм или является результатом проявления, действия внеправовых факторов. Так, например, число обжалований приговоров говорит о хорошем уровне применения норм, регулирующих основания и порядок их вынесения, и совсем не является показателем низкой эффективности норм, предоставляющих право на обжалование. В то же

⁵ Так, Т. Г. Моршакова и И. Л. Петрухин предлагают понимать эффективность права как «долю вклада в достижение целей регулируемой им деятельности», заявляя при этом, что «реальная жизнь» правовой системы — это нечто отличное от правовых нормативов» и что «сами по себе эффективные нормы могут применяться неэффективно». (См.: Право и социология. М.: Наука. 1973, с. 270). Полностью солидаризуется с этим и Л. М. Ларин. См.: Эффективность применения уголовно-процессуального закона. — В кн.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М.: Наука, 1979, с. 177—178.

⁶ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М.: Наука, 1979, с. 213.

время это может свидетельствовать и о другом — о снижении активности адвокатов-защитников или о повышении уровня отправления правосудия судьями, т. е. о факторах, строго говоря, неправового характера.

Получается, таким образом, что достигаемый в процессе деятельности по применению права результат является следствием не только действия **нормы** права, но и суммы **внеправовых** факторов. Поэтому, чтобы установить эффективность применения нормы права, следует выяснять и исследовать воздействие на этот процесс ряда внеправовых факторов, оказывающих непосредственное влияние на него, плюс к той эффективности, которая заключена в самой правовой норме.

В самом общем виде действие внеправовых факторов складывается из деятельности тех субъектов, которые применяют норму права, и из той обстановки, в которой протекает эта деятельность. Применительно к установлению эффективности применения какой-либо конкретной правовой нормы (или института) это означает исследование и профессиональной подготовки кадров, и их опыта и мастерства, и их технической вооруженности, и условий их работы, и т. п.

Таким образом, установление подлинной эффективности применения уголовно-процессуальных норм возможно лишь на основе всестороннего анализа и оценки деятельности органов расследования и суда.

Весьма важным моментом в разработке методики и установлении эффективности применения закона является определение цели нормы, ибо по степени достижения цели нормы можно судить об эффективности ее применения.

Нельзя не заметить, что категория цели в праве исследуется в юридической литературе последних лет весьма интенсивно⁷. При этом выделяют общие цели всей деятельности и цели отдельных решений, юридические и материальные цели норм с выделением в числе

⁷ См.: Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972, с. 14; Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона. — В кн.: Эффективность применения уголовного закона. М.: Юридическая литература, 1973, с. 165—170. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976, с. 39—59 и др.

последних непосредственных, промежуточных и конечных целей, цели всей уголовно-процессуальной деятельности (перспективные и ближайшие). — Применительно к предварительному расследованию предлагается различать задачи и цели деятельности⁸. Следует согласиться с тем, что если расположить все цели уголовного судопроизводства по степени их общности, начиная от низших, непосредственных целей отдельных норм и кончая высшей, конечной целью всей уголовно-процессуальной деятельности, то получится своеобразное дерево целей⁹, весьма разветвленное у основания и резко сужающееся к вершине.

Цель нормы, как правило, не входит в содержание самой нормы, а выявляется путем ее телеологического (внутреннего) анализа.

Всякая процессуальная норма имеет свою непосредственную цель, но в то же время она в определенной мере «работает» на достижение широкой социальной цели, «заложенной» в конечной цели уголовного процесса. Т. е. все цели, определяющие уголовно-процессуальную деятельность, находятся в некоторой иерархической зависимости. Непосредственная цель правовой нормы достигается в результате конкретных действий, которые выражаются в виде конкретных результатов. Это и позволяет установить, обнаружить и подсчитать данные результаты путем применения различных методов социологического исследования и, таким образом, установить эффективность применения правовой нормы. Гораздо сложнее будет обстоять дело, если мы зададимся целью определить вклад конкретной нормы в достижение конечных целей уголовно-процессуальной деятельности, ибо на пути от действия результатов конкретной нормы до достижения конечных целей уголовного процесса неизбежно сказывается влияние различного рода посторонних факторов, которые затушевывают воздействие нормы.

В качестве вывода из приведенных рассуждений можно отметить, что применение закона проявляется в

⁸ Михайлов А. И. О задачах предварительного расследования в советском уголовном процессе. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, М., 1977, вып. 26, с. 93—95.

⁹ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности, с. 229.

деятельности, направленной на достижение цели, для которой принимался данный закон. Следовательно, определение эффективности действия нормы права требует установления действительных, реально полученных результатов практической деятельности по ее применению и соотношения их с запланированной целью нормы, т. е. требуется изучение судебной практики. Относительно значения изучения судебной практики при исследовании эффективности применения закона весьма точно отметил А. М. Яковлев. «Судебная практика,— пишет он,— это закон в жизни, закон в действии, это повседневная жизнь самого закона, и от характера судебной практики во многом зависит реальный социальный эффект закона»¹⁰.

С учетом сказанного, представляется возможным поставить вопрос и сформулировать некоторые положения о повышении эффективности расследования преступлений в зависимости от тех или иных слагаемых, влияющих на данный процесс и его результаты, например, в зависимости от степени изученности и использования в процессе расследования данных о личности обвиняемого.

Весьма сложным, если не невозможным представляется установление степени влияния данных о личности обвиняемого на достижение конечных целей уголовно-процессуальной деятельности, но в то же время установить долю их вклада в достижение целей конкретных норм и отдельных процессуальных институтов полагаем возможным. Поэтому преждевременным было бы ставить задачу установления в полном объеме эффективности правоприменительной деятельности органов следствия и суда в зависимости от изученности личности обвиняемого, но представляется достижимой более скромная задача — установить влияние данных о личности обвиняемого на эффективность применения некоторых норм, регулирующих производство отдельных следственных действий, избрав в первую очередь те из них, при производстве которых данные о личности играют существенную роль.

Цель такого исследования — найти пути повышения

¹⁰ См.: Демократические основы социалистического правосудия и охрана прав личности.— В кн.: Социализм и личность. М., 1979. с. 106.

эффективности применения соответствующих правовых норм, пути повышения эффективности производства следственных действий, повышения эффективности расследования преступлений в целом.

При этом могут быть высказаны суждения и об эффективности самих правовых норм, если будут выявлены моменты, свидетельствующие о несовершенстве этих правовых норм. По существу подобными исследованиями устанавливается обратная связь между социальной действительностью и правом, как регулятором общественных отношений, когда результаты действия права используются для его совершенствования. Располагая точной информацией об эффективности действующих правовых норм, мы повышаем научную обоснованность вносимых рекомендаций по совершенствованию законодательства»¹¹.

Эффективность права — это внутреннее свойство права. Во вне оно выражается в том, чтобы своими формулировками и словесным содержанием способствовать достижению заложенной в нем цели, когда она (цель) будет достигаться деятельностью по реализации предписаний права. Чем в норме права содержится больше предписанных условий, соблюдая которые, участники деятельности, реализующие данную норму, добиваются большего приближения к цели нормы, тем можно считать выше эффективность данной правовой нормы, т. е. эффективность права — это показатель степени его совершенства¹².

С учетом рассмотренных положений теории эффективности правового регулирования могут быть предложены следующие этапы изучения правоприменительной деятельности при расследовании преступлений, которые составят общую методику установления ее эффективности:

1. Изучение правовых норм, регулирующих произ-

¹¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М.: Юридическая литература, 1973, с. 265.

¹² Мысль о том, что эффективность правовой нормы заключается в ее способности «содействовать достижению желаемой цели», была высказана впервые М. Д. Шаргородским. (См.: Система наказаний и их эффективность. — Советское государство и право, 1968. № 11. с. 54).

водство расследования или проведение того или иного следственного действия.

2. Выявление целей данных правовых норм.

3. Изучение деятельности по их применению, т. е. собирание конкретных данных о применении соответствующих правовых норм.

4. Изучение личностных свойств субъектов правоприменительной деятельности, включая изучение личностных свойств субъектов, в отношении которых применяются данные правовые нормы.

5. Изучение условий работы субъектов правоприменительной деятельности.

Представляется, что, выделив названные «блоки» в правоприменительной деятельности, собрав конкретные данные об их функционировании, можно будет определить долю вклада каждого из них в достижение целей норм и, таким образом, установить эффективность применения тех или иных правовых норм.

В качестве «обратной связи», если в процессе изучения выявится недостаточная эффективность конкретных правовых норм, могут быть высказаны аргументированные соображения по совершенствованию этих норм, т. е. установление эффективности правоприменительной деятельности позволит, в случае необходимости, повысить эффективность самого закона.

Предложенная общая методика установления эффективности правоприменительной деятельности по расследованию преступлений может быть конкретизирована применительно к установлению эффективности производства отдельных следственных действий.

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Н. Т. ВЕДЕРНИКОВ, О. Н. ВЕДЕРНИКОВА

В силу ряда причин накануне Великой Октябрьской социалистической революции преступность в России дала рост и потому молодая Советская власть столкнулась с задачей усиления борьбы с этим отрицательным явлением. Необходимо было не только бороться с преступностью, но и изучить ее причины с тем, чтобы организовать профилактическую работу.

В первые же дни после революции Советами назначались комиссары домов заключения, которые изучали состояние дел и докладывали свои соображения по организации работы.

В мае 1918 г. образовался Карательный отдел Народного Комиссариата Юстиции, который своими циркулярами повел активную работу по улучшению деятельности мест заключения, организации трудового использования осужденных и изучения их личности. В периодической печати публиковались сведения о состоянии преступности, о работе создаваемых народных судов и революционных трибуналов.

Карательный отдел НКЮ своей задачей считал «перелом не только во всей системе управления местами заключения, но и в самой постановке отбытия наказания». Главным направлением в его работе с осужденными была «организация общественных работ заключенных, всех без исключения, кроме неспособных к труду» во всех видах мест заключения. При этом администрации мест лишения свободы предписывалось отдавать предпочтение в работе делу воспитания осужденных на основе изучения их характера и индивидуальных свойств. Становилось ясным, что необходимо изучение личности осужденных с целью распределения их по категориям и

проведения в последующем более целенаправленной работы по воспитанию. Надлежащая постановка воспитательной работы с осужденными, таким образом, выдвигала задачу организации изучения преступности и личности преступника.

В июле 1918 г. Наркомюст издает «Временную инструкцию о лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового»¹, в которой проводился принцип применения мер исправительного воздействия на заключенных соразмерно с характером преступления и индивидуальными качествами осужденного. Предусматривалось пять типов мест лишения свободы: общие места заключения (тюремь); реформатории и земледельческие колонии; испытательные заведения для лиц, в отношении которых имеются основания для ослабления режима или для досрочного освобождения; карательно-лечебные заведения для помещения заключенных с заметно выраженными психическими дефектами и тюремные больницы.

Во исполнение названной инструкции Карательный отдел Наркомюста в ноябре 1918 г. принимает инструкцию «Об организации распределительных комиссий»; в которой излагаются достаточно стройная система и методика изучения личности заключенных с целью отнесения их к той или иной категории и помещения в один из видов мест лишения свободы. Все лишенные свободы вначале помещаются в особое отделение при одном из мест заключения — распределитель, где производится «полное и всестороннее обследование личности и предшествующей жизни поступивших заключенных».

Член распределительной комиссии изучает личность заключенного «всеми доступными ему способами» и составляет подробную характеристику, на основании которой комиссия и принимает соответствующее решение.

Требование ознакомления с личностью заключенных в целях обеспечения наиболее правильного индивидуального подхода к ним содержалось и в «Положении об общих местах заключения»².

Проведение на должном уровне такой работы требовало по существу глубокого исследования личности

¹ СУ РСФСР, 1918, № 53, ст. 598.

² СУ РСФСР, 1921, № 23—24, с. 141.

осужденных, что и планировалось осуществлять в распределителях в течение месячного срока путем заполнения соответствующего анкетного листа на каждого осужденного.

Именно практика организации надлежащей работы по исправлению и перевоспитанию осужденных выступила в первую очередь тем побудительным стимулом, который привел к организации первых советских криминологических учреждений. Необходимо было изучать как преступность в целом, так и личность каждого совершившего преступление. Поэтому практики-пенитенциаристы высказывали мысль о необходимости организации научного изучения преступности и ее причин, личности заключенных.

Наглядный образец необходимости всестороннего изучения явления, выявления его причин и проведения профилактических мер дал В. И. Ленин в «Наказе от С. Т. О.» на примере изучения состояния борьбы с хищениями. Он писал:

«Наряду с учреждениями, видящими распространность этого зла и борющимися с ним, есть и такие, которые отвечают, что «во вверенном ведомстве, или учреждении, или предприятии хищений нет», «все обстоит благополучно».

Обязательны точные отчеты каждые два месяца. Сколько учреждений, заведений и проч. представляют сведения? Сколько нет?

Краткая сводка этих сведений.

Меры борьбы с хищениями.

Привлекаются ли к ответственности управляющие? Правления? Фабкомы? (за недостаточность борьбы с хищениями).

Производятся ли обыски? Применяются ли иные меры контроля и какие?

Сказывается ли на уменьшении хищений новый закон о товарообмене и предоставлении рабочим для этой цели части их продукта? Точные данные об этом.

Местные, т. е. находящиеся в данной местности, склады, как принадлежащие государству, так и принадлежащие органам местной власти. Краткие итоги отчетов о складах, с указанием времени предоставления каждого отчета.

Сведения местных властей о складах общегосударст-

венных. Приемы их охраны. Хищения. Число служащих на складах и т. д.». ³.

Непосредственным толчком к открытию первого в РСФСР учреждения криминологического характера послужило следующее событие. В 1923 году под руководством проф. М. Н. Гернета, по инициативе начальника административного отдела Моссовета, силами студентов факультета общественных профессий Московского университета было проведено анкетное обследование ⁴ заключенных всех арестных домов Москвы. Результатом этой работы явилось издание сборника «Преступный мир Москвы» ⁵. После этого обследования и возникла идея создания постоянного научного учреждения по изучению личности преступника. В 1923 году в Москве при административном отделе Моссовета был создан «Кабинет по изучению личности преступника и преступности» — первая советская научная лаборатория по изучению преступности.

В «Положении о Кабинете по изучению личности преступника и преступности» отмечалось, что он имеет своей задачей «всестороннее изучение личности правонарушителя, как с общебиологической, так и с социально-экономической точки зрения». Подчеркивалось, что биологическое исследование предполагает изучение антропологическое, психиатрическое, психологическое, биохимическое и т. д. Предполагалось массовое амбулаторное обследование преступников, стационарное изучение их в криминологической клинике и организация анкетных обследований в местах лишения Москвы.

Особый интерес представляет опыт клинического изучения заключенных. Было разработано «Положение о криминологической клинике при Кабинете по изучению личности преступника и преступности», в котором говорилось, что для клинического изучения личности пре-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 286—287.

⁴ Здесь будет уместным отметить, что впервые в России анкетный способ изучения преступности был использован в 1909 г. Студенты юридического факультета Московского университета под руководством проф. М. Н. Гернета изучили материалы судебных дел малолетних преступников, результатом чего было издание в 1912 году сборника «Дети — преступники».

⁵ Преступный мир Москвы.— Сб. под рук. М. Н. Гернета. Изд-во Мосздравотдела, 1925.

ступника Кабинету предоставляется Арбатский арестный дом, который и является помещением криминологической клиники при Кабинете. В криминологической клинике могло находиться одновременно не более 36 заключенных. Изучение находящихся в клинике лиц вели члены Кабинета по изучению личности преступника и преступности, но постоянное наблюдение за заключенными клиники вел особый персонал наблюдателей, назначенных Мосздравотделом.

Кабинет развернул активную научно-исследовательскую работу. Деятельность Кабинета постоянно освещалась в периодической печати тех лет, в журналах «Право и жизнь», «Административный вестник», «Пролетарский Суд», «Техника, экономика и право» и др.⁶ Кабинет по изучению личности преступника и преступности издал ряд сборников работ своих сотрудников под названием «Преступник и преступность»⁷.

Примерно в это же время подобные кабинеты возникли и в ряде других мест, в частности, в Одессе, Минске, Иркутске и на Соловках.

В целях координации всей работы по изучению преступности в стране и поднятия ее на надлежащий уровень 1 июня 1925 года при НКВД РСФСР был образован Государственный институт по изучению преступности и преступника с филиалами в Москве, Ленинграде, Саратове и Ростове-на-Дону. При этом действовавшие ранее Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности и криминологический кабинет при Ленинградском губсуде продолжали работу в качестве самостоятельных учреждений. Таким образом, в эти годы в стране действовала целая сеть криминологических учреждений, которые проводили довольно ак-

⁶ См.: Гернет М. Н. Первая русская лаборатория по изучению преступности.— *Право и жизнь*, 1924, № 2; Герцензон А. А. Московский кабинет изучения личности преступника.— *Пролетарский суд*, 1926, № 8—10; Звоничкая К. А. К вопросу об изучении преступности и преступника.— *Техника, экономика и право*, 1924, № 3; Штерман А. Я. Криминально-психологические кабинеты.— *Вестник советской юстиции*, 1924, № 17 и др.

⁷ См.: *Преступник и преступность*. Сб. статей сотрудников Московского кабинета по изучению личности преступника. М., 1926, М., 1927. Нельзя не отметить также сборник статей профессоров М. Н. Гернета, Е. К. Краснушкина и П. И. Люблинского «Изучение личности преступника в СССР и за границей». М., 1925.

тивную работу по изучению преступности и отдельных категорий преступников, результаты которой публиковали в различных журналах, сборниках и отдельных изданиях.

Государственный институт по изучению преступности и преступника ставил своей задачей широкое и всестороннее изучение преступности как социального явления. В ученый Совет института входили представители четырех ведомств: Народного Комиссариата Внутренних дел, юстиции, просвещения и здравоохранения. В составе института было организовано четыре секции: социально-экономическая, пенитенциарная, биопсихологическая и криминалистическая.

Социально-экономическая секция ставила перед собой задачу «выяснения причин и условий, вызывающих или благоприятствующих развитию преступности вообще и отдельных преступлений в частности». Судя по опубликованным работам сотрудников этой секции, исследования их шли главным образом по пути изучения отдельных категорий преступлений, имевших в то время наибольшую распространенность. Среди публикаций этой секции можно отметить такие тематические сборники, как «Убийство селькоров и рабкоров», «Хулиганство и хулиганствующие», «Растраты и растратчики», «Убийство и убийцы» и др.

Богатое поле деятельности было у пенитенциарной секции. Решение задач исправительно-трудовых учреждений требовало научной разработки вопросов исправительно-трудовой политики. Поэтому исследования этой секции шли преимущественно по пути изучения отдельных мер наказания, разработки системы и методов изучения личности заключенных и пенитенциарного воздействия на них, изучения влияния отдельных мер исправительно-трудового воздействия на заключенных. Характерными работами этой секции были: «Ссылка и высылка», «Проблема тюрем и вопросы преступности», «Лишение свободы в системе мер борьбы с несовершеннолетними правонарушителями» и др.⁸

⁸ Следует также отметить такие работы отдельных авторов: Гернет М. Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. М., 1924; Познышев С. В. Криминальная психология. (Преступные типы). М., 1926; Бехтерев Ю. Ю. Изучение личности заключенного. М.: Изд-во НКВД. 1928.

В биопсихологической секции занимались в основном изучением вопросов вменяемости и обследованием отдельных категорий преступников. Обследование проводилось в «Экспериментальном пенитенциарном отделении», которое имелось при институте на правах филиала исправительно-трудового учреждения и где содержались заключенные различных категорий, представляющие интерес для изучения.

Криминалистическая секция занималась вопросами использования при расследовании преступлений криминалистической техники и разработкой тактических приемов производства отдельных следственных действий.

При институте имелось также статистическое бюро, которое занималось как обработкой статистических данных моральной статистики, поступающих из различных ведомств, так и обрабатывало первичные материалы собственных исследований⁹.

Институт имел собственное периодическое издание — сборник «Проблемы преступности», в котором печатались труды его сотрудников. За семилетний период существования института вышло четыре таких сборника.

Таким образом, Государственный институт по изучению преступности и преступника стремился проводить всестороннее изучение преступности силами представителей различных наук. Шли активные поиски, высказывались новаторские соображения, направленные на выяснение причин преступности, исправление и перевоспитание преступников, на усиление борьбы с преступностью. Поэтому в основном деятельность Государственного института по изучению преступности и преступника и с позиций наших дней заслуживает положительной оценки. К этому надо добавить, что в 20-е и в начале 30-х годов довольно широко публиковались статистические сведения о состоянии преступности, проводился их анализ¹⁰.

⁹ Из работ этого направления можно указать: Гернет М. Н. Моральная статистика. М., 1922; Он же. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927 и др.

¹⁰ Современная преступность, вып. I, II. Сб. под ред. В. Д. Белобородова. Изд. НКВД, 1927, 1930; Герцензон А. А. Борьба с преступностью в РСФСР (по материалам обследования ЦКК—РКН), М., 1928; Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931.

Однако в силу того, что преобладающую роль в работе секций Института играли как наиболее подготовленные и авторитетные ученые-медики, как правило, врачи-психиатры, то вскоре в трудах, в первую очередь биопсихологической секции, появился крен в сторону изучения индивидуальных особенностей преступника. Это неизбежно привело к перенесению центра тяжести работы с изучения преступности как общественного явления на изучение преступника как индивидуального носителя преступности, к стремлению типизировать преступников по психофизиологическим и антропологическим признакам. Среди ученых-юристов также было немало приверженцев антропологической школы уголовного права. В то время среди врачей-психиатров была распространена расплывчатая концепция «психопатий», пользуясь которой, они везде видели патологию и стремились объяснить социальные формы поведения конституционными особенностями личности. В особенности это сказалось в трудах Московского и Ростовского кабинетов по изучению личности преступника и преступности¹¹.

В октябре 1928 года состоялось I Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей, на котором в числе других обсуждался и вопрос об изучении преступности и личности преступника. В своей резолюции совещание указало, что «это изучение в научных учреждениях СССР должно вестись лишь на основе методов диалектического материализма... отрицая как противоречащие основам революционного марксизма всяческие попытки объяснения самой личностью преступника явлений преступности»¹².

Вскоре после этого была ликвидирована биопсихологическая секция, а сам институт в 1932 году передан в ведение прокуратуры СССР и Народного Комиссариата юстиции РСФСР и получил название — Государственный институт по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики. Работа по изучению преступности и ее профилактике стала сворачиваться.

¹¹ См.: Сб. Душевнобольные правонарушители и принудительное лечение. М., 1926; Браиловский В. В. Опыт биосоциального исследования убийц. Ростов-на-Дону. 1929; Краснушкин Е. К. Что такое преступник. — Сб. Преступник и преступность. М., 1931.

¹² Итоги I-го Всесоюзного совещания пенитенциарных деятелей. — Административный вестник, 1928, № 12, с. 35.

К этому привели, главным образом, допускавшиеся методологически неверные выводы и биосоциологические извращения, что вело к возрождению неоломброзианства в советской уголовной правовой науке. Однако, оценивая деятельность первых советских криминологических учреждений в целом, необходимо отметить, что в ней имелись, бесспорно, положительные стороны. Так, они проводили систематическое изучение движения преступности как в целом, так и по отдельным категориям преступлений; исследовали эффективность применения отдельных видов наказания и мер исправления; разрабатывали методику изучения личности преступника; организовывали внедрение в практику достижений криминологии.

Прекращение в последующие годы криминологических исследований привело к тому, что почти не стали изучаться вопросы причин преступности и ее профилактики, личности преступника. Это задержало формирование науки криминологии, отразилось на качественном состоянии некоторых разделов науки уголовного права.

ЗАКОННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И РЯДА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

П. П. ТЕПЛЯКОВ, Е. И. КРУГЛОВ

Институт законных представителей по делам о преступлениях несовершеннолетних имеет глубокие корни в русском дореволюционном уголовном процессе.

Исследование вопроса об их правовом статусе в уголовном судопроизводстве представляет несомненный интерес, поскольку законодательство дореволюционной России отражает специфические аспекты борьбы общественных сил против гнета и произвола помещиков и капиталистов.

Вопросы защиты прав несовершеннолетних в историческом аспекте развития человечества неодинаково решались в эпоху феодализма и буржуазно-помещичьего государства, в зависимости от их классового или сословного положения.

В крепостнической России помещик мог разлучить родителей с детьми. Родители, являвшиеся естественными представителями своих несовершеннолетних детей, не имели никакой возможности бороться против произвола помещиков. Дети же дворян и других привилегированных сословий обладали известными правами. Законодательство устанавливало определенные правила защиты их интересов как родителями, так и специально назначенными лицами: опекунами, попечителями.

В России, при господстве обвинительного процесса, когда судебный поединок служил одним из средств разрешения судебных споров, несовершеннолетние принимали в нем участие через своих «наймитов», если не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы биться самим. Как известно, присяга в тот период являлась одним из видов доказательств как по уголовным, так и по гражданским делам.

данским делам. Точного разграничения между этими категориями дел не было.

В суде несовершеннолетние целовали «крест» (т. е. клялись говорить только правду) на одинаковых началах со взрослыми, но при этом была обязательна присяга их ближайших родственников, которые по обычаю являлись их «естественными представителями». Они тянули за несовершеннолетних жребий, признавались за них, «озабочивались» доставлением письменных доказательств, подписывали за них «мировые записи с неустойкою», отыскивали «наймитов» или сами выступали на «поле» (т. е. в поединке). При «повальном обыске» родители, родственники и опекуны исключались из числа опрашиваемых. Они брали после обыска несовершеннолетних к себе на поруки и платили за них «истцовую гибель» (т. е. возмещали причиненный ущерб) ¹.

При царе Алексее Михайловиче, по Соборному Уложению 1649 г., единый древнерусский обвинительный процесс разделился на два вида: «розыск» (процесс следственного типа) и суд (процесс обвинительного типа) ². При «розыске» малолетние и несовершеннолетние оказались в одинаковом процессуальном положении со взрослыми по делам о религиозных и государственных преступлениях. В порядке «суда» они могли участвовать только через своих представителей и приобрели при этом следующие, новые для них, права: а) как только возбуждался уголовный иск против «недоросля», несовершеннолетние подавали просьбу о том, чтобы вместо них были допущены к суду их старшие родственники, которые должны были быть не моложе 20 лет; б) «недоросли», не имевшие родных, могли испрашивать себе отсрочку, чтобы приискать себе родственников, которые бы за них отвечали ³.

После отмены в России крепостного права и проведения судебной реформы 1864 г. основным источником русского уголовного процесса стали судебные Уставы,

¹ Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций. М., 1899, с. 163—167, 221, 223.

² Тальберг Д. Г. Русский уголовный суд. Киев, 1889, т. I, с. 66—73.

³ Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций. М., 1899, с. 350, 384, 404.

принятые 20 ноября 1864 г., в основном — Устав уголовного судопроизводства (часть XVI тома Свода Законов Российской империи) ⁴.

Принятие этих уставов было большим событием, прогрессивным явлением в жизни царской России, поскольку они делали шаг на пути к переустройству судопроизводства и судоустройства на началах буржуазно-демократического порядка.

В состав Судебных Уставов входили: 1. Учреждение Судебных Установлений; 2. Устав гражданского судопроизводства; 3. Устав уголовного судопроизводства; 4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Редакторы уставов от 20 ноября 1864 г. признали основой процесса состязательное (обвинительное) начало. Эти Уставы вовсе не предусматривали участие законных представителей несовершеннолетних обвиняемых в уголовном судопроизводстве.

Однако жизнь выявила необходимость привлечения к участию в процессе по делам о преступлениях несовершеннолетних их родителей, либо лиц их заменяющих. Поэтому 22 ноября 1893 г. министерство юстиции царской России циркуляром запросило старших председателей и прокуроров судебных палат сообщить свое мнение о том, целесообразно ли в судебное разбирательство вызывать лиц, на обязанности которых лежит ограждать интересы малолетних обвиняемых ⁵.

Поступившие мнения от чинов судебного ведомства царской России по этому вопросу были различными. Подавляющее большинство практических работников органов юстиции было за то, чтобы привлечь законных представителей несовершеннолетних и малолетних обвиняемых к участию в уголовном судопроизводстве, причем со стадии возбуждения дела, наделить их определенными процессуальными правами, осуществление и реализация которых обеспечивались бы и определенными процессуальными гарантиями.

В целях оказания необходимой помощи и поддержки несовершеннолетним или малолетним обвиняемым, а

⁴ Викторский С. В. Русский уголовный процесс. М., 1911, с. 41.

⁵ Закон от 2 июня 1897 г. о малолетних и несовершеннолетних подсудимых. Спб. 1899. с. 58.

также помощи и содействия судам в исследовании обстоятельств о личности несовершеннолетних или малолетних и выяснения причин и мотивов совершаемых преступлений высказывались категорические суждения об обязательности участия законных представителей в судопроизводстве, назывался круг лиц, которые могли быть таковыми⁶.

На наш взгляд, это можно объяснить тем, что юристы и особенно прогрессивно настроенные для того времени медики пришли к единому мнению, что несовершеннолетние и малолетние обвиняемые в уголовном судопроизводстве чувствовали себя иначе, нежели взрослые, им было труднее защищаться самим от предъявляемого обвинения в силу психических особенностей своего возраста.

Ряд русских медиков того периода, работы которых были опубликованы несколько позднее, отмечали, что «ожидание суда влечет за собой появление у малолетних и несовершеннолетних страха перед ним и страха перед наказанием»⁷.

Более реакционная и консервативная часть руководящих работников органов царской юстиции выступила против привлечения законных представителей к участию в уголовном процессе, мотивируя тем, что подавляющее большинство из них неграмотны либо малограмотны, незнакомы с судебной процедурой. Трудности, сопряженные с их явкой в суд из отдаленных мест России, повлекут лишь затяжку в рассмотрении и разрешении дел. В условиях царской России того периода для рабочих и крестьян, в основном малограмотных, либо совсем неграмотных, эти соображения выглядели весьма убедительными. Социологические и криминалистические исследования, произведенные в царской России в 1910—1912 гг., показывают, что у 88,98% несовершеннолетних, осужденных ранее, родители принадлежали к бедному, трудовому классу и были в основном неграмотны или малограмотны⁸.

⁶ Закон от 2 июня 1897 г. о малолетних и несовершеннолетних подсудимых. Спб., 1899. с. 11—28.

⁷ Хорошко. Самоубийство детей. М., 1909, с. 21—23, 32—42, 70, 74; Проаль. Воспитание и самоубийство детей. Спб., 1908, с. 90, 157.

⁸ Дети-преступники. Сборник статей. Под ред. М. Н. Гернета. М., 1912, с. 545.

Однако при всей темноте и забитости значительной части населения царской России, этой тюрьмы народов, оставление без защиты, на произвол судьбы подростков, попавших в беду, вряд ли могло быть оправданным. Если бы царское правительство создало для законных представителей реальные условия, обеспечивающие их явку к следствию и суду (оплата проезда, денежное вознаграждение за время пребывания на следствии и в суде), то не могло бы быть и речи о задержке при рассмотрении и разрешении дел.

Необходимость внесения дополнений и изменений в Устав уголовного судопроизводства и в другие законы была настолько очевидной и нужной, что даже сам царский министр юстиции того времени граф Муравьев также присоединился к завязавшейся дискуссии и высказался за привлечение законных представителей к участию в уголовном судопроизводстве. Он внес в Правительствующий Сенат (Соединенные Департаменты Гражданских и Духовных Дел, Законов и Государственной Экономии) представление о внесении соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство.

В нем он назвал в качестве законных представителей несовершеннолетних и малолетних обвиняемых — родителей, опекунов и других лиц, у которых те находились на попечении до совершения преступлений. Он предложил их допускать к участию в уголовном судопроизводстве со стадии предварительного следствия. По его мнению, такое участие на предварительном следствии должно было выражаться в следующем: законные представители сообщают судебным следователям об условиях жизни и воспитания несовершеннолетних, либо малолетних; вместо взятия под стражу несовершеннолетние и малолетние в период производства предварительного следствия отдаются под надзор своих законных представителей. По окончании расследования дел и объявления об этом законным представителям, те в семидневный срок, с момента уведомления об этом, заявляют свои ходатайства о дополнении следствия. В случаях, если они проживают на территории округа суда, которому предстоит рассматривать дело о преступлении, за которое в качестве меры наказания не предусматривается тюремное заключение, они повесткой уведомляются

судом о дне предстоящего судебного разбирательства и им при этом разъясняется, что их явка не обязательна. Одновременно им вручается копия обвинительного акта, по получении которой они могут ходатайствовать о вызове в суд свидетелей или сведущих лиц, в него не включенных. Вместо себя законные представители могут посылать в суд своих представителей — присяжных поверенных.

В случаях, если несовершеннолетним в возрасте от 10 до 17 лет за совершение преступления может грозить в качестве меры наказания тюремное заключение, их законные представители должны вызываться в суд в обязательном порядке, если они проживают на его территории. Они также должны получать копию обвинительного акта и имеют право ходатайствовать перед судами о вызове нужных им свидетелей либо сведущих лиц, в него не включенных. Законных представителей, проживающих вне территории суда, в котором предполагалось рассматривать дело, уведомлять о дне судебного разбирательства по заключению царского министра юстиции не предусматривалось. Очевидно, это было продиктовано соображением — не допускать задержки в судебном разбирательстве дел при неявках законных представителей в суды. Министр прекрасно знал и понимал, что в тогдашних условиях царской России своевременная явка законных представителей к дню судебного разбирательства издавна сопряжена с такими большими трудностями, как слабое развитие сети транспорта, низкий уровень благосостояния трудового народа.

В своем заключении министр обошел молчанием такой момент, как быть судам, когда законные представители, не вызывавшиеся в суд и не получившие уведомления о дне предстоящего судебного разбирательства, сами, по собственной инициативе, являлись на разбирательство дел. Не ясно было и как поступать судам в случаях неявки законных представителей, когда их участие на разбирательстве было обязательным.

Получив заключение министра юстиции, Правительствующий Сенат 11 марта 1896 г. приступил к рассмотрению вопроса об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних и затем признал необходимым предварительно рассмотреть этот вопрос в особом совеща-

нии, образованном из членов Государственного Совета.

Особое совещание на своих заседаниях 18 марта, 14 октября, 1 ноября и 2 декабря рассмотрело вопрос о недостатках и несовершенствах форм судопроизводства по делам о несовершеннолетних и малолетних, высказало ряд своих соображений и предложило внести в действующее законодательство ряд изменений и дополнений. Рекомендации Особого совещания были рассмотрены 10 марта 1897 г. в Соединенных Департаментах Гражданских и Духовных дел, Законов и Государственной Экономии, которые также пришли к выводу о необходимости внесения соответствующих дополнений и изменений в действующее законодательство в целях допущения к участию в уголовном процессе законных представителей.

26 мая 1897 г. Государственный Совет в Общем собрании рассмотрел заключение Соединенных Департаментов Гражданских и Духовных дел, Законов и Государственной экономии от 10 марта 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости» и это заключение утвердил.

2 июня 1897 г. мнение Государственного Совета было утверждено Российским императором. Таким образом, заключение Соединенных Департаментов Гражданских и Духовных дел, Законов и Государственной Экономии от 10 марта 1897 г. превратилось в Закон и стало называться «Закон от 2 июня 1897 г. о малолетних и несовершеннолетних подсудимых».

Принятие этого Закона было осуществлено под воздействием революционных сил в развитии общественной жизни России XIX века и, несомненно, на наш взгляд, было прогрессом в русской правовой мысли и уголовно-процессуальном законодательстве того времени, шагом вперед, хотя и недостаточно последовательным.

Нам представляется, что этот закон имел и ряд существенных недостатков. Так, обязанность следователя и суда уведомлять законных представителей об окончании предварительного следствия, о дне судебного разбирательства, высылать копию обвинительного акта со списком вызываемых в суд лиц распространялась не на всех законных представителей, а только в отношении

тех, кто проживал на территории округа суда, в котором предстояло рассмотрение дела. Законные представители, проживающие вне округа суда, в котором предстояло рассмотреть дело, не имели возможности знакомиться с материалами предварительного следствия и заявлять соответствующие ходатайства. При явке в суд по своей инициативе и будучи допущенными к даче объяснений, они оказывались в неравном положении с теми законными представителями, которые проживали в округе суда, рассматривающего дело, и были знакомы с материалами следствия и обвинительным актом. В законе не разъяснялось, могли ли законные представители, проживающие вне территорий округа суда, в котором предстояло рассмотрение дела, направлять в суд вместо себя своего представителя — присяжного поверенного. Ничего не говорилось в законе об ответственности законных представителей за материальный ущерб, причиненный преступлениями их несовершеннолетних и малолетних подопечных. Ничего не говорилось о их праве на ознакомление с вынесенным по делу приговором и о реагировании на его обоснованность и справедливость.

С введением в действие этого нового закона в практике следственных и судебных органов возник ряд неясных моментов. Поэтому вскоре Правительствующий Сенат дал некоторые разъяснения по вопросам, возникшим в связи с применением Закона от 2 июня 1897 г. Суть этих разъяснений сводилась к следующему. Согласно ст. 643¹ Устава уголовного судопроизводства неявившиеся родители подлежат ответственности наравне с неявившимися свидетелями или принудительному приводу. За явку вознаграждаются как и свидетели. Если законные представители проживают вне округа суда, рассматривающего дело, и их не информировали об окончании предварительного следствия, а они об этом сами узнали, то и в этом случае они имеют право обращаться с ходатайствами о дополнении следствия. Родители не могут отказаться от осуществления ответственного надзора над несовершеннолетними и малолетними преступниками, так как Закон 1897 г. не требует на это их согласия, и, кроме того, этот закон ни в чем не изменил силы и действия ст. 173 и 263 ч. I т. X Свода законов, на основании которых родители и без возложе-

ния на них обязанностей по надзору должны обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и подопечных⁹.

Несмотря на свои отдельные недостатки, Закон от 2 июня 1897 г. представлял собой значительный шаг вперед в сравнении со многими современными ему иностранными законодательствами. Спустя только несколько лет после принятия в России названного закона в Австрии, Германии, Англии, США и др. странах стало приниматься законодательство, регламентирующее участие в уголовном судопроизводстве по делам о несовершеннолетних их законных представителей. С гордостью можно констатировать, что Россия по рассматриваемому вопросу оказалась впереди многих западноевропейских буржуазных государств.

В начале XX века в западноевропейских буржуазных государствах законодательство о законных представителях несовершеннолетних обвиняемых было далеко не одинаковым.

Так, в Австрии согласно циркулярам 1903 и 1905 гг. по делам о преступлениях несовершеннолетних в возрасте до 14 лет в суд необходимо было вызывать в качестве их законных представителей отца или опекуна. Если их местонахождение было неизвестно, или они жили крайне далеко, либо по обстоятельствам дела было видно, что эти лица не могут выступать как истинные защитники интересов несовершеннолетних, необходимо было извещать опекунский суд, чтобы тот назначил куратора из числа юридически грамотных лиц. В Австрийском уголовном процессе законные представители являлись активными лицами: представляли доказательства, оспаривали на следствии поданное заявление о совершенном преступлении, имели право кассационного и апелляционного обжалования приговоров. Их должны были извещать о всех стадиях процесса по делам о несовершеннолетних. Однако, если имелось обоснованное подозрение, что они замешаны в преступлениях своих подопечных, их лишали этих прав¹⁰.

В 1909 г. в Германии при передаче прокурором уча-

⁹ Закон от 2 июня 1897 г. о малолетних и несовершеннолетних подсудимых. Спб., 1899, с. 170—184.

¹⁰ Рубашова А. М. Особые суды для малолетних и система борьбы с детской преступностью. М., 1912, с. 295—296.

стковому судье дела о несовершеннолетнем обвиняемом подсудимому назначался помощник из числа законных представителей, родственников либо посторонних лиц. Чаще всего эти лица назначались в самом начале предварительного следствия либо по окончании его, но до начала судебного разбирательства. Назначались они специальным опекунским советом при судах. Таким помощникам сообщались время судебного заседания, обвинительный акт, а также приговор суда. Для подсудимых, не достигших возраста 16 лет, законные представители назначались как помощники, которые приносили в их интересах жалобы¹¹.

В марте 1907 г. во Франции прокурор Монье издал распоряжение, чтобы все детские дела разбирались исправительным судом в восьмой палате с вызовом родителей несовершеннолетних обвиняемых, которых суды должны были внимательно выслушать. 7 июня 1910 г. Сенату Франции был представлен законопроект Фердинанда Дрейфуса, подписанный Беранже, Рибо, Буржуа и Жираром. Согласно этому вступившему в действие законопроекту с родителей несовершеннолетних обвиняемых взыскивались судебные издержки¹².

В Англии 10 февраля 1908 г. в палату общин был внесен закон о детях (Children bill), который с мая 1908 г. стал представлять собой кодекс (Children act), или как его называли Children's Charter, касающийся несовершеннолетних. Согласно этому кодексу родители либо попечители малолетних должны были приглашаться в суд, если местожительство их было известно и оно было от него недалеко. Об этом же была должна заботиться и полиция, если она арестовывала несовершеннолетних. За малолетних в возрасте до 14 лет родители либо попечители обязаны были платить штраф или судебные издержки. Исключение составляли два случая: когда родителей не могли отыскать; когда родители были абсолютно невиновны в пренебрежении ребенком. В случаях неуплаты штрафа или судебных издержек родителей либо попечителей за это могли подвергнуть аресту. От названных лиц могли потребовать

¹¹ Тарасова Е. П. Детский суд за границей и в России. М., 1912, с. 57—58.

¹² Тарасова Е. П. Детский суд за границей и в России. М., 1912, с. 57.

гарантию, что они в будущем будут заботиться о примерном поведении своих детей¹³.

В США после подачи потерпевшими в суд жалоб о совершении несовершеннолетними преступлений родителям либо лицам, осуществляющим надзор за ними, посылались письменные вызовы о их явке в суд с несовершеннолетними, причем указывались день и время явки. Эти повестки о вызове должны были им вручаться не позднее, чем за 24 часа до указанного в них срока. В случаях неявки этих лиц против них издавался приказ о задержании. При судах были должностные попечители, а секретари отсутствовали. Дежурные попечители докладывали суду добытые ими сведения об образе жизни несовершеннолетних. Затем производился допрос свидетелей и потерпевших в присутствии попечителей, но при отсутствии несовершеннолетних подсудимых. По окончании допроса потерпевшие и свидетели удалялись, а судья оставался с родителями либо родственниками несовершеннолетних обвиняемых. Затем удалялись и они, после чего несовершеннолетних вводили к судье, и они оставались одни. Это делалось для того, чтобы устранив у них всякий страх перед своими родителями, которые порой учили их, что и как говорить судьям. Таким образом, можно констатировать, что в уголовном процессе США родители не могли оказать эффективной помощи своим несовершеннолетним детям. Судьи судов для юношества в США могли осудить родителей или иных лиц, склоняющих несовершеннолетних к преступлениям, либо небрежно относящихся к своим обязанностям по воспитанию несовершеннолетних, к штрафу, либо тюремному заключению сроком до одного года¹⁴.

Впоследствии законодательство стран Западной Европы, регулирующее участие законных представителей несовершеннолетних обвиняемых (подсудимых) в уголовном судопроизводстве, подверглось значительным и существенным изменениям.

¹³ Тарасова Е. П. Детский суд за границей и в России. М., 1912, с. 50—51; Люблинский П. И. Особые суды для юношества в Северной Америке. 1908. с. 37—41.

¹⁴ Рубашова А. М. Особые суды для малолетних и система борьбы с детской преступностью. М., 1912, с. 156—171; Люблинский П. И. Особые суды для юношества в Северной Америке. М., 1908. с. 11—26; Люблинский П. И. Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры. М., 1909, с. 10—40.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ (Нормативный аспект)

Э. П. АСТАШЕНКОВА, В. Г. АСТАШЕНКОВ

В современных условиях развитого социализма возрастает значение юридической профессии, а это предъявляет повышенные требования ко всем юристам, диктует необходимость углубления их идейно-политических и профессиональных знаний, усиления чувства их профессиональной ответственности¹. Внедрение этического учения в юридическую науку и практику правоохранительных и правоприменительных органов обуславливает магистральное направление в разработке профессиональной этики юриста. Методологическое значение марксистско-ленинской этики в уяснении нравственной ценности деятельности юристов в настоящее время не вызывает сомнения ни у философов, ни у юристов. В то же время глубина исследования, в частности, нормативных вопросов профессиональной этики юриста еще не получила в литературе должного освещения.

Рассмотрение моральных норм в профессиональной деятельности юристов должно опираться на марксистско-ленинскую теорию ценностей. Под моральными ценностями понимаются принципы поведения, соответствующие им поступки и отношения между людьми, которые отвечают потребностям общественного развития и соответственно потребностям социальных групп, классов, личностей².

Марксистско-ленинская теория ценностей выводится

¹ См.: Задачи дальнейшего развития советской юридической науки.— Правоведение, 1978. № 6, с. 7.

² См. подробно: Шишкин А. Ф. Шварцман К. А. XX век и моральные ценности человечества. М.: Мысль. 1967, с. 6; Высшие ценности. Составитель Гусейнов А. М.: Молодая гвардия, 1971, с. 172.

из реальных отношений в обществе, отношений человека к действительности, к окружающему его миру в процессе активной познавательной и преобразующей деятельности в соответствии со своими интересами и потребностями (как материальными, так и духовными). При разработке нормативных вопросов профессиональной этики юристов особое внимание должно быть обращено на то, что процесс формирования ценностей находится в тесном единстве с развитием потребностей социалистического общества. Удовлетворение этих общественных потребностей является основой для уяснения социальных ценностей права.

Так, в советском уголовном судопроизводстве раскрытие преступлений, изобличение лиц, их совершивших, тысячами видимых и невидимых нитей тесно связано с социальными условиями социалистического строя внутренним духовным миром советских граждан. Поэтому активная борьба с правонарушениями и их профилактика носят социальный характер и представляют собой конкретную область научно-практического познания социальных явлений, обусловлены объективной потребностью социальной защиты всего общества, прав и свобод советских граждан от преступных посягательств и устранения всякого рода препятствий на пути прогрессивного развития общества, формирования личности нового человека коммунистического общества.

Наличие преступности — явного противоречия моральным эталонам общества, вызывает к жизни потребности в установлении разумных форм и способов, регулирующих процесс ликвидации преступности как социального зла. При этом социальная ценность права должна отвечать всем требованиям коммунистической морали, которые гарантировали бы от ненужного и необоснованного вторжения в сферу личных интересов граждан. В деятельности юристов общая ценностная ориентация, типичная для социалистического общества и выражающаяся во всестороннем личностном развитии через реализацию коллективного интереса³, порождает появление конкретных правовых потребностей, выражающихся в правовом режиме соответствующих отрас-

³ См.: Марксистская этика. М.: Политическая литература, 1980, с. 117.

лей права и правовом статусе субъектов правоотношений. Этико-правовые ценности в деятельности правоведов в этой связи необходимо рассматривать как выражение общественных потребностей, обусловленных экономическим и общественным развитием.

Регулятивный характер норм морали и права позволяет утверждать, что все правовые институты являются ценностью объективной. Она всегда отражает связи, свойства, отношения между субъектом и объектом, отношения субъекта к объекту. Такая взаимность позволяет объективно оценивать деятельность и те средства, которые применяются в профессиональной деятельности юриста с точки зрения соответствия или несоответствия их коммунистическому развитию общества. Вместе с тем в соответствии с марксистской аксиологией сами по себе нормативные ценности не могут определять характер поступков и поведения. Они могут лишь играть роль ориентиров в той или иной ситуации⁴.

В марксистской этической литературе ценности принято классифицировать по двум признакам: по историческому, когда ценности различаются по общественно-экономическим формациям; и по классификации моральных явлений⁵. При этом этики различают ценности-нормы, которые проявляются в идеях, принципах, нормах; ценности-качества, которые проявляются в свойствах характера отдельных лиц и целых профессиональных групп и которые реализуются в поступках, поведении, деятельности.

Применительно к профессиональной деятельности юристов ценности-нормы — это определенная нравственно-правовая система правил, сложившаяся в профессиональной группе правоведов. Следует подчеркнуть, что в основе этой системы лежит моральная цель как наивысшая ценность и часть общественной цели⁶. В социалистическом обществе такой общественной ценностью является построение коммунистического общества. В практической деятельности советских юристов исключитель-

⁴ См.: Высшие ценности. М.: Молодая гвардия, 1971, с. 179.

⁵ См.: Попелова И. Этика М.: Прогресс, 1965, с. 531—550.

⁶ В. П. Тугаринов проводит различие между целевыми и нормативными ценностями. Однако и он считает, что целевые ценности во многих случаях носят нормативный характер. — См.: Теория ценностей в марксизме. Изд-во ЛГУ, 1958, с. 35.

но высокими моральными ценностями, которые отвечают эффективному качественному отправлению профессиональной деятельности, становлению высоконравственных отношений в профессиональном коллективе, являются принципы морального кодекса строителя коммунизма. Уровень ценностного представления индивида, в том числе и профессиональной социальной группы юристов, зависит от многих причин, но прежде всего от уровня морального сознания и социалистического правосознания.

Ценности-качества применительно к профессиональной деятельности — это устойчивые свойства морального сознания и поведения представителей профессиональных групп, проявляющихся в их поступках, делах, свойствах характера.

Между нравственными ценностями-нормами и ценностями-качествами существует теснейшая взаимосвязь и взаимозависимость, так как они подчинены одной общей общественной цели (а в профессиональной группе — профессиональной как части общественной) и призваны способствовать ее реализации.

В связи с изложенным можно определить насущные нормативные задачи профессиональной этики.

Профессиональная этика, во-первых, должна регистрировать все те нормы и качества, которые формируются на основе той или иной профессиональной деятельности; во-вторых, она должна разрабатывать нормы, с помощью которых социальная группа активно влияет на изменение, совершенствование нравственного сознания, нравственных отношений представителей конкретной социальной группы. Для советских юристов задача исследования нравственного содержания действующих законов не исчерпывается выявлением и освещением места морали в структуре закона, определением его социальной направленности. Соответствие действующего законодательства нормам морали всегда являлось и является критерием его совершенства. При этом нравственная сторона практической деятельности юристов в современных условиях развития и совершенствования демократических основ социалистического законодательства определяет по существу перспективу развития гу-

манистической ориентации правового режима нашего государства⁷.

Фундаментальной основой, определяющей необходимые нравственно-профессиональные нормы и качества в социалистическом обществе, являются принципы коммунистической морали. Принятые в нашем обществе принципы коммунистической морали отвечают закономерностям развитого социализма и носят императивный характер для каждого члена нашего общества независимо от его профессиональной деятельности.

Но характер, общественная функция профессии по-разному отражают принципы коммунистической морали. В профессиональной деятельности, объектом и субъектом которой является человек, принцип гуманизма проявляется ярче, полнее, непосредственнее, чем в деятельности, связанной с материальными объектами. В профессиях юриста, педагога, врача и др. объектом деятельности преимущественно является человек с определенными отклонениями от нормы в духовно-нравственном либо в физическом смысле. В силу этого от людей названных профессий требуется особая деликатность, осторожность в общении с людьми и т. п. Таким образом, на формирование норм и принципов профессиональной этики оказывают большое влияние как социальные задачи конкретной профессии, так и те стороны нравственных отношений, которые наиболее типичны для данной профессиональной группы.

Система норм каждой профессиональной морали, в том числе и юридической, отражая специфику деятельности, имеет свои особенности. В этой связи создание кодексов конкретной профессии считается целесообразным⁸, так как они отражали бы особенности профессиональной деятельности и способствовали бы формирова-

⁷ Подробно об этом смотри: Асташенков В. Г. Некоторые методологические аспекты исследования нравственного содержания уголовно-процессуального закона.— *Этика предварительного следствия*. (Труды ВСШ МВД СССР. Волгоград, 1976, вып. 15, с. 19—24; Кокорев Л. Д. Понятие, задачи и соотношение профессиональной этики юриста и следственной этики. Там же, с. 3—11.

⁸ См.: Якубсон Я. Г. О педагогической этике. Л., 1973, с. 9; Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика.— *Социалистическая законность*. 1970, № 10, с. 35—39; Писаренко В. И., Писаренко И. Я. Педагогическая этика. Минск: Народная асвета, 1973, с. 44.

нию необходимых моральных ценностей. Так, Я. Г. Якубсон, дискутируя с авторами статьи «О природе профессиональной этики», которые не видят оснований для создания профессиональных моральных кодексов⁹, справедливо отстаивает создание последних. Он считает, что основой нормативной профессиональной этики является подробная разработка «частностей» нормативной этики, применяемых в конкретной профессиональной деятельности. Последние, по его мнению, вытекают из различного уровня требований, предъявляемых к ряду профессий, и должны стать чертами индивидуальной морали работников данной профессии, в противном случае профессиональная деятельность не может быть выполнена или выполняется плохо. Во избежание последнего необходима «конкретизация, ужесточение» моральных требований, предъявляемых к представителям определенных профессий, т. е. создание морального кодекса¹⁰. Кодификация моральных ценностей является стержневой проблемой нормативной профессиональной этики. Создание моральных кодексов актуализирует разработку системы ценностей и для юридической этики. Очевидно, что в профессиональной этике юриста также могут быть прочные моральные предписания, отражающие основные потребности профессии на данном этапе развития социалистического общества.

Проблема ценностей и в этической, и в правовой литературе занимает одно из ведущих мест¹¹. Наиболее

⁹ См.: Петросян И. Т., Согомонов Ю. В. О природе профессиональной этики.— *Философские науки*, 1969, № 2, с. 78.

¹⁰ См.: Якубсон Я. Г. О педагогической этике. Л., 1973, с. 9.

¹¹ См.: Дробницкий О. Г. Проблема ценности в марксистской философии.— *Вопросы философии*, 1967, № 7, с. 33—39; Бокурадзе О. М. Истина и ценность.— *Вопросы философии*, 1966, № 7, с. 47; Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Изд-во ЛГУ, 1968; Попов С. Аксиология и ее буржуазные истолкователи.— *Коммунист*, 1969, № 11; Анисимов С. Ф., Гусейнов А. А. и др. Моральный выбор. Изд-во МГУ, 1980; Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. Юридическая литература, 1971; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Нравственные принципы и их осуществление в уголовном судопроизводстве.— *Судебная этика*, изд-во Воронежского университета, 1973, с. 25—56; Строгович М. С. Моральные ценности в этике и судебной этике.— В кн.: *Проблемы судебной этики*. М.: Наука, 1974; Кузнецов А. О социальной ценности советского уголовного права.— *Советская юстиция*, 1979, № 13, с. 10—12; *Высшие ценности*. М.: Молодая гвардия, 1971 и др.

оживленную дискуссию вызвала концепция «иерархии ценностей». Специалисты в области уголовного судопроизводства А. Ратинов и Ю. Зархин, анализируя проявление моральных ценностей в уголовном судопроизводстве, пришли к выводу, что при производстве по делу существует конкретная система «иерархии ценностей», рассчитанной на то, что должностные лица могут жертвовать меньшими ценностями в пользу более высоких¹².

Признавая наличие моральных ценностей в уголовном судопроизводстве, М. С. Строгович считает, что вышеприведенная концепция открывает «широкую дорогу для отступления от нравственных принципов, для нарушений норм нравственности под предлогом, что это есть необходимое принесение в жертву «низшей» моральной ценности ради «более высокой ценности». «Сама идея,— продолжает он,— построения иерархии моральных ценностей в виде определенной системы, в которой было бы точно определено место каждой ценности,—какая ценность выше, какая ниже,—совершенно неприемлема для марксистской этики...»¹³.

С нашей точки зрения, оба вышеприведенных суждения вызывают возражения. Прежде всего, вряд ли было бы правильным выступать против концепции «иерархии ценностей» (или «шкалы ценностей») на том основании, что установление «шкалы ценностей» означало бы не что иное, как нарушение норм нравственности по соображениям целесообразности. Такой аргумент против существования шкалы ценностей с гносеологических позиций вызывает сомнение, поскольку значение различных ценностей в жизни общества не может быть одинаковым для каждой профессии, конкретной ситуации и т. д. Каждая ценность, как справедливо замечает С. Ф. Анисимов, представляет собой не самоценность, а условие для существования более высоких ценностей: «Если все известные ценности распределить по степени их значимости для человечества, его существования и прогрессивного развития, то получается классификация в виде своеобразной иерархии ценностей, подчиненной принципу субординации, где каждая ценность по отно-

¹² См.: Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика.— Социалистическая законность, 1970, № 10, с. 35—40.

¹³ Строгович М. С. Судебная этика, ее предмет и сущность.— В кн.: Проблемы судебной этики, М.: Наука, 1974, с. 24—25.

шению к вышестоящей ценности играет роль средства, или условия, или вытекающего из нее следствия»¹⁴. Очевидно, что это положение справедливо для любой профессиональной морали, в том числе и для юридической этики. Однако «иерархия ценностей» в праве и, в частности, в уголовном судопроизводстве, не может трактоваться произвольно. «Шкала ценностей» заложена в самом законе, в процессуальной форме уголовного судопроизводства. Специалистам в области советского уголовного процесса хорошо известно, что было бы наивным говорить абстрактно о равенстве прав участников судебного разбирательства. Правовой статус, скажем, для государственного обвинителя и подсудимого (и это для всех очевидно) совершенно различный — он определяется их процессуальным положением и выполняемой ими функцией. В то же время можно и нужно говорить о равенстве прав участников судебного разбирательства в представлении, исследовании и оценке доказательств. Процессуальный закон содержит в себе и определенную «иерархию» участников уголовно-процессуальных отношений. Она определяется наличием властных полномочий (должностные лица и органы) и установленной самим законом сферой вторжения в личностный мир граждан — участников уголовного судопроизводства. Например, свидетелю, в отличие от подозреваемого, обвиняемого, не могут быть заданы вопросы, уличающие его в совершении преступления. Здесь, как и во многих других случаях, налицо «иерархия» ценностей участников, обусловленная уголовно-процессуальным законом.

Но было бы опасным для правовой теории и вредным для практики создавать «иерархию ценностей гражданина» в зависимости от его процессуального положения. Характер нравственно-правовых отношений с учетом возможного вторжения в межличностные отношения (в соответствии с действующим законом в строго ограниченных пределах) должен быть и может быть единый как по отношению к потерпевшему, так и к обвиняемому, как к свидетелям, так и к другим гражданам — участникам уголовного судопроизводства. И в этом аспекте

¹⁴ Анисимов С. Ф. Ценности реальные и мнимые. М., 1970, с. 22—23.

совершенно недопустимы никакие «жертвы» в пользу более высоких ценностей, как «...недопустимо нарушение правовых норм по мотивам целесообразности»¹⁵. Именно поэтому для правовой нормативной этики важной проблемой является глубоко научное на базе действующего законодательства обоснование общих и специальных требований к представителям юридических профессий, которые определяют их поведение в профессиональной деятельности.

Неоценимо их значение и для подготовки будущих специалистов-юристов, и для переподготовки и повышения квалификации кадровых юридических работников.

Нормативный характер профессиональной этики подчеркивает необходимость анализа моральных ценностей, выраженных в этических категориях.

Как известно, обоснование содержания: природы, системы этических категорий является одной из важнейших философско-этических проблем. Но этические категории могут быть рассмотрены и со стороны их нормативного содержания. Профессиональная этика анализирует этические категории, обосновывает их содержание, исходя из требований коммунистической нравственности и специфических социальных функций профессии. То есть она как бы конкретизирует общие этические категории применительно к профессиональной деятельности, наполняет их содержание тем особенным, чем характеризуется профессиональная деятельность.

Точка зрения, согласно которой существуют этические категории двух уровней — общие и специфические для профессии, вызывает сомнение. Не случайно, характеристика специфических категорий заходит в тупик и ограничивается, как правило, моральной ответственностью, нравственными качествами, принципом гуманизма¹⁶, которые, как известно, также являются категориями первого уровня. В зависимости от социальных функций профессии и содержания профессиональной деятельности происходит изменение субординации и содержания этических категорий. Рассмотрим, к приме-

¹⁵ Проблемы судебной этики. М.: Наука, 1974, с. 25.

¹⁶ См.: Митрофанов Г. А. К вопросу о профессиональной этике. — Труды кафедр гуманитарных наук Пермского медицинского института. 1967, т. 80, вып. 4, с. 51—52.

ру, изменение содержания долга в различной профессиональной деятельности. Наиболее общее понятие долга раскрывается через объективную обязанность перед обществом, классом, через требования, которые предъявляются обществом к поведению человека.

В профессиональной педагогической этике долг трактуется как обязанность учителя постоянно заботиться об образовании и воспитании своих учеников, постоянно совершенствоваться, заниматься самовоспитанием¹⁷.

Долг врача состоит в заботе о сохранении здоровья людей. Долг следователя состоит в объективном и непредвзятом подходе к разрешению любого уголовного дела. Советский воинский долг состоит в защите социалистического отечества и т. д.

Как видно из сказанного, то общее, что характеризует долг как категорию марксистско-ленинской этики — объективная обязанность перед обществом, в каждом конкретном случае преломляется через частные требования профессиональной деятельности. Такой подход к рассмотрению содержания категорий полностью отвечает требованиям конкретно-исторического исследования нравственности. Так, еще В. И. Ленин конкретизировал содержание долга в зависимости от деятельности: партийный долг, долг революционера, долг коммуниста¹⁸.

Подобным образом конкретизируются все этические категории, их содержание наполняется особенным, характерным для определенной профессиональной деятельности.

Как видно, профессиональная этика включает в себя ряд нормативных проблем. Моральность профессиональной группы характеризуется соблюдением определенных норм, тем, насколько они стали необходимой потребностью группы. Анализ, содержание норм профессиональной морали является основной задачей профессиональной этики, решение которой возможно на основе философии морали.

¹⁷ См.: Юшманова Н. Е. Профессиональный долг учителя. — В сб.: Проблемы категорий марксистско-ленинской этики. Новосибирск, 1969, с. 174—176.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 393; т. 8, с. 20.

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Ф. В. ИСМАГИЛОВ

Понятие следственной ситуации в юридической литературе по настоящее время освещается не однозначно. Одним из первых это понятие в юридическую литературу ввел В. К. Гавло. Он рассматривает следственную ситуацию как «сумму полезной для расследования информации»¹. Однако учитывая, что данное понятие не отражает внутреннего содержания следственной ситуации, он дополнил определение перечислением элементов, входящих в его содержание, включив в их число конкретные обстоятельства, сложившиеся по уголовному делу, а также обстоятельства, но уже отраженные в сознании следователя, выступающие в качестве мыслительной модели.

Хотя в этом определении не вполне раскрыты основные структурные элементы следственной ситуации и ее информационная база, но в целом оно дает представление о ряде специфических особенностей данного понятия.

Н. А. Селиванов считает, что следственная ситуация — это сумма значимой для расследования информации, которая принимается во внимание наряду с источниками ее получения².

Но в данном определении не отмечены такие моменты, которые важны как необходимость для успешного хода расследования, высокой оперативности в обнару-

¹ Гавло В. К. Субъективные и объективные следственные ситуации. Сборник научных трудов. Свердловск, 1975, с. 28.

² Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. М.: Социалистическая законность, 1977, № 2, с. 56—59.

жении и собирании следов преступления, определяемой следственной ситуацией.

А. Н. Васильев, раскрывая специфику и роль следственной ситуации в разработке методов расследования отдельных видов преступлений, дает следующее определение: «...под следственной ситуацией целесообразно понимать в криминалистике ход и состояние расследования, совокупность установленных и подлежащих установлению обстоятельств, их значение, степень разрешения задач расследования на данный момент, из чего создаются представление и выводы о дальнейшем ходе расследования и его первоочередные задачи»³.

Н. П. Яблоков расширяет понятие следственной ситуации. «Следственная ситуация расследования, исходя из своей сути, прежде всего должна давать представление о конкретной обстановке, сложившейся в процессе следствия на каком-то его моменте, фрагменте или этапе, когда требуется определить направление и методы расследования. При этом необходимо, чтобы информационная база следственной ситуации расследования включала в себя самые разнообразные сведения, имеющие значение для расследования, и была достаточно широкой»⁴. Н. П. Яблоков включает в содержание следственной ситуации такие важные элементы, как:

данные об известных обстоятельствах расследуемого события;

имеющиеся или собранные следователем доказательства, с указанием источника их получения;

сведения о проделанной к данному моменту следственной работе;

сведения о том, какие запланированные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия еще не проделаны и почему;

данные, характеризующие поведение подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей;

все другие, собранные по делу сведения, имеющие тактическое, методическое и организационное значение.

³ Васильев А. Н. Проблема методики расследования отдельных видов преступлений. Изд-во МГУ, 1978, с. 31.

⁴ Яблоков Н. П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. Изд-во МГУ, 1980, с. 61.

Нам эти элементы представляются специфичными и раскрывают внутреннее содержание следственной ситуации.

Несмотря на имеющиеся различия в определениях, большинство авторов⁵ связывают следственную ситуацию преступления с информацией по уголовному делу о совершении преступления на какой-то определенный промежуток времени, которым располагает следователь. Причем объем этой информации зависит и от субъективных качеств следователя, наличия и совершенства применяемых технических средств.

Следственная ситуация во многом схожа с криминалистической характеристикой на определенный момент расследования, но в то же время она не может сливаться с этим понятием.

В отличие от криминалистической характеристики в содержание следственной ситуации входят ход расследования и источники информации. Составить представление о следственной ситуации невозможно без учета того, с помощью каких следственных действий они были получены. Различие касается и объема фактических данных. Следственная ситуация по объему фактических данных шире объема фактических данных криминалистической характеристики, поскольку в информационную основу следственной ситуации могут входить фактические данные, не повторяющиеся в дальнейшем, но важные для определенного этапа следствия.

Для криминалистической характеристики и следственной ситуации различна и база их формирования. Так, следственная ситуация возникает на базе расследования, а криминалистическая характеристика на базе совершения преступления и существует независимо от того, ведется расследование или нет.

Таким образом, в целом следственную ситуацию можно рассматривать в трех аспектах:

во-первых, как ход и состояние расследования, совокупность установленных и подлежащих установлению обстоятельств, их значение;

⁵ Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений. Л.: Правоведение, № 2, 1977, с. 64—65; Хмыров А. А. Криминалистическая характеристика преступления и пути доказывания по уголовному делу. Л.: Правоведение, 1978, № 3, с. 62—65.

во-вторых, как независимую, абстрактную объективно существующую информационную модель по уголовному делу;

в-третьих, как информационную модель, трансформированную через сознание и деятельность следователя.

Следственные ситуации могут классифицироваться по различным основаниям⁶. Одним из видов указанной классификации является их деление на индивидуальные и типичные. Индивидуальные чаще всего носят частный, неповторяющийся характер, ибо обычно дают представление о положении дел в какой-то определенный момент, фрагмент, эпизод расследования. Их информационная основа всегда насыщена деталями. При расследовании дорожно-транспортных происшествий, связанных со столкновением автотранспортных средств, на первоначальном этапе расследования проявляются индивидуальные следственные ситуации. Типичные ситуации могут основываться даже на самой незначительной информации по делу. Проанализируем эту точку зрения на примере.

На одной из улиц Томска возле пешеходного перехода, регулируемого светофором, остановился поток автомашин. Затем, начав движение, проехав около ста метров, поток вновь остановился. Водитель Попов А. И. на автомашине «Зил-ММЗ-555» самосвал, начав движение и набрав скорость около 30 км/час, двигался на дистанции 5 метров за автомашиной «Жук». Впереди идущая автомашина «Жук» остановилась за автомашиной «Москвич ИЖ-2125» на дистанции 3 метра. Из-за малой дистанции водитель Попов не смог своевременно остановить управляемую им машину. Тормозная система самосвала сработала лишь после столкновения с автомашиной «Жук». Автомобиль «Жук» продвинулся вперед и столкнулся с автомашиной «Москвич». От удара, последовав вперед, «Москвич» столкнулся со стоящим впереди автомобилем «Запорожец»⁷.

На первоначальном этапе расследования следственная ситуация выглядит как строго индивидуальная со своими специфическими, характерными, неповторяющимися признаками только для данного места происшествия.

⁶ Яблоков Н. П. Указ соч., с. 63.

⁷ Уголовное дело № 78/1437, Томск, 1978.

Действительно, одновременно столкнулись четыре автомашины при сухом асфальте. Температура воздуха $+23^{\circ}$. Внешне нет признаков типизации следственной ситуации. Так ли это?

Известно, следственная ситуация означает совокупность обстоятельств, обстановку, положение, имеющее важное значение для оценки состояния дел в какой-либо итоговый момент. Под типичными следственными ситуациями понимаются часто повторяющиеся стереотипные ситуации.

Специфическими, ключевыми моментами следственной ситуации столкновений транспортных средств являются: осмотр места происшествия; осмотр транспортных средств; определение линии столкновения и угла, под которым произошло столкновение; сопоставление повреждений транспорта и других объектов; допрос водителей и очевидцев.

Из нашего примера видно, что центральным узлом столкновения является столкновение «Зила» с «Жук», а остальные транспортные средства получили повреждение в результате силы инерции автомашины «Зил». Хотя и была приведена в действие тормозная система «Зила», однако в данной ситуации сила инерции расходовалась как часть тяговой силы. Поэтому при осмотре места происшествия и автомашин «Москвич» и «Запорожец» следователь фиксирует полученные повреждения автомобилей в результате столкновения и на какое расстояние откатились эти автомобили от места их остановки.

Казалось бы, какое имеют отношение для следственной ситуации проведенные замеры от места остановки и дальнейшее движение двух автомашин после удара? Однако этими замерах мы выявляем, во-первых, силу удара; во-вторых, определяем скорость движения автомашины «Зил»; в-третьих, устанавливаем механизм столкновения, и в результате оценки трех взаимосвязанных элементов криминалистической характеристики столкновений автомобилей выявляем, относится ли данная следственная ситуация к индивидуальной или же к типичной. Но для дальнейшей оценки следственной ситуации необходимо тщательно исследовать центральный узел столкновения, т. е. между автомобилями «Зил» и «Жук».

При осмотре «Зила» и автомобиля «Жук» выявляем и фиксируем место столкновения по расположению осколков стекол фар, подфарников, отвалившейся от машины грязи, отделившихся деталей и частей. Замеряем, на какое расстояние откатилась автомашина «Жук» после удара от места столкновения с автомашиной «Зил».

Однако заметим, что в материалах указанного уголовного дела вышеперечисленные нами элементы обнаружения и фиксации на месте происшествия не нашли своего отражения. А в протоколах осмотра и проверки технического состояния транспорта зафиксированы у автомашины «Зил»: разбиты рассеиватель фары, правый подфарник, имеет вмятину облицовка радиатора; у автомашины «Жук»: разбит задний фонарь, выбито стекло лобовое и т. д. Следовательно, на месте происшествия имеются и следы столкновения и вещественные доказательства для оценки механизма столкновения, а также информация для конструирования мысленной модели следственной ситуации.

При техническом осмотре «Зила» обращается внимание на техническое состояние тормозной системы. Для этого, обеспечив безопасность движения транспортных средств и пешеходов, надо проверить на эффективность торможения тормозной привод на месте происшествия. Эффективность торможения зависит от технической характеристики тормозного привода, коэффициента сцепления дороги с колесами автомобиля и от навыка управления автомобилем.

Точную характеристику дорожного полотна можно установить только на месте происшествия, и здесь же определяется коэффициент сцепления. Даже при сухой асфальтовой дороге на расстоянии двух километров коэффициент сцепления не идентичен из-за структуры дорожного покрытия, температурного влияния воздуха на конкретном участке дороги, постоянного торможения транспортных средств перед перекрестками, светофорами, пешеходными переходами и т. п. Поэтому необходимо проверить работу тормозной системы на месте происшествия.

Из анализа не только данного уголовного дела, но и изученных 350 уголовных дел по Кемеровской и Томской областям такая важная проверка тормозной системы на коэффициент сцепления с дорожным полотном на

практике не проводится. А в процессе дальнейших следственных действий, особенно при назначении автотехнической или криминалистической экспертизы, ощущается недостаток такой информации. Добытая недостающая информация путем допроса водителя не раскрывает механизм происшествия, ибо водитель, по истечении определенного времени, сопоставляет свои действия с Правилами и старается дать показания в свою пользу.

Таким образом, путем дифференцированного анализа указанного уголовного дела на начальном периоде расследования можно сделать вывод, что данное столкновение автомобилей является типичными следственными ситуациями. Одной из основных причин столкновений четырех автомобилей является несоблюдение дистанции водителем Поповым А. И.

Важность этого этапа для успешного расследования подобного рода преступлений очевидна. От того, насколько умело, продуманно и оперативно действовал в ходе него следователь, во многом зависит судьба уголовного дела.

Правильное же определение направленности расследования на первоначальной стадии в любом случае во многом зависит от знания и умелой оценки типичных следственных ситуаций расследования столкновения транспортных средств и соответственно от полноты и обоснованности круга следственных версий, определения способа совершения преступления. Умелая оценка типичных следственных ситуаций дает возможность смоделировать место столкновения, оперативно собрать и зафиксировать необходимую информацию и, наконец, раскрыть механизм столкновения автотранспорта.

Кроме того, специфичность столкновений транспортных средств выражается в том, что в них всегда проявляются, несмотря на кажущуюся индивидуальность, типичные следственные ситуации, но с характерными признаками для определенных видов нарушений Правил движения.

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Под ред. проф. П. С. Дагеля. Владивосток: ДВГУ, 1976, вып. 1

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТЬЮ

Под ред. проф. П. С. Дагеля. Владивосток: ДВГУ, 1978, вып. 2.

Ю. В. ГОЛИК

В последние годы значительно возрос интерес ученых к проблемам преступной неосторожности. Вышли из печати и получили заслуженное признание работы П. С. Дагеля, В. Е. Квашиса, М. Г. Угрехелидзе и других авторов, а также большое количество статей, посвященных уголовно-правовым и криминологическим проблемам неосторожности. Отрадно отметить, что в этом большом объеме литературы не затерялись и не прошли незамеченными рецензируемые сборники. В статьях, помещенных в сборниках, ставятся новые проблемы, намечаются новые подходы к решению старых проблем, выдвигаются заслуживающие внимания и дальнейшей разработки предложения. Актуальность подобных исследований в настоящее время не вызывает сомнений и отвечает требованиям дня.

Поскольку в небольшой рецензии осветить все аспекты проблемы нельзя, мы остановимся на наиболее, на наш взгляд, интересных и дискуссионных вопросах.

Одним из обстоятельств, указывающих на необходимость всестороннего изучения преступной неосторожности, является рост удельного веса неосторожных преступлений в последние годы. Во второй половине 70-х годов по сравнению с серединой неосторожные преступления возросли (I, с. 18, II, с. 24) ¹.

В учебнике «Криминология», вышедшем в 1976 году, говорится лишь о 9% неосторожных преступлений в общей структуре преступности (с. 410). Такие разночте-

¹ Здесь и далее в тексте римской цифрой I помечен сборник 1976 г., а цифрой II — 1978 г.

ния, видимо, объясняются отсутствием единой общесоюзной межведомственной методики сбора и обработки криминологической информации. Возможно, сказываются и региональные особенности. Во всяком случае тенденция увеличения удельного веса неосторожных преступлений существует: цифры убеждают нас в этом.

В условиях научно-технической революции неизмеримо возрастает актуальность уголовно-правовых и криминологических исследований, направленных на предотвращение возможных негативных последствий использования достижений НТР. В этой связи заслуживает внимания освещение особенностей НТР, имеющих отношение к преступной неосторожности (I, с. 17). Автор предостерегает от фатализма при оценке отрицательных последствий НТР (I, с. 18). Такое предостережение оправдано и правомерно и содержится практически во всех работах последних лет по проблемам преступной неосторожности. Однако само по себе осуждение фатализма вряд ли будет способствовать искоренению неосторожных преступлений, тем более, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к росту удельного веса неосторожных преступлений и возрастает общественная опасность неосторожных преступлений. Фатализма можно избежать лишь при повсеместном внедрении действенных профилактических мероприятий. К сожалению, наука еще не всегда может предсказать все последствия того или иного достижения НТР. Отсюда и трудности при разработке профилактических мероприятий (I, с. 117; II, с. 79). Нельзя, конечно, думать, что сразу после введения соответствующих профилактических мероприятий неосторожная преступность пойдет на убыль. Исторический опыт показывает, что искоренение преступности — процесс очень длительный, и бездумный оптимизм здесь совсем не уместен.

Заслуживает внимания классификация преступной неосторожности, предложенная П. С. Дагелем (I, с. 12). За основу классификации он берет сферу деятельности, в которой совершены неосторожные преступления. В целом приведенная классификация может быть признана удовлетворительной, однако не до конца решает все стоящие перед ней вопросы. Так, остается не вполне ясным, к какой группе неосторожных преступлений (бытовые или профессиональные) автор относит преступле-

ние, совершенное, например, водителем-профессионалом при управлении личным автомобилем. Между тем от ответа на этот вопрос зависит разработка и проведение в жизнь специфических профилактических мер.

Эта классификация может быть с успехом использована для выработки конкретных рекомендаций, но она не имеет «глобального» значения. Сфера деятельности — не единственное и, может быть, не превалирующее основание для подобных классификаций.

С классификацией неосторожных преступлений тесно связана проблема классификации неосторожных преступников. К сожалению, этот вопрос не получил должного освещения в рецензируемых сборниках. Более того, раздела «Личность неосторожного преступника» во втором выпуске нет совсем. Это досадный просчет. Невозможно искоренить преступность, не изучая личность преступника.

Как известно, три четверти всех неосторожных преступлений составляют автотранспортные преступления. Существует обширная литература по этому вопросу. К сожалению, преступления совершаются не только на автомобильном транспорте, но и на морском. В этой связи несомненным достоинством сборников являются статьи, в которых рассматриваются вопросы преступных нарушений правил безопасности движения и при эксплуатации морского транспорта. Да и кому, как не дальневосточным ученым заниматься подобной проблематикой. Изучается личность неосторожного «морского» преступника. Причем, если А. И. Коробеев рассматривает в основном уголовно-правовой аспект проблемы (I, с. 73—83), то К. Г. Павлова и А. Н. Волкова — криминологический (I, с. 93—102). Изучается и субъективная сторона этих преступлений (II, с. 40—48). Хотя круг рассматриваемых вопросов и не достаточно широк, тем не менее подобные исследования заслуживают внимания и одобрения.

Известно, какое большое внимание придается в наши дни проблеме охраны окружающей среды. Поэтому весьма актуально звучат статьи Т. А. Бушевой (I, с. 146—157; II, с. 48—68). В них, в частности, анализируется общественная опасность преступлений против природопользования и делается попытка выделить критерии общественной опасности данной группы преступ-

лений (I, с. 147). Однако выделение таких критериев производится только с учетом характера общественной опасности и ничего не говорится о степени общественной опасности. На наш взгляд, разработка подобного рода критериев будет более продуктивной, если будет происходить с учетом и характера общественной опасности, и степени общественной опасности.

Правильно отмечено, что традиционный уголовно-правовой анализ преступной неосторожности в настоящее время «не удовлетворяет ни теоретиков, ни практиков» (II, с. 49). Поэтому в рецензируемых сборниках большое внимание уделяется вопросам мотивации поведения неосторожных преступников. Исследуются мотивы не только отдельных видов преступлений, в частности, неосторожных убийств (II, с. 48—61), но и психологические основы неосторожного поведения в целом (I, с. 19—29). Опираясь на исследования психологов, М. Г. Угрехелидзе заимствует у них и терминологию. Не всегда такое заимствование уместно. В частности, автор пишет о **валентности** установки (I, с. 28). Использование этого (к слову, чисто химического термина) затрудняет понимание смысла отдельных положений статьи (в самом деле, о чем идет речь: о силе установки или ее направленности?) и никак не способствует решению проблемы.

В рецензируемых сборниках впервые в нашей литературе вопросы борьбы с преступной неосторожностью рассматриваются комплексно в различных аспектах. Помимо уголовно-правового и криминологического затрагиваются также уголовно-процессуальный, криминалистический и социально-психологический аспекты (I, с. 5). Так, вып. 2 содержит целый раздел «Расследование и судебное рассмотрение дел о неосторожных преступлениях» (с. 102—145). Особо следует отметить статью И. М. Резниченко и Г. А. Майкова «Анализ неосторожности в защитительной речи адвоката», являющуюся одной из первых работ методического характера по данной проблеме. К сожалению, проблематика некоторых статей этого раздела (А. Г. Стовповой. Досье обвиняемого и Г. С. Заровнева. О социальной адаптации народных заседателей в суде) по сути дела не стыкуется с проблематикой всего сборника в целом.

Несмотря на комплексное рассмотрение проблемы, практически не рассмотренным оказался пенитенциар-

ный аспект. А это немаловажно, так как на практике наблюдается недостаточная дифференцированность применения наказания, в том числе и за неосторожные преступления. Встает вопрос о разработке новых, наиболее действенных видов наказания для неосторожных преступников, о совершенствовании уже имеющихся видов наказания, о совершенствовании методов исправительно-трудового воздействия на неосторожных преступников. Как известно, с февраля 1977 года существуют колонии-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности. Эта законодательная новелла стала первым шагом на пути совершенствования практики применения наказаний к неосторожным преступникам. Но останавливаться на этом нельзя. Одним из дальнейших шагов может стать введение отсрочки исполнения приговора малоопасному преступнику (в число которых большей частью войдут и неосторожные преступники). Возможны и иные пути решения этого вопроса. Но решать его нужно, поскольку он поставлен перед нами самой жизнью.

Оба сборника содержат рецензии на наиболее крупные работы последних лет по данной проблематике.

В заключение хочется отметить, что рецензируемые работы представляют несомненный интерес как для ученых, так и для практических работников, поэтому остается выразить пожелание, чтобы подобные тематические сборники регулярно выходили и в будущем.

Е. П. ЧЕРКАШИНА
ЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА
СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ

Предмет судебной речи, как обвинительной, так и защитительной, определяется кругом вопросов, разрешаемых при постановлении приговора (они перечислены в ст. 303 УПК РСФСР). Выработав по этим вопросам свою позицию, обвинитель и защитник доказывают перед судом ее правильность, убеждают суд в истинности своих выводов. Следовательно, основным содержанием судебной речи является доказывание, то есть критический анализ и оценка доказательств, исследованных в судебном заседании.

Судебные прения не изолированы от предшествующей процессуальной деятельности обвинителя и защитника. Наоборот, они являются, по сути дела, продолжением судебного следствия, в котором тот и другой принимали активное участие. А так как познание фактов объективной действительности в каждом уголовном деле осуществляется опосредствованным путем, то есть с помощью доказательств, то ни судебное следствие, ни судебные прения нельзя себе представить без доказывания.

Если на вопрос о том, имело ли место событие преступления, обвинитель дает положительный, а защитник отрицательный ответ, то оба они должны свою точку зрения соответственно аргументировать. Точно так же они должны подтвердить доказательствами ответ на следующий вопрос: содержится ли в действиях, совершенных подсудимым, состав преступления? Путем строго правового анализа доказывается и то, по какой статье следует квалифицировать преступление, совершенное подсудимым.

В суде не так уж редко складывается острая ситуация, когда прокурор утверждает одно, например, что подсудимый виновен и заслуживает сурового наказания, а защитник доказывает совсем другое, а именно, что подсудимый ни в чем не виновен и заслуживает оправдания, полной реабилитации. Почему такое расхождение во мнениях? Из-за порочности того мыслительного процесса, по которому следует обвинитель или защит-

ник? Из-за неумолимого желания в ложно понятых служебных или личных честолюбивых целях добиться, чего бы это ни стоило, осуждения или, наоборот, оправдания подсудимого? Ни то, ни другое в принципе не исключается, и можно было бы привести немало досадных свидетельств на этот счет. Но все же главная причина не в этом, а в том, что на ход доказывания влияют процессуальные интересы каждой из сторон. Об этом еще много лет назад было сказано так: «Когда историк сообщает факт, у него единственная цель — хорошо его передать: он не заинтересован в нем, но адвокат и прокурор в этом заинтересованы; им важно, как отразится факт в уме судей. Указывая это, мы самым энергичным образом протестуем против извращения истины перед судом... Но и не извращая истины, возможно правдиво передать факт, хотя и в известной благоприятной окраске, можно оттенить резче соответствующие выгодные черты и смягчить неблагоприятные»¹.

Ни для кого не секрет, что конкретное участие в доказывании, его характер и цели определяются процессуальным положением субъекта, функциями, свойственными ему как участнику процесса, настолько реально, что как основные вопросы по делу, так и отдельные факты, их существование или отсутствие, значение их для определения подсудимому меры наказания и т. д. оцениваются с диаметрально противоположных позиций.

Следовательно, не какие-то случайные факторы, а серьезные объективные причины лежат в основе дискуссионной формы судебных прений. Анализ доказательств, даваемый одной из сторон, подчас является критикой точки зрения другой стороны и, в свою очередь, вызывает критику на себя.

Сделать вывод, кто прав в полемике между обвинителем и защитником, предназначено суду. Но нельзя забывать и о судебной аудитории, тоже оценивающей эту полемику. Чтобы спор помог формированию у судей внутреннего убеждения, а присутствующими не воспринимался как что-то формальное, как пустая и ненужная перебранка, обвинитель и защитник должны четко и понятно аргументировать свою точку зрения по

¹ Луцкий К. Л. Судебное красноречие. СПб, 1913, с. 47.

всем вопросам. Именно этим определяется нравственный уровень доказывания в судебных прениях.

Когда по тем или иным вопросам дела высказываются различные мнения, когда по-разному оцениваются одни и те же факты, то особое значение в нравственном отношении приобретают правдивость и искренность обвинителя и защитника. Задача нравственного и правового воспитания подсудимого и всех присутствующих находится в прямой зависимости от того, насколько добросовестно анализируются материалы дела, насколько прочно отстаиваемая точка зрения опирается на фактические данные.

Факты являются основным строительным материалом аргументирования. Только переходя от факта к факту, можно прийти к важным и правильным выводам.

Убедительную силу факты приобретают тогда, когда они берутся в связи и в нужной последовательности. Произвольное выхватывание фактов, отрыв их друг от друга лишают речь убедительной силы. «Факты, — подчеркивал В. И. Ленин, — если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще хуже»².

В судебной речи совершенно обязательны правильность и точность изложения фактов. Она не может быть основана на предположениях, на сомнительных, не проверенных фактах. «Факты, анализ фактов, связь фактов — вот что должно лежать в основе речи государственного обвинителя, вот что делает эту речь убедительной и заставляет суд прислушаться к ней»³.

Об этой общеизвестной истине приходится говорить потому, что иногда обвинители и защитники не увязывают те или иные элементы своей речи с фактическими данными. Прежде всего это относится к тем частям судебной речи, где дается оценка общественно-политического значения совершенного подсудимым деяния и оценка его личности.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

³ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975, с. 338.

Характеристика, даваемая подсудимому, нередко ограничивается лишь общими голословными утверждениями, выражающими субъективное мнение прокурора или защитника. Без какого бы то ни было анализа данных, игнорируя конкретные факты, характеризующие поведение подсудимого и его образ жизни, в речи дается односторонняя — отрицательная или положительная, только в черном или только в розовом свете оценка его личности.

Порой и характеристика общественной опасности преступления в речи прокурора выглядит абстрактно, отвлеченно и воспринимается как бесстрастный доклад, пусть даже и хороший, правильный по содержанию, но совершенно оторванный от рассматриваемого дела. Хотелось бы напомнить в этой связи, что когда М. И. Калинин подчеркивал огромнейшие возможности суда для хорошей агитации, он выводил эти возможности из того, что «судебный процесс есть тот постоянный конкретный случай, который берется прямо из жизни»⁴. Серьезные и глубокие для себя выводы присутствующие на процессе делают не из отвлеченных рассуждений на социальные и моральные темы, а из фактических обстоятельств, на основе которых дается яркий показ общественной вредности совершенного преступления, его недопустимости.

Нередки случаи, когда обвинители стремятся во что бы то ни стало увязать содержание речи с актуальными событиями. Но разве не ясно, что политическая направленность, злободневность выступления определяются не искусственно пристегиваемыми «историческими параллелями», а органической связью оценки социальной опасности преступления с фактическими обстоятельствами дела?

Конечно, было бы неверно отрицать вообще какое-либо значение общих мест в судебной речи: рассуждений об уважении к человеку, о нравственных принципах, о необходимости строгого соблюдения законов каждым членом общества и т. д. Они могут быть и удобной отправной точкой рассуждений, и удачным средством эмоционального усиления отдельных доводов

⁴ Калинин М. И. О социалистической законности. М., 1959, с. 161.

и окончательных выводов. Правда, как эмоционально-чувственный фактор они могут сыграть совсем и не ту роль, на которую рассчитывает оратор, могут послужить на пользу противнику. Подобное отмечается, в частности, при доведенном до крайности преувеличении в характеристике того или иного общего положения. Обратимся к весьма показательному примеру из истории русского суда.

По делу железнодорожного подрядчика, обвинявшегося в неосторожности, последствием которой была смерть рабочего, выступавший в качестве обвинителя А. Ф. Кони говорил: «Всматриваясь в железную дорогу, мы видим, что там, где теперь идет локомотив, лежали костями рабочие, пришедшие издалека, принесшие с собою свою бедность, свой голод и свой труд. Они погибли вследствие грубого нарушения правил осторожности... жизнь их вменялась в ничто перед «ускорением» работы. При мысли юб этом сердце... болезненно сжимается, в голове возникает настойчивая мысль, что это не должно быть терпимо, что виновные... должны быть наказаны». Обвинитель, как видим, в этом общем месте речи стремился вызвать у присяжных чувство сострадания к рабочим, жизнь и здоровье которых не пользуются самой необходимой охраной. А по какому пути пошел защитник? Он стал доказывать вину не своего подзащитного, а всей системы, при которой «не одни рабочие погибают на железной дороге, погибают пассажиры, кладут свои головы машинисты, кондукторы». И далее: «Путь железный есть путь кровавый, устланный костями людей».

Анализирувавший оба выступления А. Г. Тимофеев по поводу этого общего места в речи защитника заметил, что оно должно было достигнуть впечатления, как раз противоположного тому, на которое рассчитывал оратор. «Название железнодорожного пути «кровавым», на котором падают и пассажиры, и машинисты, и кондукторы, могло только заставить присяжных... возможно строже отнестись к обвиняемому, чтобы хоть несколько побудить железнодорожных служащих к осторожности»⁵.

⁵ Тимофеев А. Г. Речи сторон в уголовном процессе. СПб., 1897, с. 25.

Из двух спорящих прав только один. Это, однако, не исключает того, что позиция другого не может не вызывать известного уважения. Даже со стороны тех, кто с ней не согласен. Здесь дело и в форме судебной речи, и в ее внешнем построении и произнесении, но главное — в аргументации.

Аргументация — это приведение оратором одних высказываний (аргументов или доказательств) для обоснования или подкрепления другого высказывания или доказываемого обстоятельства (тезиса). К судебным ораторам предъявляются одинаково высокие нравственные требования применительно и к выдвижению тезиса, и к обоснованию его различными доводами и аргументами. Это и понятно, так как тезис и аргументы — два тесно взаимосвязанных элемента всякого доказывания. Если определенные положения в речи обвинителя и защитника в должной мере не аргументированы, то не спасет никакое их красноречие. Недаром знаменитый трибун древности Цицерон, указывая на основные достоинства, которыми должен владеть оратор, на первое место поставил «умение убеждать точными доводами»⁶.

Аргументация — это важнейшее и эффективнейшее средство доказывания и убеждения. Но проблема аргументации, особенно в полемическом выступлении, не ограничивается чисто логическими моментами. Аргументировать выдвинутые положения надо не только логически грамотно, но и логически культурно, корректно, с тактом.

Много поучительных примеров строго нравственного отношения прокуроров и адвокатов к приемам и формам судебной борьбы дала нам история русского дореволюционного суда. Но этот же суд нередко являл и образцы некрасивых, «неопрятных», а то и просто возмутительных приемов обвинения и защиты. Вот один из них. На судебном процессе по делу о присвоении и растрате казначеем воспитательного дома и его сыном 307 тысяч рублей защитник спрашивал у присяжных оправдательный приговор на таком основании: «Если похищенные 300 тысяч рублей причинили ущерб казне,

⁶ Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972, с. 272.

которая возместила его со всех граждан России, то каждому пришлось внести так мало, что из-за этого говорить не стоит, а тем более обвинять подсудимых». Такой «аргумент» вызвал резкий протест у выдающегося русского юриста А. Ф. Кони, назвавшего его безнравственным⁷.

Когда мы говорим, что проблема аргументации в судебной речи — это не только логическая, но и большая моральная проблема, то конкретно имеем в виду недопустимость преднамеренного или произвольного использования приемов, способствующих принятию ложного за истинное, а также разного рода словесных уверток, недостойных средств полемики.

Одним из основополагающих этических моментов судебных прений должно быть следующее указание В. И. Ленина: «Полемизируйте как угодно резко, только говорите ясно, чего вы хотите»⁸.

Обвинители и защитники иногда в своих речах для ясности специально обозначают обосновываемый тезис. Делается это в такой, например, форме: «Обязанность обвинения по настоящему делу — доказать, что 3 марта с. г. подсудимый А. из корыстных побуждений убил гр-на Б. Мы докажем, что это преступление было совершено умышленно, по заранее обдуманному плану».

Выдающийся русский дореволюционный адвокат В. Д. Спасович в речи по делу об убийстве Нины Андреевской сформулировал свою задачу следующим образом: «Ставлю как тезис, который я должен доказать и который я надеюсь доказать, тезис, в полной истине которого я глубоко убежден и который для меня яснее белого дня, а именно, что Н. Андреевская, купаясь, утонула и что, следовательно, в смерти ее никто не виновен»⁹.

Если тезис относится не к основному факту доказывания, не к речи в целом, а к тому или иному ее разделу, то он может фиксироваться и в других формах: «Наша точка зрения сводится к следующему», «Подсудимый выдвинул положение, суть которого в том, что...», и так далее.

Трудно представить себе более уязвимое место в до-

⁷ См.: Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1966, т. 1, с. 352.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 189.

⁹ Судебные речи известных русских юристов. М., 1959, с. 593.

казывании, нежели логическое противоречие в тезисах или аргументах. Впасть в противоречие с самим собой — значит предрешить тяжелую неудачу в судебной полемике. И наоборот, обнаружить логическое противоречие у противной стороны — фактически обречь ее на поражение. Только ни в коем случае не следует пытаться установить противоречие там, где его в действительности не существует.

Будь один из спорящих даже и абсолютно прав, но если он не сформулировал тезиса ясно и четко, то его противник получит хорошую возможность в трудную для себя минуту спора заявить, что он имел в виду не то, против чего направлены аргументы его оппонента. Вот и получается, что вся дискуссия шла впустую, что никакого нравственного заряда она в себе не несла, что никаких полезных уроков из нее не вынести.

Неприятное впечатление производят случаи, когда в суде стороны спорят о разных по существу вещах. Причиной такого спора (так называемой логомахи) чаще всего является то, что выдвинутый одной из сторон тезис содержит в себе какую-то неопределенность, формулировка его расплывчата. Или, если пользоваться категориями логики, нарушено следующее ее требование: схема, которая соответствует импликации, соединяющей конъюнкцию аргументов с тезисом, должна быть истинной при любых значениях переменных.

Вот весьма характерный в этом отношении пример. Шофер О., управляя автомашиной в нетрезвом состоянии, не принял мер к объезду стоявшего с правой стороны автобуса, что привело к аварии. О. был предан суду по ч. 1 ст. 211 УК РСФСР. В ходе судебного разбирательства стало известно, что уже после совершения этого преступления О., не имея водительских прав, самовольно сел за руль автомашины и вновь совершил аварию, правда, легкую, не подпадающую под признаки уголовно наказуемого деяния. Прокурор ссылаясь на этот факт как на обстоятельство, отягчающее ответственность О. Защитник подсудимого категорически против этого возражал, заявляя, что нельзя признавать отягчающими ответственность обстоятельства, не указанные в ст. 39 УК РСФСР. Разгорелся горячий спор и все от того, что выдвинутый прокурором тезис «обстоятельством, отягчающим ответственность, является

то, что О., не имея водительских прав, снова сел за руль и вновь совершил аварию» не был достаточно однозначным. Этот тезис можно было признать как истинным, так и ложным в зависимости от того, к какому условию назначения наказания его отнести. Одно дело — если отнести к кругу тех обстоятельств,отягчающих уголовную ответственность, исчерпывающий перечень которых содержится в ст. 39 УК РСФСР, и совсем другое — если к обстоятельствам, лишь характеризующим личность виновного.

В ходе судебных прений нередко допускаются серьезные логические ошибки, которые называются «потеря тезиса» или «подмена тезиса». Суть этих ошибок сводится к тому, что начав доказывать один тезис, постепенно переходят к доказыванию другого.

Так, по делу М., обвинявшегося в убийстве своей престарелой и больной родственницы Г., прокурор с тезиса об убийстве постепенно, сам того не замечая, перешел к доказыванию другого тезиса — что смерть Г. была насильственной. При этом он одну за другой отбрасывал как несостоятельные версии о естественной смерти от старости или от тяжелого заболевания, а также в результате несчастного случая. Его произвольной ошибкой воспользовался защитник. Он охотно согласился, что смерть наступила не от этих причин, а была насильственной. Но в результате не убийства, а самоубийства. Мотивами самоубийства Г., по его мнению, были болезнь и тяжелые условия жизни на старости лет.

Подмена тезиса, если она явилась результатом преднамеренной передержки (не как в вышеприведенном случае), свидетельствует о недобросовестности того, кто прибегает к этому софистическому приему. Прибегает, когда не в силах доказать выдвинутое ложное положение или когда стремится переключить внимание суда и всех присутствующих в зале на другие факты, пусть даже малозначащие или даже совсем для дела незначащие.

Известно, что общественная опасность того или иного преступного деяния отнюдь не сводится только к объективному вреду. Если, к примеру, военнослужащий срочной службы самовольно отлучается из части или с места службы (ст. 245 УК РСФСР), то никакого кон-

кретно вреда никем может и не ощущаться. Опасность здесь не в этом, а в возможном восприятии такого деяния другими военнослужащими если и не как пример для подражания, то во всяком случае как действие, при тех или иных условиях вполне допустимое. Казалось бы, все ясно, как ясно и то, что при негодном покушении на кражу, когда преступник с целью завладения ценностями вытаскивает порожний кошелек или лезет в чужой пустой карман, то даже при всем при этом, что потерпевший (предполагаемый владелец денег, драгоценностей) не понес никакого материального ущерба, действие виновного представляет реальную общественную опасность. Однако в защитительной речи адвокат порой упор делает в основном именно на то, что объективного, подлежащего измерению или исчислению вреда причинено не было. А раз так, то не за что, в общем-то и наказывать, хотя очевидно, что главное здесь не в предполагаемом материальном ущербе и даже не в возмещении потерпевшему такого ущерба (если он все-таки был причинен), а в необходимости принятия мер, направленных на исправление лица, совершившего преступление, предупреждения новых преступлений, воздействия на сознание других членов общества.

Бывает, что, стремясь подчеркнуть повышенную общественно-политическую опасность уголовного дела, прокурор дает оценку не фактически содеянному, а иному преступлению, близкому по составу, но более тяжкому. Например, при недостатке материальных ценностей у должностных лиц, которым они переданы для реализации или хранения, прокурор весь свой гнев обрушивает на хищение; при действиях, повлекших смерть, — на убийство, и т. д. Заметим, что это не те случаи, которые относятся к попыткам якобы в интересах усиления борьбы с преступностью квалифицировать действия подсудимых по статье, предусматривающей возможно более строгую ответственность, или к попыткам квалифицировать преступления «с запасом» в расчете на ее уточнение судом. Нет, когда прокурор от «острой» общественно-политической и морально-этической «шапки», другими словами, от пустой трескотни переходит к анализу простых, но живых фактов, к анализу юридических особенностей дела, то предлагает квалифицировать преступление в полном соответ-

ствии с принципом законности и обоснованности обвинения. Например, не как хищение, а как злоупотребление служебным положением или халатность; не как убийство, а как нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта. Факты в конце концов берут свое, но разве можно забывать о воспитательном воздействии обвинительной речи, реально олицетворяющей глубокое уважение к закону и нетерпимость ко всякого рода его нарушениям? Подобные приемы не могут быть оправданы никакими соображениями — ни юридического, ни морального, ни логического порядка.

Не спорим, разграничить составы «родственных» преступлений в ряде случаев представляется задачей весьма затруднительной. Но коли так, то неверно давать характеристику социальной опасности преступления раньше, чем будет определена его уголовно-правовая сущность. Несоблюдение этого требования серьезно осложняет доказывание, приводит к логической путанице.

Судебная речь — это речь, в которой главное не информация, не комментирование событий. Это и не речь, которая сводится только к исследованию фактов. Специфика судебной речи в том, что в ее основе лежит функция воздействия, что она относится к речам так называемого убеждающего типа. Добиться стройности изложения, убедительности доказывания тех или иных положений с помощью схемы силлогизма и законов формальной логики, дающих ключ к правильному и строгому формулированию умозаключений, невозможно. В непосредственном конструировании судебной речи лежит то, что П. С. Пороховщиков назвал «боевой схемой» изложения и «нервами речи». Он имел в виду, что в основе тактики и стратегии речи должно быть не просто построение силлогизма или выведение правильных заключений из посылок, а развертывание этих посылок и структура их обоснования. Нервы дела, писал он, «могут быть совсем в стороне от логического рассуждения; чтобы находить их, нужен живой ум и знание людей»¹⁰. Конечно, автор далек от отрицания ло-

¹⁰ Сергеев П. (Пороховщиков П. С.). Искусство речи на суде М., 1960, с. 93.

гической схемы поиска истины, отрицания логической схемы обвинения или защиты, наконец, от отрицания логической схемы, определяющей содержательную сторону речи. Напротив, он подчеркивал, что «главное положение составляет часть формального логического рассуждения о виновности подсудимого, это рассуждение составляется из ряда отдельных последовательных положений»¹¹. Речь шла совсем не об этом, а о соотношении формальной логики и «логики изложения», о принципиальном различии формально-логических способов доказательства и опровержения, с одной стороны, и способов аргументации, приемов, тактических ходов, характерных для судебной речи — с другой. Об этом различии может свидетельствовать, к примеру, тот факт, что обычным и одним из самых распространенных, одним из самых типичных и показательных приемов аргументации в судебной речи является тот, суть которого в следующем: из одного и того же факта делаются далеко не одинаковые, более того, разные или даже прямо противоположные выводы.

Этот прием аргументации, равно как и различное изложение одного и того же содержания, проистекает от общего идейно-композиционного центра судебной речи и стратегических принципов судебного оратора. Вместе с тем здесь нельзя не видеть и вопросов этического порядка, особенно когда в условиях дефицита доказательств последние изыскиваются в нравственной сфере, например, в характеристиках обвиняемого и потерпевшего.

ЦЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ¹

В. А. СТРЕМОВСКИЙ, Ю. А. ЛЯХОВ

Монография Н. Т. Ведерникова «Личность обвиняемого и подсудимого» посвящена понятию, предмету и методике изучения данных о личности обвиняемого (подсудимого) на предварительном следствии и в суде. Несмотря на то, что в уголовно-процессуальной литературе и ранее был опубликован ряд работ, автор рецензируемой монографии подошел к проблеме по-новому, коснулся ряда сторон этой проблемы, которые ранее оставались мало или вовсе не рассмотренными.

На основе современных марксистско-ленинских положений теории личности автор разработал понятие и определил предмет изучения личности обвиняемого следователем и судом. Предложено закрепить предмет изучения личности обвиняемого в процессуальном законе как самостоятельную правовую категорию. В книге тщательно и глубоко рассмотрен комплекс процессуальных средств, призванных обеспечить всестороннее изучение личности обвиняемого, сбор и оценку надлежащих сведений о нем.

Монография состоит из краткого предисловия и четырех глав.

В главе первой дано понятие личности в обществе, а также понятие и структура личности обвиняемого (с. 5—36).

Тщательно и критически рассмотрев имеющиеся в философской, психологической и юридической литературе точки зрения относительно понятия личности и че-

¹ Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого. (Понятие, предмет и методика изучения). Томск: Изд-во Томского университета. 1978, 174 с.

ловека, автор монографии касается многих аспектов этой чрезвычайно важной проблемы. Руководствуясь марксистским подходом к проблеме, автор справедливо отмечает, что в предметном составе конкретной личности следует выделить три компонента: биологический, психологический и социальный (с. 12). Здесь же правильно подмечено, что «...изучение личности путем изучения ее деятельности открывает перспективу построения социальной структуры личности по видам деятельности с последующим собиранием сведений о проявлениях личности в этих областях, сферах деятельности» (с. 17).

Далее, в этой же главе поставлен чрезвычайно важный вопрос об определении видов деятельности, в которых проявляются наиболее важные, сущностные свойства личности (с. 17) и тут же дан на этот вопрос ценный ответ. Автор указывает, что есть такие три основные сферы деятельности: 1) сфера, связанная с участием в производительном труде; 2) сфера, связанная с участием в различных видах общественно-политической деятельности и 3) сфера быта, досуга и свободного времени. Иными словами, автор предлагает рассматривать личность как человека-труженика, как гражданина и как частное лицо (с. 18).

Переходя к исследованию понятия и структуры личности обвиняемого автор отмечает, что исходным для раскрытия этого понятия являются общетеоретические философские и правовые положения о личности (с. 21).

Автор справедливо обращает внимание на то, что «правовое положение личности в обществе, ядром которого является правовой статус, является единый для всех граждан страны, в том числе, надо полагать, и для лиц, находящихся под следствием и судом» (с. 25).

Это положение важно потому, что порой еще встречаются утверждения о том, что «обвиняемый» (подсудимый) и «преступник» — понятия тождественные. Автор же книги справедливо отмечает, что закон, в силу презумпции невиновности, не считает обвиняемого виновным, пока не вступит в законную силу приговор суда, и в этом выражается «стремление государства не допустить осуждение невиновного и установить истину по каждому уголовному делу» (с. 27).

Заслуживают внимания суждения автора книги о

том, что «в соединении специального правового статуса и деятельности по его исполнению мы усматриваем главное при решении вопроса о понятии личности обвиняемого» (с. 29).

При подходе к понятию личности обвиняемого автор выделяет понятие «обвиняемый» как процессуальную фигуру и понятие «обвиняемый» как конкретную личность (с. 30—31).

По мнению автора книги, «обвиняемый как процессуальная фигура — это субъект, обладающий по закону совокупностью специфических прав и обязанностей (специальный правовой статус) и необходимых для их обладания свойств личности, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого» (с. 31).

Обвиняемый как конкретная личность «вступает в конкретные правоотношения и в ходе их непосредственно использует свои права и обязанности, составляющие его специальный правовой статус, исполняет правовую социальную роль» (с. 29).

В монографии сделан правильный и важный вывод о том, что «в рамках конкретного уголовно-процессуального отношения обвиняемый выступает уже не как некая абстрактная фигура, а как живая личность во всем многообразии своих индивидуальных свойств и качеств» (с. 31).

Завершается первая глава суждениями о структуре личности обвиняемого. Представляется важным утверждение о том, что правильно решить этот вопрос можно только «на основе общефилософских и социологических суждений о структуре личности с учетом особенностей обвиняемого, обусловленных его специальным правовым статусом» (с. 33).

С учетом сказанного автор приходит к выводу о том, что «личность обвиняемого — это конкретное лицо, характеризующееся проявлением своих свойств как в основных сферах деятельности всякого человека, так и в специфической правовой сфере при реализации специального правового статуса и выполнении правовой социальной роли» (с. 36).

В главе второй — центральной главе монографии — подробно рассмотрены задачи, значение и предмет изучения личности обвиняемого. Впервые в уголовно-про-

цессуальной литературе к решению задач изучения личности обвиняемого определен комплексный подход, а именно предложено изучение личности обвиняемого в пяти аспектах: уголовно-правовом, уголовно-процессуальном, исправительно-трудовом (пенитенциарном), криминалистическом и криминологическом.

Такой подход заслуживает не только внимания, но и положительной оценки, поскольку он обеспечивает решение задач не только уголовного судопроизводства, но также всех названных выше отраслей права. Предложенный подход изучения личности обвиняемого действительно способен обеспечить: полноту расследования и разрешения дела, избрать надлежащую меру пресечения, проведение наиболее эффективных тактических приемов следствия, выполнение задачи воспитательного воздействия на обвиняемого (подсудимого), внесение предложений по предупреждению преступлений. Кроме всего этого, указанный метод изучения личности обвиняемого способствует также решению вопроса о пределах этого изучения.

В последующем изложении этой главы подробно рассмотрены задачи и значение изучения личности обвиняемого для решения уголовно-правовых вопросов (с. 44—49); уголовно-процессуальных (с. 49—61); исправительно-трудовых (с. 61—66), криминалистического изучения личности обвиняемого (с. 66—76), а также криминологического аспекта изучения личности обвиняемого (с. 76—79).

Автор книги подробно исследует задачи и значение каждого из названных аспектов изучения личности обвиняемого, что заслуживает пристального внимания и одобрения.

В рецензии нет необходимости более подробно останавливаться на содержании главы. Отметим лишь то, что каждый аспект изучения личности обвиняемого наполнен конкретным содержанием. Так, в частности, содержание уголовно-правового аспекта изучения личности обвиняемого составляют: признаки субъекта преступления, сведения о личности обвиняемого, необходимые для установления состава преступления и решения всех других вопросов уголовной ответственности (с. 49).

Завершается эта глава исследованием вопроса о пра-

овой регламентации предмета и пределов изучения личности обвиняемого.

Критически рассмотрев высказанные в литературе взгляды на этот вопрос, автор приходит к выводу о необходимости «включить установление обстоятельств, характеризующих личность, в закон в виде самостоятельной, специальной статьи уголовно-процессуального кодекса» (с. 90). Автор приводит обобщенную формулировку предлагаемой им статьи закона (с. 92). Предложение автора нам представляется заслуживающим внимания законодателя.

В главе третьей рассмотрены все средства изучения личности обвиняемого. Для того, чтобы личность обвиняемого была изучена с достаточной полнотой, необходимы, конечно же, надлежащие средства, гарантирующие такое изучение. Автор книги с полным основанием к таким средствам относит: 1) источники информации о личности обвиняемого, 2) пути и способы ее получения, 3) процессуальные формы закрепления и 4) оценку собранных данных (с. 95).

В главе даны определения понятия сведений о личности обвиняемого и их доказательственное значение (с. 96—103); характеристика источников информации о личности обвиняемого (с. 103—110); изложена методика получения информации о личности обвиняемого (с. 110—134), а также исследован вопрос о процессуальном оформлении и оценке доказательств о личности обвиняемого (с. 134—144).

Структура этой главы и ее содержание свидетельствуют о том, что автор рецензируемой монографии глубоко и всесторонне исследовал значение средств изучения личности обвиняемого и потому так подробно на этом остановился. Несомненно, это окажет ощутимую помощь следователю и суду в их практической деятельности. Мы думаем, что суждения автора будут полезны и для теории уголовного судопроизводства.

В этой же главе автор коснулся одного чрезвычайно важного, но не бесспорного положения — о возможности и допустимости использования непосредственного познания в уголовном судопроизводстве. Автор книги разделяет точку зрения тех ученых (В. Я. Дорохова, В. С. Николаева, Р. С. Белкина, А. И. Винберга, И. М. Лузгина, В. З. Лукашевича, А. Р. Ратинова и др.),

которые считают возможным и допустимым путем непосредственного восприятия познать различные обстоятельства преступления.

«Основываясь на необходимости изучения не только прошлого,— пишет автор книги,— но и настоящего о личности обвиняемого, условий, которые предоставляет для этого обстановка расследования и судебного разбирательства, наличия профессиональной способности следователя и судьи познать сущность личности, с учетом современных достижений социальной психологии, считаем, что в настоящее время возможно познание свойств личности путем непосредственного восприятия следователем и судьей» (с. 100).

Здесь же автор справедливо отмечает, что «трудность заключается в обеспечении гарантий законности и в процессуальном оформлении результатов такого изучения, а именно в том, где (в каком процессуальном документе) и как следователь и суд могут выразить и использовать результаты своего непосредственного изучения» (с. 100).

В дальнейшем изложении (с. 134—144) автор излагает свои суждения и по этой немаловажной стороне вопроса. Думается, что автор стоит на правильном пути, когда предлагает «иметь отдельный, самостоятельный процессуальный документ, в котором бы анализировались, оценивались и излагались в виде обобщенной характеристики все сведения о личности обвиняемого, имеющиеся в материалах уголовного дела» (с. 137).

Такая справка-характеристика, полагает автор, «должна составляться одновременно с обвинительным заключением и вручаться вместе с ним обвиняемому» (с. 138).

Монография завершается главой об изучении личности подсудимого в судебном разбирательстве (с. 145—173).

Автор стоит на правильной позиции, когда отмечает, что изучение личности в суде не есть простая проверка данных, полученных на предварительном следствии, а есть «самостоятельное исследование в условиях гласности, устности, непрерывности и непосредственности рассмотрения, проводимое судом с активным участием всех участников процесса» (с. 145). Это особенно необходимо отметить потому, что порой и сейчас отдельные уче-

ные утверждают, что судебное разбирательство, есть лишь «продолжение предварительного расследования»².

Прав автор монографии и в том, что в судебном разбирательстве тщательное изучение личности подсудимого обеспечено тем, что «суд располагает значительными возможностями для получения данных о личности подсудимого» (с. 147), что этому содействуют принципы гласности, устности, непосредственности и состязательности, здесь реализуемые в полном объеме (с. 147).

Автор прав и в том, что еще встречаются факты неудовлетворительного изучения личности подсудимого в суде, а это есть продолжение недостатков работы органов предварительного следствия (с. 153).

Сказанное дает основание согласиться с предложением автора рецензируемой монографии дополнить уголовно-процессуальный закон (УПК РСФСР) специальной нормой, обязывающей следователя и суд подробно изучить личность обвиняемого (подсудимого).

Завершается глава интересными и ценными соображениями о необходимости результаты изучения личности подсудимого отражать в приговоре суда (с. 165—173).

Завершая краткую рецензию на монографию Н. Т. Ведерникова, считаем необходимым отметить, что автор провел глубокое исследование одной из важнейших проблем теории уголовного судопроизводства. Книга имеет и большое практическое значение. Она явится ценным вкладом в теорию и практику уголовного процесса. Остается выразить свое сожаление, что тираж книги (1500 экз.) настолько незначителен, что ценные и полезные идеи автора и его рекомендации вряд ли станут достоянием следователей и судей, то есть тех, к кому она адресована.

² См., например: Выдря М. М. Расследование уголовного дела — функция уголовного процесса. — Советское государство и право, 1980, № 9, с. 82.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Л. Ременсон. Вопросы правового регулирования исправления и перевоспитания осужденных	3
В. В. Тирский, Ш. Ш. Хамитов. Цели, направления и формы политико-воспитательной работы в советских ИТУ.	12
А. В. Усс. О привлечении к уголовной и дисциплинарной ответственности за посягательства против личности, совершаемые осужденными в исправительно-трудовых учреждениях.	22
А. С. Бондаренко. Совершенствование практики установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	28
Ю. К. Якимович. Передвижение без конвоя лиц, лишенных свободы (Практика применения и вопросы дальнейшего совершенствования правового регулирования)	34
Е. А. Заплатина. Некоторые вопросы предупреждения рецидивной преступности женщин	41
Ю. И. Евстратов. Некоторые вопросы теории криминализации.	50
В. А. Уткин. О системе специализированных воспитательно-профилактических органов	63
Н. П. Минаева. Правовая регламентация, обеспечивающая организацию профилактики правонарушений местными Советами народных депутатов	74
О. В. Филимонов. Особенности мер правового принуждения, применяемых в процессе индивидуальной профилактики преступлений, и их классификация	84
И. Л. Друкаров. Некоторые вопросы ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних в деятельности комиссии по делам несовершеннолетних	91
Л. М. Володина. Процессуальный порядок прекращения уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с направлением для применения мер общественного воздействия в стадии предварительного расследования	97
Н. П. Тутышкин. Процессуальное положение и функции прокурора в стадии возбуждения уголовного дела	104
В. С. Максимов. Тактические особенности очной ставки на судебном следствии	113
В. И. Черкашин. Следственный осмотр и предварительное исследование документов в тактике следственных действий	122

Н. Т. Ведерников. Об эффективности применения закона, регулирующего расследование преступлений, и методике ее определения	127
Н. Т. Ведерников, О. Н. Ведерникова. Первые советские криминологические учреждения	135
П. П. Тепляков, Е. И. Круглов. Законные представители несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе России и ряда западноевропейских государств XIX — начала XX вв.	144
Э. П. Асташенкова, В. Г. Асташенков. Методологические проблемы профессиональной этики (Нормативный аспект)	155
Ф. В. Исмагилов. Типичные следственные ситуации при столкновении автотранспортных средств	165
Ю. В. Голик. Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции / Под ред. проф. П. С. Дагеля. Владивосток: ДВГУ, 1976. Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. / Под ред. проф. П. С. Дагеля. Владивосток: ДВГУ, 1978, вып. 2	
Е. П. Черкашина. Логические и этические начала судебных прений	177
В. А. Стремовский, Ю. А. Ляхов. Рецензия на монографию Н. Т. Ведерникова «Личность обвиняемого и подсудимого». Томск, 1978	189

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ИБ 882

Редактор **М. И. Сваровская**
Технический редактор **Г. Н. Гридина**
Корректор **Т. В. Худякова**

Сдано в набор 18/XII-81 г. Подписано к печати 11/X-82 г. К303150.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Литературная гарни-
тура. Высокая печать. П. л. 5,75; уч.-изд. л. 9,1; усл. п. л. 9,66.
Тираж 500 экз. Заказ 469. Цена 1 р. 40 к.

Издательство ТГУ, 634010, Томск, пр. Ленина, 36
Тип. «Красноярский рабочий», г. Красноярск, пр. Мира, 91.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
<http://ital.lib.tsu.ru>

1-485172

1 р. 40 к.

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00362300